

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОХОТЬСЯ *на меня*

СЕРИЯ «ПРЕКРАСНЫЕ МОНСТРЫ»

БЬЯНКА КОУЛ

Бьянка Коул

Охоться на меня

<https://litres.ru/74007018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я сделала карьеру на том, что была невидимкой. Пока не встретила его.

Алексея Иванова. «Призрак» из даркнета. Цифровой принц криминальной империи Ивановых. Блестящий. Непостоянный. Неотразимый.

Взлом его систем должен был стать мстью. Вместо этого я обнаружила, что у меня зависимость. Каждая насмешка была намеренной — цифровые хлебные крошки, ведущие его прямо ко мне.

Он думает, что охотится на меня, но на самом деле это я охочусь на него.

По мере того как наша игра переносится с экранов в реальность, напряжение между нами становится невыносимым. Граница между хищником и жертвой стирается с каждой встречей.

Говорят, никогда не дразни монстра, если не готов быть съеденным.

Я на это рассчитываю.

Охотишься на меня, Алексей? Если сможешь.

Содержание

Посвящение	4
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	57
Глава 7	64
Глава 8	77
Глава 9	92
Глава 10	103
Глава 11	111
Глава 12	121
Глава 13	138
Глава 14	152
Глава 15	159
Глава 16	167
Глава 17	180
Глава 18	189
Глава 19	204
Глава 20	218
Гл	225
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Бьянка Коул

Охотья на меня

Посвящение

Всем женщинам, которые мечтают,
чтобы за ними охотился такой же
блестящий мужчина, как он, и когда
он поймает тебя..

Глава 1

Алексей

Я захлопываю ноутбук и запикиваю его в свою сумку, ругаясь себе под нос. Три недели. Три гребаные недели погони за цифровыми крошками, которые ни к чему не приводят. Кем бы ни был этот «Фантом», он хорош. Слишком хорош. Он взламывает мои протоколы безопасности, как будто они сделаны из гребаной папиросной бумаги, и это сводит меня с ума.

Мой телефон гудит от сообщения Николая: — Ужин. Сейчас же.

Я смотрю на свой телефон. Типичный Николай — относится к текстам, как к королевским указам. Нет нужды в любезностях, когда ты царь империи Иванов.

— Черт, — бормочу я, взглянув на время. Почти 9 вечера. Я отсиживался в этом кафе недалеко от Массачусетского технологического института четырнадцать часов подряд, запуская программы отслеживания, которые ни к чему меня не привели.

Я бросаю сотню на стол — слишком много для шести

выпитых эспрессо, но бариста доликает мне воду без моей просьбы. Маленькие проявления доброты заслуживают признания в этом городском аквариуме с акулами.

Осенний воздух Бостона на улице бьет мне в лицо отрезвляющим холодом. Я мог бы вызвать машину, но мои мысли слишком быстро кружатся, чтобы их сдерживать. Мои пальцы подергиваются от нерастроченной энергии, когда я начинаю идти, направляясь по улицам Кембриджа к мосту Лонгфелло.

— Фантом, — шепчу я, чувствуя горечь имени на языке. Он трижды взламывал наши финансовые брандмауэры. Трижды я исправлял уязвимость только для того, чтобы найти другой эксплойт. Как будто он насмехается надо мной лично, оставляя цифровые отпечатки пальцев, достаточно отчетливые, чтобы я мог их распознать, но слишком призрачные, чтобы их можно было отследить.

Мой телефон снова жужжит: — Алексей. Сейчас.

— Я иду, брат, — говорю я вслух, ни к кому не обращаясь, ничего не печатая. Николай ненавидит, когда его игнорируют. Я ненавижу, когда меня торопят. Мы, как обычно, зашли в тупик.

Река Чарльз простирается подо мной, когда я пересекаю мост, городские огни переливаются на ее поверхности. Впереди мерцает горизонт Бостона, сплошь стекло, сталь и кирпич старого света. В этом лабиринте богатства и истории находится наша крепость — особняк на Бикон-Хилл, который

более безопасен, чем большинство правительственных объектов.

Двадцать минут спустя я поднимаюсь по ступенькам к нашей входной двери. Я прохожу через массивные дубовые двери особняка, и знакомый запах дорогой полироли для мебели и готовки Оксаны сразу же поражает меня. Из столовой доносятся голоса — смех, звон хрусталя, семейное блаженство в логове льва.

— А, прибыл блудный сын, — объявляет Дмитрий, когда я вхожу. Он сидит, собственнически обняв Таш за плечи, и выглядит как мальчик с плаката с Уолл-стрит.

— Извини, я опоздал. Был занят спасением нашего цифрового королевства от варваров у ворот, — я опускаюсь на пустой стул, единственный, рядом с которым нет партнера. — Не обращайтесь на меня внимания, просто местный технический гном.

София передает мне корзинку с хлебом. — Все в порядке, Алексей?

— Замечательно. Только что играл в худшую в мире цифровую игру в прятки за последние три недели. — Я хватаю булочку и вгрызаюсь в нее. — Кто-нибудь хочет обменять жизни? Эрик? Твоя работа связана с такими простыми вещами, как пули и кровь, верно?

Эрик, сидящий так, что его рука почти касается руки Катарины, одаривает меня своим фирменным взглядом с каменным выражением лица.

— Я просто предполагаю, что погоня за кем-то, кто может исчезнуть в цифровом мире, приносит меньше удовольствия, чем ваши более... осязаемые проблемы, — говорю я, потянувшись за водкой.

Николай прочищает горло. — Возможно, рабочие обсуждения могут подождать до окончания ужина.

— Конечно, конечно. Давай поговорим... о чем именно? О погоде? О политике? Тот факт, что я явно седьмое колесо на этом очень сбалансированном семейном трехколесном велосипеде?

Таш фыркает в свой бокал с вином, заслужив взгляд Дмитрия.

— Что? — Я невинно развел руками. — Просто наблюдаю за идеально парным характером нашего маленького сборища. Это как Ноев ковчег, только с дизайнерскими костюмами и склонностью к убийству, и моя девочка опоздала на гребаную лодку.

— Заткнись, Алексей. — Голос Николая разносится по столовой, не сердитый, но твердый — голос, которым он разрешал ссоры, когда мы были детьми. — Если тебе не нравится быть лишним мужчиной, возможно, тебе стоит, перестать гоняться за цифровыми призраками и найти себе настоящую женщину.

Я поднимаю бокал с водкой в шутливом приветствии. — Говорит мужчина, который преследовал свою жену, прежде чем сделать первый шаг. Вот тебе и настоящая гладкая ро-

мантическая стратегия, старший брат.

Губы Софии подергиваются. — В его словах есть смысл, Коля.

— Я не преследовал, — с достоинством отвечает Николай. — Я проводил тщательное расследование.

— Из-за окна ее спальни? — Дмитрий сухо добавляет.

Я фыркаю. — Помнишь, как он взломал систему безопасности ее галереи, просто чтобы посмотреть на ее работу? Любительский час. — Я мог бы сделать это удаленно.

— И все же ты одинок, — указывает Таш, наклоняясь к Дмитрию. — Возможно, есть что сказать в пользу прямого подхода.

— Прямой подход? — Я смеюсь. — Мы так это называем, когда Дмитрий неделями терроризировал тебя, прежде чем ты поддалась его чарам? Или когда Эрик буквально похитил Катарину?

Выражение лица Эрика не меняется, но его рука скользит по столу, чтобы накрыть руку Катарины. — Это сработало.

— Вы все создали ужасающий прецедент, — бормочу я. — Что я должен делать? Найти хорошую девушку и запереть ее в моей серверной, пока не разразится стокгольмский синдром?

— Может быть, сначала попробуешь поговорить, — предлагает София.

— Или регулярно принимать душ, — добавляет Дмитрий.

Я небрежно отмахиваюсь от него. — Я вчера принимал

душ. Может быть.

— Фантом занимал все его время, — объясняет Николай, обращаясь к столу. — Три недели и никакого прогресса. Возможно, это знак того, что ты встретил достойную пару, младший брат.

Напоминание о моей неудаче ранит сильнее, чем я хочу признать. — Никто мне не ровня. Я просто ещё не... полностью включился в процесс.

— Или, может быть, — говорит Таш с лукавой улыбкой, — ты слишком наслаждаешься погоней, чтобы на самом деле поймать его.

— Наслаждаюсь погоней? — Я усмехаюсь, но что-то в словах Таш попадает неприятно близко к истине. — Это все равно что сказать, что мне нравятся мигрени или постоянные удары ржавыми вилками.

Я снова тянусь за водкой, наливая себе еще стакан, избегая неодобрительного взгляда Николая. Правда сложнее. Этот Фантом — первый достойный противник, с которым я столкнулся за многие годы. Большинство хакеров — дети-сценаристы, играющие с инструментами, которые они едва понимают. Этот... этот человек знает игру лучше, чем кто-либо из тех, с кем я сталкивался.

— Возможно, Фантом — женщина, — предполагает София, и в ее глазах мелькает озорство. — Это объяснило бы, почему ты не можешь заставить себя закончить игру.

Дмитрий посмеивается. — Наш Алексей, сломлен жен-

щиной, которую он даже никогда не видел.

— Не будь смешным, — огрызаюсь я, но от этой мысли меня охватывает неожиданный трепет. — Пол в коде не имеет значения. Все, что имеет значение, — это мастерство.

Эрик, как всегда немногословный, приподнимает бровь. — Звучит так, будто ты защищаешься.

— Я не защищаюсь! — Мой голос повышается настолько, что Оксана выглядывает из кухни, на ее обветренном лице читается беспокойство. Я уменьшаю громкость. — Я расстроен. Этот хакер подобен призраку — появляется и исчезает прежде, чем я успеваю за ним закрепиться. Он использует сложный протокол обмена данными, которого я никогда раньше не видел.

— Может быть, в этом твоя проблема, — тихо говорит Катарина. Впервые за весь вечер она обратилась ко мне напрямую. — Ты пытаешься поймать сачком что-то неземное.

Я замираю, вилка на полпути ко рту. — Что это значит?

— Иногда, чтобы поймать призрака, нужно самому им стать. — Она пожимает плечами, внезапно смутившись, когда все взгляды обращаются к ней.

Я барабаню пальцами по столу, лихорадочно соображая. — Это... не совсем глупо. Я пытался заманить его в ловушку, но, возможно, вместо этого мне нужно преследовать их.

— Боже, помоги нам всем, — бормочет Дмитрий. — У него такой взгляд.

— Какой взгляд? — Спрашиваю я, уже мысленно про-

граммируя новый подход.

— Тот, который означает, что мы не увидимся с тобой несколько дней и, вероятно, тебе следует заполнить холодильник энергетическими напитками и замороженной пиццей, — заканчивает за него Таш.

Я смотрю на Катарину целых пять секунд. — Стань призраком. Ха. — Мой мозг уже лихорадочно обрабатывает, алгоритмы перестраиваются в моей голове, как живые существа. — Это... на самом деле блестяще.

— Не поощряй ее, — бормочет Эрик, но за его стоическим выражением лица скрывается почти улыбка.

Мои пальцы быстрее барабанят по скатерти по мере того, как идея расширяется, подобно фракталу. — Я пытался поймать их с поличным, но что, если я создам собственное привидение? Цифровой двойник, который следует их почерку, повторяя их движения, становясь их тенью.

София передает мне картошку, которую я не просил. — По-английски для тех из нас, кто не говорит на двоичном?

— Я создам программу, которая будет вести себя как они, использовать их методы. Когда они взламывают систему, мой призрак следует за ними, прикрепляясь к их коду, как... как цифровой паразит. — Волнение нарастает в моей груди, это знакомое электрическое чувство, когда я натыкаюсь на что-то хорошее. — Я не просто буду отслеживать их — я буду преследовать их.

Николай изучает меня своими расчетливыми серыми гла-

зами. — Как долго?

— Два дня. Может быть, три. — Я уже мысленно составляю каталог компонентов, которые мне понадобятся, структуру, средства защиты.

— Ты сказал это в прошлый раз, — указывает Дмитрий. — Потом исчез на неделю.

Я пренебрежительно машу рукой. — Мелкие детали. Это другое. На этот раз я не пытаюсь возводить стены — я создаю охотника. — Я отодвигаю тарелку, к которой почти не приотронулся, и встаю. — Извини, что приходится есть и убегать, но мне нужно...

— Сядь. — Команда Николая заставляет меня приподняться со стула. — Сначала доешь свой ужин. Фантом ждал три недели; он может подождать еще тридцать минут.

Я опускаюсь обратно, узнав этот тон, не терпящий возражений. — Ладно. Но я возьму кофе на дорогу.

— И настоящую еду, — добавляет София, выражение ее лица где-то между весельем и озабоченностью. — Ты выглядишь так, словно неплохо похудел.

— Единственное, что я потерял, — это сон и терпение, — бормочу я, но все равно беру вилку. Еда — это топливо, и оно мне понадобится для того, что будет дальше.

Глава 2

Айрис

Мои пальцы танцуют по трем клавиатурам одновременно, пока я в четвертый раз за месяц взламываю систему безопасности Ivanov. Голубое свечение множества мониторов заливает мою спальню искусственными сумерками, даже когда послеполуденное солнце пытается заглянуть сквозь плотные шторы.

— Давай посмотрим, что ты сегодня создал, Алексей, — бормочу я, потягивая холодный кофе и натываясь на его новейший брандмауэр. — А, умный мальчик. Чуть не поймал меня в эту рекурсивную ловушку.

Я разбираю его код, оставляя свою цифровую подпись — ровно столько, чтобы он знал, что я была здесь. Это стало нашим странным ритуалом. Он строит, я ломаю. Он исправляет; я проникаю. В его работе есть элегантность, которой не хватает большинству хакеров, — особый стиль, который ощущается почти как разговор.

Оповещение срабатывает, когда его система обнаруживает мое вторжение. Я представляю его сейчас — вероятно,

ругающийся по-русски, зеленые глаза сверкают от разочарования. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

На моем телефоне загорается сообщение с одноразового номера:

Отличная работа с франкфуртскими счетами. Твой отец гордился бы тобой.

Я замираю, мои руки висят над клавиатурой. Знакомая боль разливается в груди при упоминании моего отца. Ивановы, возможно, и не нажимали на курок, но их связи с определенными правительственными учреждениями сделали их соучастниками того, что случилось с моими родителями. Их «несчастный случай» был каким угодно, но не таким.

Алексей — просто бонус — цифровой принц криминальной империи, который никогда не сталкивался с настоящим вызовом. До меня.

— Что ты все еще делаешь, сгорбившись над компьютерами? Сегодня суббота!

Я подпрыгиваю, когда Майя появляется позади меня, ее выющиеся волосы собраны в неряшливый пучок. Она держит коробку с пиццей, как будто это предложение мира.

— Работаю, — отвечаю я, быстро сворачивая Windows. — Просто заканчиваю.

— Чушь собачья. Ты опять занимаешься этим странным киберфлиртом с русским хакером. — Она ставит пиццу и разворачивает мой стул лицом к себе. — Айрис, я люблю тебя, но эта вендетта поглощает тебя. Один фильм. Два часа

человеческого общения. Это все, о чем я прошу.

Я смотрю на свои экраны, где уже появляются следы контратаки Алексея. Он становится быстрее. Почти достаточно хорош, чтобы поймать меня. Почти.

— Вышел новый корейский фильм ужасов, — искушает Майя, зная мою слабость. — У меня есть пицца, мороженое и абсолютно нулевое суждение о твоём сомнительном жизненном выборе.

Я вздыхаю, разрываясь между цифровой охотой и простым удовольствием от дружбы. Хакер может подождать. Возможно.

— Прекрасно. Но только потому, что ты принесла хорошую пиццу. — Я начинаю отключать системы. — И для протокола, это не флирт. Это правосудие с примесью профессионального любопытства.

Майя просто улыбается. — Что бы ни помогало тебе спать по ночам, что, кстати, тебе стоит время от времени попробовать.

Майя засыпает на середине фильма, откинув голову на подушки дивана. Я завидую тому, как легко к ней приходит сон. Для меня это всегда был враг — неуловимый и опасный.

Я еще раз проверяю свои системы безопасности, прежде чем отправиться в спальню. Три часа ночи, и я совершенно не сплю, прокручивая в голове протоколы шифрования и варианты бэкдора. Синий свет от моего планшета отбрасывает тени на потолок, пока я просматриваю последние контрмеры

Алексея.

Еще через два часа работы мои глаза горят, но мозг не успокаивается. Я тянусь к бутылочке с рецептом на прикроватной тумбочке — моя неохотная капитуляция перед биологией. Доктор Уорнер продолжает говорить мне, что бессонница — это симптом, а не болезнь. Ему легко говорить, когда за ним не следят правительственные агентства.

Я проглатываю лекарство всухую, ненавидя металлический привкус. Еще больше ненавижу то, что приходит после — уязвимость бессознательного состояния.

Мое утяжеленное одеяло ощущается как броня, когда я сворачиваюсь под ним. Лекарство действует на грани моего сознания, увлекая меня вниз, несмотря на мое сопротивление. Телефоны выключены. Планшет заблокирован. Система безопасности включена. В такой безопасности, какой я никогда не буду.

Сон приходит урывками, как статические помехи.

Запах горячей электроники. Папина рука на моем плече. — Беги, Айрис. Не оглядывайся. — Мамин голос в телефоне, неестественно спокойный. — Помни о протоколах. — Фары прорезают дождь. Визг шин. Дорогу перегораживают два правительственных седана. Это не авария. Это никогда не было случайностью.

Я резко просыпаюсь, задыхаясь, сердце колотится о ребра, простыни влажные от пота. Цифровые часы показывают 6:17 утра. Меньше часа настоящего сна.

Мои руки дрожат, когда я тянусь за стаканом воды, стоящим у кровати. Снотворное всегда делает это — заманивает меня в ловушку воспоминаний, от которых я убегаю в часы бодрствования. В некоторые ночи кошмары хуже других. Сегодняшний вечер был... управляемым.

Я прижимаю ладони к глазам, пытаюсь стереть навязчивые образы. Вот почему я не сплю. Вот почему я работаю до тех пор, пока усталость не пересиливает страх.

Мне нужно принять душ. Что-нибудь съесть. Может быть, попробовать медитацию, как постоянно предлагает доктор Уорнер. Вместо этого я тянусь за планшетом.

Экран высвечивает мое лицо, когда я подключаюсь к системе Иванова. Мой пульс учащается — на этот раз не от страха, а от предвкушения. В этом танце есть что-то опьяняющее, даже если мне неприятно это признавать.

Работа Алексея по исправлению ситуации светится на моем экране, как неоновая вывеска. Он заделал брешь, которую я оставила, но его работа выполнена в спешке. Даже неаккуратно. Я вижу три разные точки входа, которые он пропустил, и каждая из них напрашивается на то, чтобы ее использовали.

Мои пальцы висят над клавиатурой.

Разумным ходом было бы нанести удар сейчас, пока он уверен в своем решении. Проскользнуть через эти пробелы и засадить что-нибудь поглубже. Что-то, что он не найдет в течение нескольких недель.

Но что в этом забавного?

Я кладу планшет на тумбочку и потягиваюсь, чувствуя, как хрустят позвонки. Особенность Алексея Иванова в том, что ему никогда по-настоящему не бросали вызов. Он закончил Массачусетский технологический институт. Цифровой вундеркинд.

Ему нужно верить, что он побеждает. Ему нужно думать, что его нашивка держится.

Потому что, когда я снова совершу прорыв — а я это сделаю, — опустошение будет намного слаще.

Вместо этого я подтягиваю его код, изучая его паттерны, как хищник изучает поведение жертвы. Он быстрее реагирует, изобретательнее подходит к своим ловушкам. В его архитектуре есть элегантность, которой не хватает большинству преступников. Если бы он не был Ивановым, если бы его семья не организовала смерть моих родителей через свои связи в правительстве, я могла бы уважать его.

От этой мысли по моим венам разливается кислота.

Нет. Это не восхищение. Это разведка.

Я делаю скриншот его работы с исправлением и сохраняю его на свои зашифрованные диски. Свидетельство его чрезмерной уверенности. Доказательство того, что даже великий Алексей Иванов совершает ошибки, когда думает, что он неприкасаемый.

В квартире тихо, если не считать негромкого похрапывания Майи из ее комнаты. Нормальные люди в этот час еще

спят. Нормальные люди не ведут цифровых войн перед завтраком.

Я закрываю планшет и заставляю себя встать. Сначала кофе. Потом, возможно, я позволю ему наслаждаться своей предполагаемой победой еще день или два.

В конце концов, лучшие охотники знают, когда нанести удар.

Глава 3

Алексей

Я сажусь за свой обычный угловой столик в MIT café; ноутбук уже открыт, прежде чем моя задница опускается на стул. Спиной к стене. Полный обзор выходов. Это одно и то же место, которое я занимаю каждый вторник и четверг вот уже шесть месяцев.

Старые привычки. Или, может быть, просто паранойя, которая так долго поддерживала во мне жизнь.

Бариста больше даже не спрашивает мой заказ — двойной эспрессо, черный, без сахара. Она знает, что лучше не добавлять эту ерунду с овсяным молоком, которую заказывают другие дети из трастового фонда. Я здесь из-за кофеина, а не из-за эстетики Instagram.

Мои пальцы летают по клавиатуре, просматривая последнюю попытку взлома Фантома. Три дня тишины с момента моего патча. Три дня гадания, сдалась ли она наконец или просто перегруппировывается.

Принесли эспрессо. Я не поднимаю глаз.

Код прокручивается на моем экране — красивый, совер-

шенный, непроницаемый. Или, по крайней мере, так и должно быть. Я усилил каждую уязвимость, запечатал каждую трещину. Фантом должен быть полностью заблокирован.

Так почему же у меня все внутри сводит?

Я делаю глоток эспрессо, горького и обжигающего. Идеально.

Вот тогда я это чувствую.

Глаза. На мне.

Не обычная чушь — девчонки из колледжа, которые узнают фамилию Иванова из сайтов сплетен или деловых связей папочки. Не охранники кампуса, которые научились обходить меня стороной после того, как я взломал их систему распознавания лиц в прошлом семестре.

Это другое.

Тяжесть взгляда, который точно знает, на что смотрит. Оценивающий. Вычисляющий.

Хищный.

Мои плечи напрягаются, несмотря на все мои усилия казаться расслабленным. Я чувствовал это раньше — на собраниях Братвы, когда враги притворялись союзниками.

Но здесь? В гребаном кафе Массачусетского технологического института в окружении напряженных первокурсников и перегоревших аспирантов?

Я борюсь с желанием немедленно оглядеть комнату. Так делают любители — показывают свои карты до того, как ты разобрался в игре. Вместо этого я делаю еще один глоток

эспрессо, небрежно скользя взглядом по экрану, пока мое периферийное зрение работает свержурочно.

За столами студенты, склонившиеся над учебниками. Группа инженеров, спорящих о квантовой механике. Обычные подозреваемые.

Ничего очевидного.

Что делает все еще хуже.

Мой пульс учащается — не совсем от страха, скорее от... адреналина. То же самое электрическое ощущение, которое я испытываю прямо перед сбоем в системе. Прямо перед тем, как разразится хаос.

Я сжимаю пальцы на клавиатуре, борясь с желанием посмотреть записи службы безопасности кафе. Любой, кто смотрит, заметил бы это. И если они достаточно хороши, чтобы заставить меня так нервничать, значит, они достаточно хороши, чтобы знать, что я делаю.

Вопрос в том, почему.

Задняя стена: двое студентов, готовящихся к промежуточным экзаменам, в окружении банок с энергетическими напитками и карточек с цветными кодировками. Не они.

Слева: бариста, готовящий латте с механической точностью, искусство пенообразования достойно собственного Instagram-аккаунта.

Справа

Там.

Женщина за угловой кабинкой, частично скрытая за учеб-

ником. Платиновые светлые волосы, отливающие в послеполуденном свете серебром. Она не смотрит на меня прямо, но угол ее плеч, наклон головы... Она прекрасно осознает мое положение.

И она улыбается, уткнувшись в свою книгу.

Мой пульс учащается.

Я возвращаю свое внимание к экрану, но все мое тело словно наэлектризовано. Каждое нервное окончание внезапно оживает так, как не оживало с тех пор, как... черт, никогда. Даже во время самых опасных взломов. Даже когда в семнадцать лет я взломал резервные серверы Пентагона, просто чтобы доказать, что я могу.

Это другое.

Мои пальцы неподвижно лежат на клавиатуре. Я должен выполнять трассировку. Должен запускать распознавание лиц. Должен делать буквально все, что угодно, только не сидеть здесь, как какой-то ошеломленный первокурсник, который только что обнаружил, что его член работает.

Но я этого не делаю.

Потому что есть что-то в том, как она держит этот учебник. Слишком небрежно. Слишком идеально. Страницы не переворачивались уже три минуты — я считал, сам того не желая.

Она не читает.

Она ждет.

Об эспрессо забыли, пока я перебираю в уме возможные

варианты. Случайный студент, который узнал меня? Маловероятно — неправильный язык тела. Федеральный агент? Нет, им не хватает утонченности, а она — контролируемая грация. Конкурент, пытающийся выудить секреты Иванова? Может быть, но эта улыбка не подходит.

Эта улыбка — чистое развлечение.

Как будто она знает что-то, чего не знаю я.

Как будто она играет в игру, а я только что понял, что я фигура на доске.

Экран моего ноутбука тускнеет от бездействия. Я не двигаюсь, чтобы разбудить его. Все мое внимание приковано к угловой кабинке, к платиновым светлым волосам и улыбке, которую я чувствую, хотя и не могу толком разглядеть.

Шум кафе стихает — шипят кофемашины, студенты жалуются на проблемные наборы, из дешевых наушников сочится чей-то ужасный инди-плейлист. Все это превращается в белый шум.

Есть только она.

И электрическая уверенность в том, что все только что изменилось.

Я отодвигаюсь от стола.

Если кто-то наблюдает за мной, я хочу знать почему. И эта улыбка — черт возьми, эта улыбка — последние пять минут вонзалась мне в кожу, как заноза, до которой я не могу дотянуться.

Я оставляю ноутбук открытым. Заявление о намерениях:

Я не бегу, просто... расследую.

Три шага к ее кабинке, и она двигается.

Не паникует. Не торопится. Она просто закрывает учебник и встает одним плавным движением, как будто ждала именно этого момента.

Ее волосы закрывают лицо, так что я не вижу его.

Потом она уходит.

Не ходьба — течение сквозь толпу в кафе, как вода, пробивающаяся трещины в камне. Студенты расходятся, не осознавая, что двигаются, и она уже у двери, прежде чем мой мозг осознает, что только что произошло.

— Черт.

Я начинаю двигаться, прежде чем приходит осознанная мысль, лавируя между столами со значительно меньшей грацией. Рюкзак первокурсника цепляется за мое бедро. Чей-то латте чуть не стал жертвой.

— Осторожнее, придурок!

Я не извиняюсь.

Дверь распахивается, и холодный ноябрьский воздух ударяет мне в лицо. Массачусетс авеню расстилается передо мной — оживленное дневное движение, повсюду студенты, обычный хаос четверга возле кампуса.

Никакой платиновой блондинки.

Я смотрю налево, направо, через улицу. Ничего. Она просто... ушла.

— Какого хрена?

Группа студентов проходит мимо, направляясь к станции "Т". Я смотрю между ними, вокруг них. Проверяю вход в книжный магазин в пятидесяти футах ниже. Кафе через дорогу. Каждый дверной проем, каждая ниша.

Ничего.

Она словно растворилась в воздухе. Как будто ее никогда и не было.

За исключением того, что она была. Я видел ее. Чувствовал на себе ее взгляд. Увидел эту улыбку, которая говорила о том, что она знает все секреты, которые я когда-либо хранил в зашифрованных файлах.

Мой пульс колотится о ребра. Не из-за короткой погони — из-за абсолютной невозможности того, чтобы кто-то исчез так основательно, так быстро, среди бела дня на людной улице.

Я достаю свой телефон, уже открывая канал безопасности кафе, к которому у меня не должно быть доступа. Мои пальцы порхают по экрану, вызывая последние десять минут отснятого материала.

Вон там. Угловая кабинка. Волосы платиновой блондинки, черная куртка, джинсы. Она настоящая. Не какая-то вызванная стрессом галлюцинация из-за слишком многих бессонных ночей, проведенных в погоне за Фантомом.

Я смотрю, как она встает, а затем начинаю двигаться сам, прежде чем она выходит.

Затем я переключаюсь на внешние камеры.

Она выходит за дверь и...

Перебои с подачей. Всего на три секунды. Едва заметно.

Когда все проясняется, ее уже нет.

— Ни за что, черт возьми.

Я смотрю на экран своего телефона, наблюдая за повторяющимся трехсекундным сбоем.

Никто просто так не исчезает. Никто не выходит из здания и не исчезает из поля зрения внешних камер, если точно не знает, где находятся слепые зоны. Если только они не нанесли сетку безопасности на карту с точностью до миллисекунды.

Если только они не делали этого раньше.

Мой большой палец застыл над кнопками управления воспроизведением.

Фантом.

Эта мысль ледяной водой пробегает по моему позвоночнику.

Три недели погони за призраком, который проскальзывает сквозь мою защиту, как дым. Три недели следования за хлебными крошками, которые никуда не ведут. Три недели я чувствовал, что за моими системами наблюдают, учатся, адаптируются.

А теперь смотрит на меня. Здесь. В реальном мире.

Я снова прокручиваю видеозапись интерьера. То, как она держала учебник — неподвижно, не читая. Идеальное положение для наблюдения, не бросающееся в глаза. Время ее

ухода было настолько точным, что его нужно было рассчитать.

Платиновые светлые волосы.

Мой разум цепляется за эту деталь. Цифровая подпись Фантома — это лед и точность. Холодный, методичный, неприкосновенный. Платиновая блондинка слишком бросается в глаза, слишком совершенная визуальная метафора.

Что означает, что это, вероятно, сделано намеренно.

Я увеличиваю ее лицо в единственном четком кадре, прежде чем она встает. Высокие скулы. Эти льдисто-голубые глаза. Выражение лица тщательно нейтральное, за исключением намека на улыбку.

Улыбка, которая говорит: попался.

— Черт.

Она наблюдала, как я охочусь на нее. Сидела в двадцати футах от меня, пока я анализировал ее схемы взломов, укреплял свою защиту и убеждал себя, что наконец-то задел все щели. Она смотрела, как я работаю, и находила это забавным.

Одна только дерзость заставляет мою кровь петь.

Но это могло быть совпадением, возможно, случайный студент, узнавший мое лицо по сайтам со сплетнями. Могло быть...

Сбой камеры воспроизводится снова.

Нет. Случайные студенты не взламывают каналы безопасности в режиме реального времени. Случайные наблюдатели

не знают слепые зоны камеры с такой точностью.

Фантом был цифровым в течение трех недель. Неприкасаемый. Бестелесный.

Что, если она показала мне, что тоже может проникнуть в мой физический мир?

Мои руки слегка дрожат, когда я кладу телефон в карман.

Если это была она — если фантом только что обрел плоть, — тогда все меняется.

Ей больше не нравится оставаться в киберпространстве.

Теперь она охотится за мной.

Глава 4

Айрис

Я проскальзываю в дверь квартиры, адреналин все еще бурлит в моих венах, как пузырьки шампанского.

— Ты улыбаешься.

Майя поднимает взгляд от своего ноутбука, сразу же проявляя подозрение. Она знает это выражение — такое бывает у меня после того, как я совершаю что-то особенно безрассудное.

— Возможно, я что-то натворила.

— О боже. — Она закрывает свой ноутбук с преувеличенным терпением. — Что ты сделала?

Я опускаюсь на диван рядом с ней, не в силах сдержать усмешку. — Я пошла посмотреть на него.

— Него? На Иванова?

— Он был в том кафе, неподалеку от Массачусетского технологического института каждый четверг в течение шести недель. Тот же столик, тот же заказ эспрессо, тот же...

— Ты следила за ним? — Голос Майи поднимается на октаву. — Айрис. Иисус Христос.

— Наблюдала.

— Так это называют серийные убийцы. — Она поворачивается ко мне лицом. — Ты была в его обычном месте? Лично?

— Я хотела увидеть его лицо, когда он поймет, что за ним кто-то наблюдает. — От этого воспоминания у меня по спине пробегает еще один трепет. — Он просматривал мои схемы нарушений со вторника. Прямо там, на публике, полностью поглощенный. Итак, я просто... сидела там. Наблюдала.

— И что?

— Он почувствовал это. Поднял глаза, начал осматривать комнату. Нашел меня.

Выражение лица Майи меняется с озабоченного на ужас.

— Он видел твое лицо?

— Только мой рот. — Я достаю телефон из кармана, просматривая запись с камер наблюдения кафе, которую я стерла со своего конца. — Я держала голову опущенной, так что волосы закрывали большую часть моего профиля. Затем я ушла, прежде чем он смог приблизиться.

— Ты позволила ему преследовать себя?

— Ненадолго. — Я смотрю на созданный мной сбой внешней камеры — три идеальных секунды цифровой слепоты. — Затем я исчезла.

— Ты сумасшедшая. — Майя хватается мой телефон и просматривает запись. — Абсолютно, бесспорно сумасшедшая. Что, если он узнал тебя? Что, если у него прямо сейчас за-

пущено распознавание лиц?

— Для этого ему недостаточно части моего лица. — Я забираю телефон обратно. — Подбородка и губ недостаточно для точного соответствия. Не из-за угла, освещения и мешающих волос.

— Но теперь он знает, что ты настоящая. Физически. В Бостоне. Блондинка.

— Может, блондинка. — Я провожу пальцами по своим платиновым волосам. — Это может быть парик, кто его знает.

— Может быть?

— Нет.

— Айрис!

— Это было приятно. — Признание удивляет меня так же сильно, как и Майю. — Быть там. Наблюдать, как он понимает, что за ним наблюдают.

— Приятно?

— Я почувствовала себя живой. — Я откидываюсь на подушки дивана, изучая ощущения. — Я годами сижу за ширмами. Охочусь, разоблачаю, защищаю. Но это все единицы и нули. Поток данных и ключи шифрования.

— Это то, что ты делаешь.

— Это то, за чем я прячусь. — Слова приходят медленно, каждое — маленькое откровение. — Каждое нарушение, которое я совершаю против семьи Ивановых, идеально. Чисто. Не поддается отслеживанию. Но также... предсказуемо.

Майя полностью откладывает ноутбук в сторону. — Тебе становится скучно.

— Я думаю, что да. В течение нескольких месяцев. — Я подтягиваю колени, обхватывая их руками. — АНБ было скучным. Схема осведомителей наскучила. Даже легальные консультации по кибербезопасности сейчас наскучили. Те же схемы, разные клиенты.

— Итак, ты ввязалась в драку с русской мафией.

— Я затеяла драку с человеком, который на самом деле может победить меня. — Различие имеет значение. — Алексей Иванов — не какой-то корпоративный ИТ-отдел или правительственный бюрократ. Он... другой.

— Насколько другой?

Я думаю о видеозаписи, которую собрала за шесть недель. О том, как его пальцы летают по клавиатуре во время его маниакальных сеансов программирования. Как он разговаривает со своими экранами, словно они живые существа. Блестящая, рассеянная энергия, которая исходит от него даже через камеры слежения.

— Он думает не так, как другие люди. Линейная логика неприменима. Он создает системы, которые не должны работать, но работают. Находит решения, которые нарушают все общепринятые подходы.

— Похоже, ты впечатлена.

— Да. — Еще одно признание. — И это... захватывающе. Бросать ему вызов в цифровом формате было самым увле-

кательным, что я чувствовала за последние годы. Но видеть его лицо, когда он знал, что кто-то наблюдает. Это было...

— Опасно.

— Захватывающе. — Я встречаюсь с ней взглядом. — Я играла в эту игру в безопасном режиме. Анонимно. Неприкасаемо. Но добавление физического элемента, реального риска...

— Айрис. — В голосе Майи слышится предупреждение. — Это не игра.

— Все — игра. — Я встаю, неутомимая энергия требует движения. — Вопрос только в том, играешь ли ты на победу или играешь, чтобы проиграть.

— Я была осторожна, — говорю я, больше для того, чтобы убедить себя, чем Майю. — У него неполный профиль. Светлые волосы, общее телосложение, манера двигаться. Ничего конкретного.

— Это все равно больше, чем у него было раньше.

— Именно. — Я подхожу к окну, наблюдая за улицей внизу. — Теперь каждая платиновая блондинка в Бостоне становится потенциальной подозреваемой. В каждой кофейне, на каждом углу, в каждой толпе.

Майя хмурится. — Ты пытаешься сделать из него параноика.

— Я пытаюсь заставить его понять, каково это. — Мое отражение смотрит на меня из зеркала — светлые волосы, отражающие свет лампы, черты лица, которые я намеренно

скрыла. — Он месяцами охотился за мной в цифровом формате. Отслеживал мои подписи, анализировал мои шаблоны, изучал, как я мыслю. И все это, сидя в безопасности за своими экранами.

— А теперь?

— Теперь он знает, что я могу дотянуться до него. Что расстояние между нами — это просто мой выбор, а не защита, которая у него есть. — Я поворачиваюсь к ней лицом. — Он увидел достаточно, чтобы узнать меня, если наши пути снова пересекутся. Волосы, телосложение. Но недостаточно для распознавания лица. Недостаточно для окончательной идентификации.

— Ты это спланировала.

— Конечно, спланировала. — Я возвращаюсь к дивану, открываю ноутбук. — Я надела контактные линзы, чтобы изменить цвет глаз. Держала голову наклоненной, чтобы скрыть структуру своего скелета. Волосы распущены, чтобы скрыть мой профиль. Он получил именно то, что я хотела, чтобы он увидел — призрака, который выглядит как человек, но остается неприкасаемым.

— Итак, что будет дальше, когда он повсюду видит блондинок?

— Он будет сомневаться. — Я снова просматриваю видеозапись интерьера кафе, изучая момент, когда глаза Алексея нашли меня в другом конце зала. Узнаваемость, сосредоточенность, непосредственная интенсивность охотника. —

Каждая женщина с платиновыми волосами становится вопросительным знаком. Каждое переполненное пространство становится потенциальной встречей. Каждое посещение кафе несет в себе вероятность того, что я там. Наблюдаю. Жду.

— Это психологическая война.

— Это выравнивает игровое поле. — Я увеличиваю кадр, на котором стою, показывая ровно столько, сколько нужно — изгиб моей челюсти, ниспадающие светлые волосы, нарочитую грацию в моих движениях. — У него было преимущество невидимости. Действовать из своей крепости в Бикон-Хилл, окруженный семейной безопасностью, защищенный расстоянием.

— И ты только что забрала это.

Я встаю, мое тело все еще гудит от остатков адреналина.

— Я иду принять душ.

Майя отмахивается от меня, уже возвращаясь к своему ноутбуку. — Постарайся не строить там планов мирового господства.

— Ничего не обещаю.

Дверь ванной со щелчком закрывается за мной. Я снимаю одежду, ловя свое отражение в зеркале — покрасневшие щеки, расширенные зрачки, та дикая энергия, которая все еще бурлит под моей кожей.

Струи душа горячие, пар заполняет небольшое пространство. Я встаю под струю, позволяя ей каскадом струиться по плечам.

Но мои мысли остаются в том кафе.

Лицо Алексея, когда он заметил меня. То, как все его тело за мгновение превратилось из обычного в хищное. Эти пронизательные зеленые глаза смотрели на меня с такой интенсивностью, что я чувствовала через всю комнату.

Моя рука скользит вниз по животу.

Он объективно привлекателен. Я знала это по записям с камер наблюдения, но увидев его лично — едва сдерживаемая энергия, блестящий ум, видимый в каждом выражении лица, опасная грация в том, как он двигался, когда встал, чтобы догнать меня.

Я прислоняюсь спиной к кафельной стене, вода стекает мне на грудь.

Сила этого. Я вошла на его территорию, сидела прямо там, пока он рассматривал мою работу, заставляя его почувствовать то, что чувствовала я каждый раз, когда его контрмеры удивляли меня. За мной охотились. Наблюдали.

Мои пальцы скользят ниже.

Он считал себя неприкасаемым. Защищенный брандмауэрами, расстоянием и анонимностью цифрового мира. Затем появилась я. Реальная. Физическая. Близко.

Я представляю, как эти зеленые глаза снова находят меня. Узнавание. Голод.

У меня перехватывает дыхание.

На самом деле дело не в нем. Дело в победе. Идеальное выполнение плана. Видеть, как его уверенное выражение ли-

ца сменяется чем-то грубым и яростным.

Я прикусываю губу, гоняясь за этим чувством.

Фантом обрел плоть. Призрак, которого он не мог поймать, внезапно оказался в десяти футах от него. Его пальцы на ноутбуке пытались отследить меня, в то время как я наблюдала за каждой минутой разговора, за каждым разочарованным жестом, за каждым блестящим синапсом, вспыхивающим за этими опасными глазами.

Свободной рукой я опираюсь на стену душа.

Изображение меняется. Его рука сжимается вокруг моего запястья вместо того, чтобы просто дотянуться. Эти ловкие пальцы, порхающие по клавиатуре, теперь сжимают меня так крепко, что остаются синяки.

Тепло разливается внизу моего живота.

Что бы он сделал, если бы поймал меня? Потащил обратно к тому столу, потребовал ответов? Или выследил бы меня на улице, загнал в угол в каком-нибудь переулке, использовал свой блестящий ум, чтобы взломать меня так же, как я взломала его системы?

Мои пальцы двигаются быстрее.

То, как он смотрел на меня — как на головоломку, которую ему нужно было разгадать. Код, который он должен был взломать. Эта интенсивность, эта сосредоточенность были полностью направлены на меня, а не на его экраны.

Я представляю, как он догадывается. Находит меня. Эти пронизательные глаза темнеют от узнавания и чего-то еще.

Чего-то голодного.

— Черт.

Это слово эхом отражается от плитки, когда давление нарастает. Мои бедра прижимаются к моей руке, гоняясь за ощущением. Вода стекает по перегретой коже, в то время как мой разум наполняется опасными сценариями.

Алексей Иванов прижимает меня к стене. Его тело окружает мое. Эта блестящая, нестабильная энергия наконец-то принимает физическую форму, а не цифровую. Заставляя меня отвечать за каждую брешь, за каждую насмешку, за каждый раз, когда я проскальзывала сквозь его защиту.

Мое дыхание становится коротким и резким.

Нежно. Ничто в нем не говорит о нежности. Он разорвал бы меня на части также, как он разбирается с кодом — методично, безжалостно и полностью поглощенный задачей. Найти каждую слабость, воспользоваться каждой уязвимостью, заставить меня раскрыться в этих умных руках.

Оргазм накатывает с новой силой.

Я прикусываю свободную руку, чтобы заглушить звук, тело дрожит, когда удовольствие волнами прокатывается по мне. Его имя почти срывается с моих губ, но я ловлю его, проглатываю, позволяя ему раствориться в бессловесных вздохах.

Вода продолжает течь, пока я спускаюсь с высоты, кожа покраснела и чувствительна. Ноги подо мной подкашиваются.

— Христос.

Я прислоняюсь лбом к прохладному кафелю, пытаюсь выровнять дыхание. Этого не должно было случиться. Не следовало так о нем думать.

Речь идет об игре. Вызов. Интеллектуальное удовлетворение от состязания в остроумии с кем-то, кто может победить меня.

Не о том, как он выглядел, когда встал из-за стола. Не о том, как эти руки могут ощущаться на моей коже вместо его клавиатуры.

Глава 5

Алексей

Я ненавижу все это.

Благотворительные вечера. Сбор средств. Любой дерьмовый предлог, который придумает Николай, чтобы выставить имя Иванова напоказ бостонской элите. Сегодня вечером что-то о детских больницах — достойное дело, неподходящее время.

Мой телефон горит в кармане. Фантом молчит уже тридцать шесть часов. Слишком тихо. Они что-то планируют, я чувствую это по промежуткам между строками кода. Я должен быть дома, следить за системами, ждать следующего шага.

Вместо этого я сижу в костюме пингвина в Four Seasons, потягиваю дорогущее шампанское и веду светскую беседу с людьми, которые считают криптовалюту передовой.

— Ты выглядишь несчастным. — Дмитрий материализуется рядом со мной, Таш держится за его руку, выглядя слишком довольной.

— Очень наблюдательно.

— Дело не в несчастье, — говорю я. — Это пытка. Настоящая психологическая война. Я бы предпочел, чтобы меня пытали водой.

— Как драматично. — Таш отпивает шампанское, осматривая глазами бальный зал. — Хотя, я полагаю, стоять на месте для тебя должно быть мучительно. Сколько прошло, тридцать секунд без проверки телефона?

Я инстинктивно достаю телефон, затем ловлю ее понимающую ухмылку. — Отвали.

— Язык, — предупреждает Дмитрий, но в его голосе слышится веселье. — Сегодня мы представляем семью.

— Да? Где наш бесстрашный лидер? — Я оглядываю толпу, замечая Николая у бара с Софией, прижавшейся к нему сбоку. — Ах да, как обычно отвратительно преданный. Эрик, наверное, где-то заставляет Катарину краснеть. А я тут третий лишний с вами, голубки.

— Ты мог бы пообщаться, — предлагает Таш. — Там есть прекрасная наследница технологического...

— Не интересуюсь.

— Ты даже не посмотрел.

— Мне и не нужно. — Я снова проверяю свой телефон. Ничего. Тишина от Фантома царапает мои нервы, как гвозди по серверной стойке. — У меня есть более важные вещи, на которых нужно сосредоточиться.

— Таинственный хакер? — Тон Дмитрия становится резче. — Есть прогресс?

— С момента последнего прорыва он вел себя тихо. Радиомолчание в течение тридцати шести часов.

— Это касается тебя.

— Все, что связано с этим, касается меня. — Я прокручиваю каналы мониторинга одной рукой, в другой держу забытое шампанское. — Он слишком хорош. Слишком терпелив. Большинство хакеров не могут удержаться от выпендрежа, но Фантом просто...

Мой телефон вибрирует. Предупреждение от финансовой системы.

Потом еще одно.

Еще три в быстрой последовательности.

— Черт. — Мои пальцы порхают по экрану, вызывая прямые трансляции. — Черт, черт, черт.

— Что? — Дмитрий придвигается ближе, загораживая обзор ближайшим гостям.

— Он бьет по нам. Прямо сейчас. Несколько точек входа, я думал, что... — Я наблюдаю в режиме реального времени, как элегантный код проскальзывает сквозь мою защиту, как вода сквозь сеть. — Откуда он узнал о резервных серверах во Франкфурте?

— Алексей...

— Мне нужно идти. — Я уже направляюсь к выходу, подключая протоколы удаленного доступа. — Скажи Николаю, что Фантом только что объявил войну.

— Прием еще не окончен...

— Как и мое терпение. — Я не оглядываюсь назад, слишком сосредоточенный на катастрофе, разворачивающейся на моих экранах.

— Николай говорит, тебе нужно остаться по крайней мере на час.

— Николай может...

Слова застревают у меня в горле.

Она проходит через вход, как будто комната принадлежит ей, и, возможно, так оно и есть, потому что внезапно я не могу вспомнить, что я говорил. Платиновые светлые волосы собраны в элегантную прическу. Черное платье, которое больше похоже на броню, чем на ткань, изящное и опасное. Но меня привлекают ее глаза — льдисто-голубые, сканирующие толпу с той расчетливой осведомленностью, которой не место на благотворительных мероприятиях.

— Земля вызывает Алексея. — Дмитрий машет рукой перед моим лицом.

Я едва замечаю его. Она с привычной непринужденностью перебрасывается парой фраз, принимая шампанское от официанта, не сбиваясь с шага. В ее присутствии здесь есть что-то странное. Слишком замкнутая. Слишком осведомленная.

— Кто это?

Таш следит за моим взглядом. — Понятия не имею. Не видела ее раньше.

Я не жду продолжения. Ноги сами несут меня по полу бального зала, прежде чем мой мозг принимает решение.

Фантом испаряется из моих мыслей. Код, взлом, охота — все это растворяется в фоновом шуме.

Когда я подхожу к ней, она рассматривает картину на дальней стене. Абстрактное произведение искусства, вероятно, стоящее больше, чем дома большинства людей. Она не поворачивается, но ее спина слегка выпрямляется. Осознает мое приближение.

— Ротко. — Я останавливаюсь рядом с ней, достаточно близко, чтобы уловить ее запах — чистый, как озон и дорогое мыло. — Большинство людей находят его скучным.

— Большинство людей не понимают минимализма. — Ее голос ровный, контролируемый. Она по-прежнему не смотрит на меня. — Им нужно, чтобы их искусство было очевидным.

— А тебе нет?

Теперь она поворачивается, и вся сила этих голубых глаз поражает меня, как системный сбой. Острые. Умные. Опасные.

— Я предпочитаю вещи, которые заставляют меня работать ради этого.

Мой пульс учащается, и это не имеет ничего общего с адреналином, а скорее с вызовом в ее тоне.

— Алексей Иванов. — Я протягиваю руку, ожидая, что меня узнают. Каждый в Бостоне знает мое имя.

Выражение ее лица не меняется. Она берет меня за руку — прохладная кожа, крепкое пожатие, слишком быстрое.

— Айрис Митчелл.

Это имя мне ничего не говорит, что редко встречается в бостонских кругах. Здесь все связаны — старые деньги, новые, криминальные. Но Айрис Митчелл? Пустой звук.

Это должно меня беспокоить. Вместо этого, она меня интригует.

— Первый раз в здесь? — Я указываю на бальный зал, на скопление бостонской элиты, притворяющейся, что их волнуют больные дети, а не налоговые вычеты.

— Неужели это так очевидно?

— Ты не общаешься. — Я прислоняюсь к стене рядом с ней, принимая непринужденную позу, которая обычно заставляет женщин наклоняться. — Все остальные здесь беседуют в комнате. Ты изучаешь картины.

— Может быть, я просто антисоциальная.

— Или, может быть, ты достаточно умна, чтобы понимать, что эти люди не стоят таких усилий. — Я расплываюсь в улыбке, которая избавляла меня от большего количества неприятностей, чем я могу сосчитать. — Присутствующие, естественно, исключение.

Ее губы слегка изгибаются. Не совсем в улыбке. — Естественно.

— Итак, что привело тебя сюда? Если не искрометная беседа и дорогущее шампанское.

— Любопытство. — Она отодвигается, увеличивая расстояние между нами. Намеренно. — Я хотела посмотреть,

из-за чего весь сыр-бор.

— Благотворительный фонд Иванова? — Я подхожу ближе, сокращая созданную ею брешь. — В основном это перформанс. Мой брат настаивает, чтобы мы соблюдали приличия.

— Как утомительно для тебя.

В ее тоне что-то есть — веселье, возможно, насмешка. Как будто она знает что-то, чего не знаю я.

— Я справляюсь. — Я изучаю ее профиль, когда она снова поворачивается к Ротко. Острая линия подбородка. Никаких украшений, кроме маленьких бриллиантовых сережек. Все в ней кричит о минимализме. — Чем ты занимаешься, Айрис Митчелл? Помимо благотворительных вечеринок и критики абстрактного экспрессионизма.

— Консалтинг по кибербезопасности.

Мой интерес обостряется. — Да? Для кого?

— Разные клиенты. Никого из тех, кого ты знаешь. — Она потягивает шампанское, по-прежнему не глядя на меня. — В основном финансовые учреждения. Скучная корпоративная работа.

— Сомневаюсь, что все, чем ты занимаешься, скучно.

Теперь она смотрит на меня в упор, и в ее взгляде есть что-то расчетливое. Как будто за этими голубыми глазами скрываются какие-то алгоритмы.

— Ты был бы удивлен. В основном это профилактические меры. Чтобы люди не делали глупостей со своими данными.

— Звучит утомительно.

— За это хорошо платят. — Она делает паузу. — Хотя, я полагаю, ты мало что знаешь об утомительной работе, не так ли? То, что ты Иванов, должно открывать все двери.

Комментарий сделан неправильно. Не совсем оскорбление, но достаточно близко к тому, чтобы ужалить.

— Имя открывает двери, — признаю я. — То, что я делаю с этими возможностями, зависит исключительно от меня.

— И чем ты занимаешься?

— Архитектура систем. Протоколы безопасности. Цифровая инфраструктура. — Я жду признания, момента, когда люди обычно понимают, что я не просто какой-то избалованный принц из Братвы, играющий с компьютерами.

Выражение ее лица не меняется. — Впечатляет.

Но она не кажется впечатленной. Кажется, ее это... забавляет.

Мой телефон снова жужжит. На этот раз три сигнала тревоги.

Я замираю, не глядя. — Я вам надоела, мистер Иванов?

— Ни капельки. — Я убираю телефон в карман и уделяю ей все свое внимание. — Хотя я начинаю думать, что ты невосприимчива к моему обаянию.

— Твое обаяние? — Она наклоняет голову, изучая меня. — Так вот в чем дело?

— Обычно оно хорошо срабатывает.

— С кем? Светскими львицами, которые хихикают над

каждым твоим словом? — Она указывает на группу женщин в другом конце зала, которые бросают взгляды в нашу сторону. — Это не совсем высокая планка.

Я смеюсь — ничего не могу с собой поделать. — Ой.

— Правда причиняет боль.

— Как и твое полное безразличие к моей яркой личности. — Я наклоняюсь ближе, понижая голос. — Большинство женщин находят меня неотразимым.

— У большинства женщин низкие стандарты.

— Господи. — Я прижимаю руку к груди, изображая боль.

— Ты жестока.

— Я честная. — Она допивает шампанское и с плавной грацией ставит пустой бокал на поднос проходящего официанта. — Есть разница.

— Честность, пронзенная кинжалами, по-прежнему жестока.

— Ты бы предпочел, чтобы я притворилась впечатленной? — Ее глаза встречаются с моими, прямые и непреклонные. — Хлопать ресницами и спрашивать о твоей машине?

— Я езжу на Tesla.

— Как предсказуемо.

— Это практично...

— На таких ездит каждый технический батан в Бостоне.

— Она разглаживает невидимую складку на своем платье. — Дай угадаю. Черный. Модернизированный автопилот. Специальная звуковая система.

Она не ошибается. Жар ползет вверх по моей шее.

— К ней прилагалась звуковая система.

— Конечно, прилагалась. — Снова появляется эта почти улыбка. — Что еще? У тебя в офисе, наверное, есть одно из этих нелепых игровых кресел. Везде RGB-подсветка. Минимум три монитора.

— Шесть мониторов.

— Конечно. — Она качает головой. — У тебя также есть мини-холодильник, набитый энергетическими напитками, и вызывающая беспокойство нехватка настоящей еды?

— Ред Булл — это витамин.

— Ред Булл — это жидкое сожаление.

Я невольно улыбаюсь. Она сообразительная. Быстрая.

— Ты знаешь меня всего десять минут, а уже спланировала все мои действия.

— Ты не такой сложный как тебе кажется. — Она отступает, снова создавая дистанцию. — Никто из вас не такой.

— Нас?

— Ты нравишься женщинам. Достаточно умен, чтобы быть опасным, достаточно самоуверен, чтобы думать, что ты непобедим. — Она окидывает меня оценивающим взглядом. — Я встречала дюжину твоих версий.

— Держу пари, никто из них не был так хорош собой.

Она смеется. — Вот оно.

— Что?

— Эго. — Она делает шаг назад. — Точно по расписанию.

— Это не эго, это факт. — Я двигаюсь рядом с ней, сокращая дистанцию. — И Ты все еще не отрицаешь этого.

— Что отрицаю?

— Что я самая красивая версия, которую ты встречала. Ее глаза слегка прищуриваются. — Ты неумолим.

— Ты понятия не имеешь. — Я протягиваю руку, кончиками пальцев касаясь ее обнаженного плеча. Просто прикосновение, проверка.

Она вздрагивает. Едва уловимо, но безошибочно. Отступает назад с такой силой, что ее плечи ударяются о стену.

— Не надо.

Ее слова хлещат, как кнут. Все ее тело напряглось; подбородок поднят с вызовом, а зрачки расширены. Реакция борьбы, а не бегства.

Интересно.

— Извини. — Я поднимаю обе руки, отступая. — Я не хотел...

— Я в порядке. — Она выпрямляется, снова разглаживая платье. — Просто не люблю, когда прикасаются незнакомцы.

— Мы больше не незнакомцы. Мы разговариваем уже... — Я смотрю на часы. — Двенадцать минут.

— Целых двенадцать минут. — Ее голос сочится сарказмом. — Практически друзья детства.

— Дай мне еще двенадцать, и мы станем лучшими друзьями.

— Сомневаюсь в этом.

Я прислоняюсь к стене рядом с ней, стараясь сохранять дистанцию между нами. — Ты сомневаешься в моем потенциале дружбы?

— Я сомневаюсь в твоей способности подружиться с какой-либо женщиной. — Она слегка отклоняется. — Тебе не нужна дружба.

— И чего я хочу?

— Завоевание. — Она говорит это как ни в чем не бывало, без осуждения. — Ты хочешь победить. Я всего лишь вызов.

— Ты довольно высокого мнения о себе.

— Я реалистично отношусь к таким мужчинам, как ты.

— Алексей. — Голос Дмитрия прорывается сквозь наше противостояние. Он появляется у меня за плечом, лицо старательно нейтральное, но глаза пронизательные. — У нас возникла ситуация.

— Я занят...

— Сейчас. — Это не просьба. Дмитрий уже движется обратно к выходу.

Я поворачиваюсь к Айрис, расстроенный тем, что нас прервали. — Не двигайся.

— Прошу прощения?

— Оставайся здесь. — Я указываю на пол у нее под ногами. — Мы еще не закончили.

— Мы уже закончили.

— Еще двенадцать минут. Ты у меня в долгу. — Я уже отступаю, следуя за Дмитрием. — Не исчезай от меня, Айрис

Митчелл.

Дмитрий уже выходит за дверь, прежде чем я догоняю его.
— Надеюсь, это важно.

— Это не так. — Он не замедляет шаг, направляясь в частный конференц-зал рядом с главным балльным залом. — Фантом только что загрузил всю архитектуру нашего франкфуртского сервера в Даркнет.

У меня сводит желудок. — Что? — спрашиваю я.

— Тридцать секунд назад. Полный сбой системы. Каждый протокол резервного копирования, каждое средство защиты — все общедоступно. — Он открывает дверь и видит Николая, расхаживающего взад-вперед с телефоном, прижатым к уху.

— Как? — Я уже достаю свой ноутбук, пальцы порхают по клавишам еще до того, как я сажусь. — У меня было тройное шифрование на этих серверах.

— Явно недостаточно. — Николай заканчивает разговор с гранитным лицом. — Исправь это.

Код расползается по моему экрану — элегантный, злобный, идеально выполненный. Фантом не просто взломал нашу систему. Он препарировали его, изучил каждый слой и разобрал с хирургической точностью.

— Сукин сын. — Я отслеживаю вектор атаки по цифровым крошкам в обратном направлении. — Он был внутри несколько недель. Все это время я думал, что преследую их, а он изучал нас.

— Ты сможешь сдержать это? — Дмитрий наклоняется через мое плечо.

— Я могу попробовать. — Мои пальцы бегут по клавиатуре, вводя протоколы экстренной помощи. — Но они это спланировали. Видишь здесь? Они оставили бэкдоры в системах, которые я еще даже не активировал. Они точно знали, куда мы повернем.

Тридцать минут сливаются в сорок пять. Я перенаправляю трафик, закрываю уязвимости и восстанавливаю брандмауэры на лету. Подпись Фантома высмеивает меня в каждой скомпрометированной строке кода.

— Вот. — Я захлопываю ноутбук. — Серверы изолированы. Ущерб нанесен, но глубже он проникнуть не может.

— Хорошо. — Николай поправляет запонки. — А теперь возвращайся, пока никто не заметил, что мы все исчезли.

Верно. Гала-концерт.

Айрис.

Я сую свой ноутбук Дмитрию и бегу обратно в балльный зал, ища глазами черное платье и платиновые волосы. Толпа поредела — уже за полночь. Остаются небольшие группы нестигаемых, которые превращают каждое мероприятие в повод выпить.

Айрис нет.

Я дважды обхожу всю комнату. Проверяю ванные комнаты. Гардероб. Балкон с видом на город.

Ничего.

Она ушла.

— Кого-то ищешь? — Таш появляется у моего локтя с понимающей улыбкой на лице.

— Женщина, с которой я разговаривал. Черное платье, блондинка...

— Блондинка? — Она отпивает шампанское. — Я видела, как она выскользнула из зала вскоре после того, как вы ушли, и не вернулась.

Конечно, она ушла. Ты можешь бежать, Айрис, но я найду тебя, и в следующий раз ты не сбежишь от меня.

Глава 6

Айрис

Uber высаживает меня за три квартала от моей квартиры — скорее привычка, чем осторожность. Мои каблуки стучат по мокрому тротуару, вечная осенняя морось Бостона запотекает в моих волосах.

Мне не следовало идти на торжество.

Рискованно. Ненужно. Чертовски увлекательно наблюдать, как Алексей Иванов корчится, пока я демонтирую его франкфуртские серверы в режиме реального времени. Но выражение его лица, когда он заметил меня в бальном зале — интрига без понимания — оправдывало любой риск.

Мой телефон жужжит. Майя.

Где ты? Сейчас час ночи.

Иду домой. Буду через 5 минут.

Ты ходила на это мероприятие, не так ли?

Я не отвечаю. Майя знает меня слишком хорошо, знает склонность к саморазрушению, которая заставляет меня тыкать медведей, которых мне следует оставить в покое.

За исключением того, что братья Ивановы — не медве-

ди. Они монстры в дорогих костюмах, строящие империи на кровавые деньги, в то время как мир аплодирует их благотворительным пожертвованиям. «Несчастный случай» моих родителей повсюду покрыт их отпечатками пальцев — они похоронены глубоко в зашифрованных файлах, на раскопки которых я потратила годы, но они там.

И Алексей...

Я невольно улыбаюсь. Младший Иванов блестящий, неуравновешенный, и его так легко завести, что это почти несправедливо. Восемь месяцев взлома его брандмауэров, и он уже одержим, ходит кругами, пытаюсь поймать призрака, которого ему никогда не поймать.

Ты высококого мнения о себе.

Его слова эхом отдаются в моей голове. Может, и так. Но я заслужила это право.

Сквозь туман проступает мое здание: переоборудованный склад в Южном Бостоне, место, которое выглядит обреченным, но в котором есть лофты стоимостью в миллион долларов. Я ввожу код безопасности, уже мысленно составляя каталог сегодняшних данных.

Лифт поднимается со своим обычным протестующим скрежетом. Я прислоняюсь к зеркальной стене, ловя свое отражение — черное платье облегает углы, которые я обычно не показываю, волосы распущены, а не зачесаны назад, макияж, на нанесении которого настояла Майя.

Я похожа на кого-то другого. На ту, кто ходит на вечерин-

ки и флиртует с опасными мужчинами, вместо того чтобы прятаться за ширмами.

Эта мысль выбивает меня из колеи больше, чем настойчивость Алексея или то, как он почти прижал меня к стене, прежде чем вмешался его брат.

Майя растянулась на нашем диване, ноутбук балансирует у нее на коленях, из динамиков звучит подкаст murder.

— Ты сумасшедшая, — объявляет она, не поднимая глаз.

— Вероятно.

Майя, наконец, поднимает взгляд, карие глаза полны беспокойства. — Ты была в этом платье.

— Ты сказала мне купить его.

— Я говорила тебе купить его для мероприятий нормальных людей. Не для — Она дико жестикулирует. — ... проникновения на вражескую территорию, активно совершая уголовные преступления.

Я сбрасываю каблуки, позволяя им застучать по паркету. — Уголовные преступления уже были совершены. Я просто пошла посмотреть на последствия.

— Господи, Айрис. — Майя закрывает свой ноутбук и с нарочитой осторожностью откладывает его в сторону. — Тебя могли узнать. Кто-нибудь мог видеть, как ты уходила. Камеры слежения...

— Подделка. Мне принадлежит вся система наблюдения в этом здании. — Я падаю на диван рядом с ней, внезапно обессилев. — Каждая камера показала идеальную петлю.

Меня там никогда не было.

— За исключением того, что ты была там. Физически присутствовала. Разговаривала с людьми. — Голос Майи смягчается. — Разговаривала с ним.

Я не спрашиваю, откуда она знает. Майя читает меня так чертовски легко.

— Это было глупо, — признаю я.

— Это было опрометчиво. — Она укрывает нас обоим одеялом — привычная процедура из тысячи поздних ночей. — Что случилось?

Итак, я рассказываю ей. Вечеринка, разговор, зеленые глаза Алексея, следящие за мной, как за добычей. Волнение от наблюдения за тем, как он бросается к выходу, когда братья начинают кричать. Как близко я была к тому, чтобы остаться, продвинуться дальше, увидеть, что произойдет, если...

— Ты играешь с огнем. — Плечо Майи прижимается к моему. — Это не хакеры в белых шляпах и не корпоративные костюмы. Братья Ивановы хоронят людей.

— Они похоронили моих родителей.

— Именно. — Ее рука находит мою и сжимает. — Вот почему тебе нужно быть умнее. Хирургические удары, а не... каким бы ни был сегодняшний вечер.

Я кладу голову ей на плечо, вдыхая знакомый аромат ее лавандового шампуня. Майя права. Она всегда права. Но что-то в Алексее Иванове действует мне на нервы, заставляя

ет отказаться от тщательного планирования ради хаоса.

— Он назвал меня интригующей, — бормочу я.

Майя фыркает. — Ты интригуешь. А еще ты — уголовное преступление, которое только и ждет своего часа. — Она сдвигается, смотрит прямо на меня. — Обещай мне, что будешь осторожна. По-настоящему осторожна, а не осторожная Айрис Митчелл.

— А есть разница?

— Ты же знаешь, что есть.

Я знаю это. Потому что осторожность умерла вместе с моими родителями, когда мне было девятнадцать.

До несчастного случая я играла по правилам. Следовала процедурам. Верила, что системы работают, если им доверять. Потом мы с родителями попали в автомобильную аварию из-за отказа тормозов, которые не соответствовали физике, и мой мир перевернулся с ног на голову.

Я уже тогда был одарён в области компьютеров и математики — вундеркинд, который в шестнадцать лет поступил в Стэнфорд. Но после смерти родителей программирование стало для меня чем-то другим. Оружие. Способ взломать двери, которые продолжали захлопываться у меня перед носом.

Каждое расследование их смерти натыкалось на стену. Полицейские отчеты исчезли. Свидетели отказались от показаний. Запись с камер наблюдения была повреждена. Скоординированное стирание, которое кричало о сокрытии для

любого, кто обращал внимание.

Итак, я научилась взламывать. Не детский мусор со сценариями, а реальное проникновение — взлом шифрования, подделка учетных данных, становление невидимой внутри сетей, которые считались безопасными. Математика всегда имела для меня смысл, которого люди никогда не понимали. Код — это просто математика с определенной целью, и моя цель была простой.

Выяснить, кто убил моих родителей и почему.

Фамилия Иванов всплыла через шесть месяцев после того, как я начала копать. Похороненная во фрагментированных электронных письмах, переводах средств с оффшорных счетов и единственном упоминании о «бостонской проблеме», датированном двумя днями до того, как машина моих родителей упала с моста. Не доказательство — доказательств всегда было недостаточно, — но с тех пор я слежу за новостями.

— Айрис. — Голос Майи возвращает меня назад. — Ты снова это делаешь.

— Что делаю?

— Растворяешься в своей голове. — Она сильнее сжимает мою руку. — Я практически слышу, как ты планируешь свой следующий шаг.

Я моргаю, переводя взгляд на ее озабоченное лицо. — Я не...

— Так и есть. — Майя вздыхает. — Послушай, я пони-

маю. Я знаю, почему ты это делаешь. Но однажды удача отвернется от тебя, и что тогда? Ты будешь мертва, чтобы получить ответы.

— Не много драматизма?

— Я реалист. — Она встает, потянув меня за собой. — Пойдем. Тебе нужен настоящий сон, а не та кома, вызванная таблетками, в которую ты впадала.

Я позволяю ей тащить меня в сторону моей спальни, зная, что она не успокоится, пока я не окажусь в постели. Зная, что она права насчет безрассудства, насчет опасности.

Зная, что я все равно это сделаю.

Глава 7

Алексей

Я просмотрел запись с камер наблюдения сорок семь раз. Сорок семь циклов из абсолютно ничего.

Система наблюдения за гала-концертом показывает идеальный вечер. Прибывающие гости, льющееся шампанское, обычный парад бостонской элиты, притворяющейся, что их деньги чисты. Но блондинка? Та, кто раздела меня догола словами, одновременно потроша мои серверы?

У меня такое чувство, что это та самая блондинка из кафе MIT.

Ее не существует.

Нет метки времени входа. Нет выхода. Ни единого кадра, когда она разговаривает со мной, эти льдисто-голубые глаза отслеживали каждую мою реакцию, как будто она каталогизирует слабости.

Потому что все это было фальшивкой. Каждая камера показывает именно то, что она хотела, чтобы я увидел, пока она шла по бальному залу, как призрак.

Как Фантом.

Основной удар моей ярости приходится на ноутбук — я опускаю экран с такой силой, что трещат петли. Не важно. У меня в комнате разбросано еще двенадцать следов, каждый из которых ведет в никуда.

Она разыграла меня.

Стояла прямо передо мной, вела умную беседу о консалтинге в области кибербезопасности — Господи, какая ирония, на вкус, как аккумуляторная кислота, — и одновременно организовала самое разрушительное нарушение, которое у нас было за последние годы. Улыбнулась мне. Задавала наводящие вопросы о моей работе, на которые я отвечал как дурак, слишком увлеченный изгибом ее шеи.

И я купился на это.

Каждую. Чертову. Секунду.

Франкфуртские серверы по-прежнему представляют собой катастрофу. Впереди три недели на устранение повреждений, объяснения клиентам, гарантии того, что их данные остаются в безопасности, хотя мы оба знаем, что они были скомпрометированы в течение нескольких месяцев. Она так долго работала в наших системах, что, вероятно, знает о наших операциях больше, чем мы сами.

Я хватаю другой ноутбук, пальцы порхают по клавишам. Сверяю каждый список гостей, каждое приглашение, каждую возможную точку входа. Но она слишком тщательно замела свои следы.

Профессионально — это ещё мягко сказано.

У меня дрожат руки. Не от усталости, хотя я не спал после гала-концерта. Не от энергетических напитков, разбросанных по моему столу, как жертвы войны.

От ярости.

Она стояла там и смеялась надо мной. Заставила меня думать, что я контролирую ситуацию — задаю вопросы, ищу ответы. На самом деле она препарировала меня в режиме реального времени, проверяя реакцию, вероятно, собирая информацию для своего следующего удара.

От ярости и чего-то еще, чему я отказываюсь давать название.

Мое отражение смотрит на меня с затемненного монитора. Трехдневная щетина, волосы, которые не расчесывали со вторника. Я выгляжу ужасно. Чувствую себя еще хуже.

Потому что я не могу перестать видеть ее.

То, как свет люстры отражался в платиновых светлых волосах. То, как ее платье подчеркивало изгибы, не имело никакого отношения к нашему разговору. Легкая ухмылка играла в уголках ее рта, когда я упомянул протоколы безопасности, как будто она сдерживала смех над личной шуткой.

За мой счет.

Моя челюсть сжимается так сильно, что становится больно.

Прошлой ночью, один в темноте, в компании лишь мерцающих мониторов, я сделал кое-что жалкое. Прокручивал в уме снимки, в то время как моя рука двигалась с нарас-

тающим отчаянием. Представлял, как бы она выглядела без этого элегантного платья, с этими льдисто-голубыми глазами, наблюдающими за мной с той же расчетливой оценкой, что и на гала-концерте.

Я кончил сильнее, чем когда-либо за последние месяцы, ее имя было шепотом, за что я ненавидел себя.

Потом я сидел там, со все еще липкой рукой, уставившись в потолок и желая пробить что-нибудь кулаком. Все.

Она враг. Фантом, который систематически разрушал нашу систему безопасности, выявлял уязвимые места и выставил меня некомпетентным перед моими братьями. Она использовала меня. Манипулировала мной с отработанной легкостью, пока я стоял там, как подросток, впервые влюбившийся, слишком занятый разглядыванием того, как выглядит ее ключица под светом галереи, чтобы понять, что со мной играют.

И я все еще хочу ее.

Хочу снять каждый слой обмана, пока не найду под ним что-то настоящее. Хочу совместить этот блестящий, извращенный ум со своим собственным. Хочу заставить ее потерять контроль над собой так же, как она заставила меня потерять свой.

Это отвратительно.

Я одержим идеей собственного уничтожения, кружу вокруг него, как мотылек, привлеченный пламенем, прекрасно зная, что обожгусь.

Мой телефон жужжит. Николай, требует новостей о ситуации.

Я игнорирую его.

Вместо этого я просматриваю каждый фрагмент кода, который она оставила, в поисках шаблонов. Все, что может подсказать мне, кто она на самом деле.

Потому что Айрис Митчелл — если это вообще ее настоящее имя — допустила одну критическую ошибку.

Она позволила мне увидеть ее лицо.

Через семь часов поисков я нахожу ее.

Не с помощью сложных алгоритмов или контактов в темной Сети. С помощью чертового школьного ежегодника, оцифрованного какой-то благонамеренной ассоциацией выпускников.

Айрис Митчелл, гласит подпись. Президент выпускного класса. Полная стипендия в Стэнфорде.

Я смотрю на фотографию до тех пор, пока у меня перед глазами все не расплывается.

Это она в свои восемнадцать, но безошибочно она. Те же платиновые светлые волосы, хотя и короче. Те же льдисто-голубые глаза, которые, кажется, видят прямо сквозь объектив камеры. Улыбка другая, менее сдержанная. Почти искренняя.

До того, как она научилась превращать все в оружие.

Мои пальцы висят над клавиатурой, дрожа от чего-то среднего между восторгом и неверием.

Она назвала мне свое настоящее имя.

Что за высокомерный, безрассудный гений использует свою настоящую личность при ведении шпионажа? При взломе некоторых из самых защищенных систем в северо-восточном коридоре?

Из тех, кто приходит на торжество и представляется своей цели в лицо.

Я загружаю ежегодник, затем предыдущий. На предпоследнем курсе она изображена в компьютерном клубе в окружении неуклюжих подростков, которые, вероятно, понятия не имели, что сидят рядом с будущим киберпреступником. На втором курсе она получает награду по математике и пожимает руку директору, который выглядит гордым.

Средняя школа Линкольна. Провиденс, Род-Айленд.

Даже не так далеко. Девяносто минут езды.

Я уже просматриваю записи о собственности, сопоставляю адреса и выстраиваю хронологию событий. Митчеллы жили на Мейпл-стрит, 847, пока Айрис не исполнилось семнадцать. Затем дом был продан — быстро, значительно ниже рыночной стоимости. Родители числятся умершими в государственных архивах.

Оба погибли в автомобильной катастрофе.

Удобно.

Мой пульс учащается. Здесь есть история, кое-что, объясняющее, как вундеркинд, обучающийся в Стэнфорде, оказывается в темной паутине с вендеттой конкретно против моей

семьи.

Потому что это личное. Должно быть. То, как она смотрела на меня на том гала-концерте, было не просто профессиональной оценкой. За выступлением скрывалось признание. Возможно, ненависть. Или что-то более сложное.

Мне нужно больше.

Система безопасности Стэнфорда просто смехотворна.

Двадцать минут на то, чтобы взломать их архивную базу данных студентов. Еще пятнадцать на медицинские записи — оказывается, больницы любят использовать те же схемы паролей, что и десять лет назад.

Айрис Митчелл. Стипендия полного цикла. Двойная специализация в области компьютерных наук и прикладной математики. Получила диплом с отличием в двадцать один год, защитив диссертацию по квантовому шифрованию, которая, вероятно, заложила основу для половины ее нынешних подвигов.

В медицинских записях указаны регулярные осмотры, одно сотрясение мозга на втором курсе — спортивная травма, флаг—футбол, конечно, — и рецепт на снотворное, который обновлялся ежеквартально в течение последних семи лет.

Интересно.

Призраку снятся кошмары.

Я скачиваю все, создавая профиль, который с каждым файлом становится все более увлекательным. Очевидно, что она великолепна. Но сквозь все это пронизывает тьма. Про-

белы в ее хронологии, которые не сходятся. Шестимесячный период после окончания учебы, когда она полностью исчезает из цифровых записей.

Затем снова появляется, работая в фирме по кибербезопасности в Вашингтоне.

Вероятно, правительственный подрядчик. Вербовка в АНБ или ЦРУ сразу после колледжа соответствует ее навыкам.

Там что-то произошло. Что-то, что отправило ее в подполье.

Текущий адрес отображается в перекрестной ссылке на сервис: 1247 Commonwealth Avenue, блок 4В, район Бикон. Высококласный, но не броский. Достаточно близко к Бостонскому университету, чтобы она, вероятно, смешалась с толпой аспирантов.

Достаточно близко к нашему особняку на Бикон-Хилл, так что все это время она была практически по соседству.

Ирония заставляет меня хотеть смеяться. Или кричать.

Ее последний известный номер телефона требует больше работы — я просматриваю список абонентов трех разных операторов, прежде чем нахожу текущую линию. Активен. Используется редко, в основном в приложениях для обмена зашифрованными сообщениями.

Я настроил безопасный канал, проходящий через достаточное количество прокси, так что даже ей будет трудно отследить его сразу.

Мои пальцы застывают над клавишами.

Настал момент. Как только я отправлю это сообщение, она узнает, что я нашел ее. Узнает, что я не просто некомпетентная мишень, с которой она может играть из тени.

Правила игры меняются.

Я быстро печатаю, прежде чем успеваю передумать.

Небрежная работа на гала-концерте, Айрис. Используй свое настоящее имя? Ожидал лучшего от Фантома. Хотя мне понравился наш разговор. Мы должны как-нибудь повторить. Может быть, где-нибудь, где не так много камер, которые тебе пришлось бы подделывать. — А

Мой большой палец зависает над "Отправить".

Затем нажимает.

Сообщение доставлено. После прочитано.

Я смотрю на экран, пульс бьется о ребра, ожидая ее ответа.

Три точки появляются сразу же.

Она печатает.

Все мое тело замирает, мышцы напрягаются, когда я наблюдаю, как эти точки пульсируют. Исчезают. Появляются снова.

Наконец-то до меня доходит ее ответ.

Мило. Ты запустил распознавание лиц на фотографиях из ежегодника и думаешь, что взломал код. Это очаровательно, на самом деле. Я думала, ты должен быть семейным гением. Разочарована.

Мои челюсти сжимаются так сильно, что у меня болят зубы.

Нашел и твой адрес. Твой настоящий номер телефона. Всю твою стенограмму из Стэнфорда. Хочешь, я продолжу?

Точки снова пульсируют. На этот раз дольше.

Ты нашел то, что я позволила тебе найти, Алексе. Каждая крошка аккуратно уложена. Ты думаешь, я стала бы использовать записи с камер наблюдения, которые я не контролировала? Предстать перед тобой без десяти стратегий выхода? Пожалуйста.

За этим следует еще одно сообщение, прежде чем я успеваю ответить.

Этот ежегодник был в Сети шесть лет. Общедоступный. Если бы я заботилась о том, чтобы скрыть свою личность, ты действительно думаешь, что тебе потребовалось бы семь часов, чтобы найти школьную фотографию?

Черт.

Мои пальцы порхают по клавишам.

Итак, ты хотела, чтобы я нашел тебя.

Нет. Я хотела посмотреть, сколько времени это займет.

Семь часов... не впечатляет. Я поспорила с собой, что ты справишься за четыре. Возможно, я переоценила конкуренцию.

Слова бьют, как пощечина. Мое зрение переключается на экран, ярость становится горячей и острой в моей груди.

Ты блефуешь. Играешь в игры, потому что я загнал тебя в угол.

Загнал в угол?

Детка, я сейчас нахожусь в твоём северо-восточном кластере серверов.

Тот, который, как ты думаешь, заблокирован. Хочешь знать, какой файл я сейчас читаю?

У меня кровь стынет в жилах.

Я включаю систему мониторинга нашей самой защищенной сети. Ту, которая физически изолирована от всего остального. Ту, которая, как предполагается, невозможно...

Там.

Призрачная подпись, едва заметная. Просматривает секретные файлы, как будто это место принадлежит ей.

Как будто она была там все это время.

Ты уже впечатлен? — В её следующем сообщении содержится вопрос. — Или мне следует продолжать демонстрировать, как мало ты знаешь?

Мои руки застывают над клавиатурой.

Она права. Насчет всего. Ежегодник, след — слишком просто. Я должен был понять в тот момент, когда нашел ее, что это именно то, что она хотела, чтобы я нашел.

Но в её сообщениях есть что-то еще. Что-то скрывается за язвительными словами и случайными демонстрациями превосходства.

Хочешь знать, какой файл я сейчас читаю?

Она спрашивает. Выпендривается. Доказывает свою точку зрения с отчаянием человека, которому нужно, чтобы я точно понял, насколько меня превосходят.

Что означает, что я напугал ее.

Где-то между поиском фотографии из ее ежегодника и отслеживанием ее адреса я задел ее за живое настолько, что ей пришлось ответить. Ей нужно доказать, что она все еще на десять шагов впереди. Должна убедиться, что я знаю, что она все контролирует.

Людям, которые контролируют ситуацию, не нужно так тщательно это демонстрировать.

Я откидываюсь на спинку стула, изучая ее сообщения новыми глазами. Схема налицо, она написана между каждой тщательно подобранной колкостью.

Она показывает мне свою руку.

Не намеренно — она слишком умна для этого. Но Фантом, который потратил месяцы, взламывая нашу систему безопасности, не оставляя следов, не появляется внезапно на празднике без причины. Не использует свое настоящее имя, если только не хочет, чтобы ее нашли.

И теперь она доказывает, что может получить доступ к нашим самым защищенным системам в режиме реального времени, потому что ей нужно, чтобы я знал.

Мне нужно ее увидеть.

Мой пульс успокаивается. Ярость кристаллизуется во что-то более острое, более сфокусированное.

Потому что вот что я знаю наверняка: она единственный человек, которого я когда-либо встречал, у которого это получается лучше, чем у меня. Единственный, кто может прорваться сквозь мою систему безопасности, как сквозь ничто, оставлять следы, которые я едва могу обнаружить, и использовать уязвимости, о существовании которых я и не подозревал.

Все это время я преследовал ее и узнал о своих слабостях больше, чем за предыдущие три года вместе взятые.

Она великолепна. Возможно, более блестящая, чем я, и осознание этого должно приводить меня в ужас.

Вместо этого я чувствую себя так, словно нахожу что-то, о чем и не подозревал, что искал.

Я печатаю медленно, намеренно.

Ты права. Я впечатлен. Никто никогда не проникал так глубоко в наши системы. Никто никогда не заставлял меня так усердно работать.

Точки появляются немедленно. Исчезают. Появляются снова.

Она печатает и удаляет. Впервые неуверенно.

Хорошо.

Глава 8

Айрис

Я смотрю на последнее сообщение Алексея, пока экран не расплывается.

Ты права. Я впечатлен. Никто никогда не проникал так глубоко в наши системы. Никто никогда не заставлял меня так усердно работать.

Мои руки дрожат, когда я закрываю ноутбук.

— Майя. — Мой голос звучит неправильно. Слишком резко. — Нам нужно двигаться.

Она отрывает взгляд от телефона, приподняв брови. — Что?

— Переезжать. Новая квартира. Может быть, новый город. Сегодня вечером, если возможно.

Майя медленно кладет телефон на стол. — Ты слишком остро реагируешь.

— Это не так. — Я встаю из-за стола и подхожу к окну. Улица внизу выглядит обычной. Слишком обычной. — Он все знает, Майя. Где мы живем. Мое настоящее имя. Вся моя история.

— И что? Ты знала, что в конце концов он обо всем догадается. Таков был план, не так ли?

— План включал хлебные крошки, которые я решила оставить. — Я прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. — Не... это. Не то, что он смотрит на меня так...

— Например?

Я не могу объяснить, что почувствовала в его последнем сообщении. Переход от ярости к чему-то худшему. Чему-то сосредоточенному, обдуманному и терпеливому.

— Он больше не играет, — говорю я наконец. — И мы здесь беззащитны.

Майя встает, подходит и встает рядом со мной. Ее отражение в окне теперь выражает беспокойство, небрежность исчезла. — Хорошо. Расскажи мне. Что именно у него есть?

— Адрес. Номер телефона. История образования. Возможно, уже история работы.

— Черт.

— Да.

Майя на мгновение замолкает, размышляя. Затем она качает головой. — У нас хорошая охрана, Айрис. Три отдельные системы сигнализации, камеры на каждом входе и комната страха, на установке которой ты настояла. Мы узнаем, если он придет за нами.

— Мы узнаем? — Я поворачиваюсь к ней лицом. — Мы говорим об Алексее Иванове. Парень, который построил половину инфраструктуры Даркнета до того, как ему исполни-

лось двадцать. Ты думаешь, наши камеры засекут его, если он не захочет, чтобы его поймали?

— Ты застукала его на празднике.

— Потому что он не прятался.

Майя хватает меня за плечи, заставляя посмотреть ей в глаза. — Послушай себя. Мы не можем просто взять и пере-черкнуть всю нашу жизнь из-за того, что ты стала немного безрассудной.

— Немного...

— Да, безрассудной. Ты хотела привлечь его внимание, ты его получила. Теперь смирись с этим. — Ее хватка усиливается. — Притормози с Ивановыми. Пусть все уляжется на несколько недель.

— Это работает не так.

— Тогда сделай так, чтобы это сработало. — Она отпускает меня, скрещивая руки. — Отвлеки его внимание. Сделай что-нибудь. Все, что угодно, только не тыкай в него пальцем, пока он следит за тобой.

Я беру свой ноутбук и открываю крышку. — Как перена-править?

— Я не знаю, ты гениальный хакер. Подставь кого-нибудь другого. Создай приманку. Заставь его думать, что ты пере-шла к другой цели. — Майя присаживается на край моего стола. — Просто дай ему повод заикнуться на чем-нибудь другом, не на тебе.

Идея достойна внимания. Заикленность Алексея на

Фантоме проистекает из интеллектуального вызова — быть первым человеком, взломавшим его системы и заставившим его работать. Если я смогу сместить этот фокус, заставить его поверить, что реальная угроза кроется в другом месте...

— Мне нужно отключиться от серверов Иванова, — медленно говорю я, мысленно уже прокручивая возможные варианты. — Полное радиомолчание. Никаких следов, никаких подписей, ничего.

— Совершенно верно.

— И сфабриковать улики, указывающие на другого хакера. Кого-нибудь достаточно надежного, чтобы он на это купился.

— Ты можешь это сделать?

Мои пальцы барабают по столу. — Я отслеживаю одну русскую группу. В прошлом месяце они попали в поле зрения Министерства обороны. Если я смогу воспроизвести их подпись, подбросить несколько хлебных крошек, предполагающих, что они работали с системами Иванова...

— А он бы поверил в это? — Спрашивает она.

— Возможно. — Я достаю свой запасной ноутбук и уже получаю доступ к зашифрованным файлам. — Временная шкала работает. Они были активны в финансовом секторе Бостона. И Алексей знает, что я работаю в основном в одиночку. Если внезапно появится группа с аналогичными возможностями...

— Он может подумать, что они завербовали тебя.

— Или что я никогда не была реальной угрозой. Просто отвлекала внимание, пока они выполняли тяжелую работу. — Пока я говорю, план обретает фокус. — Это правдоподобно. Едва ли.

Майя наблюдает за моей работой; на ее лице все еще читается беспокойство. — И что произойдет, когда он поймет, что это подделка?

— Тогда я разберусь с этим. — Я открываю первый файл, сканируя код из последнего взлома русской группировки. — Но прямо сейчас это лучший вариант, который у нас есть, помимо отказа от всего, что мы здесь построили.

Майя сокрушенно вздыхает. — Ладно. Но я улучшу нашу систему безопасности, пока ты работаешь. Датчики движения на крыше, тепловизионные камеры и все такое прочее.

— Хорошо.

Она направляется к своей комнате, задерживаясь в дверях. — И, Айрис? Может, сегодня вечером сбавишь дозу снотворного? Ты нужна мне начеку, если все пойдет наперекосьяк.

Я не отвечаю, уже глубоко погрузившись в код. Воспроизведение подписи русских требует идеальной точности — одна неверная переменная, и Алексей мгновенно раскусит меня. Мои пальцы порхают по клавиатуре, разбирая схемы шифрования и изучая уникальные особенности их вредоносной архитектуры.

Проходит два часа. Структура обретает форму, слои дез-

ориентации, призванные увести Алексея от меня к призрачной угрозе. Я создаю призрака, чтобы преследовать призрака.

Мой телефон жужжит.

Я игнорирую его, сосредоточившись на встраивании подписи группировки в старые логи сервера Ivanov. Сделать вид, что они были там неделями, прячась за моими более яркими вторжениями.

Еще одно гудение. Потом еще.

— Что за черт? — Я хватаюсь за телефон, ожидая увидеть спам.

Три сообщения с неизвестного номера.

Хорошая попытка с российской группировкой. Но я отслеживал их передвижения в течение нескольких месяцев. Они не трогали наши системы.

У меня сводит желудок.

Кроме того, их код груб по сравнению с твоим. Функциональный, но не элегантный. Ты пишешь, как пианист на концерте. Они пишут так, словно учатся пользоваться палочками для еды.

Я смотрю на экран, лихорадочно соображая. Он смотрит. Прямо сейчас. Отслеживает мои системы в режиме реального времени.

Нет смысла уклоняться, Айрис. Нет смысла убегать. Нет смысла строить приманки, переезжать из квартиры в квартиру или что бы ты там ни придумывала.

Третье сообщение приходит, когда я обрабатываю второе.
Теперь я нашел тебя. И я никогда тебя не отпущу.

У меня немеют руки.

Он в моей системе. Наблюдает за моей работой. Вероятно, с того момента, как я открыла свой ноутбук.

Мои пальцы дрожат над клавиатурой.

Я быстро печатаю, прежде чем успеваю передумать.

Чего ты хочешь?

Ответ приходит мгновенно, как будто он ждал, что я спрошу.

Прямо сейчас? Я хочу посмотреть, как ты извиваешься. Я хочу знать, порозовели ли твои щеки и сжимаешь ли ты бедра вместе, читая это? Я хочу знать, перехватывает ли у тебя дыхание, когда ты представляешь, что бы я сделал, если бы появился у твоей двери.

Жар заливает мое лицо. Я смотрю на слова, мозг заикается.

Не будем говорить о коде, милая. С прелюдией покончено. Я говорю о том, чтобы разложить тебя на столе, за которым ты сидишь, вдавливать свой член между этими шикарными губками, пока слезы не потекут по этому идеальному лицу.

У меня перехватывает дыхание. Именно так, как он и сказал.

Еще одно сообщение.

Держу пари, ты бы сопротивлялась. Возможно, царапа-

лась, кусалась и притворялась, что не хочешь этого.

Но я видел, как ты действуешь, Айрис.

Ты одержима контролем, потому что боишься его потерять.

И я единственный живой человек, который может отнять его у тебя.

Мне следует закрыть ноутбук. Заблокировать номер. Делать буквально все, что угодно, только не продолжать читать.

Интересно, будешь ли ты все еще болтливой, когда я наклоню тебя, запустив пальцы в эти светлые волосы.

Мое сердце сжимается. Реальная физическая реакция на слова на экране.

Это безумие. Я этим не занимаюсь. Не думаю о мужчинах, не хожу на свидания, не трачу время на секс, когда есть работа. Ни к кому не прикасалась более двух лет, а до этого все было механически. Необходимое снятие стресса, не более того.

Но слова Алексея разжигают что-то темное и голодное, о существовании чего я и не подозревала.

Ты здесь, Фантом?

Или я наконец-то нашел то, что заставило тебя замолчать?

Мои руки дрожат, когда я печатаю.

Ты бредишь.

Правда?

Тогда почему ты не заблокировала этот номер?

Почему ты все еще читаешь?

Потому что я не могу остановиться. Потому что каждое грубое, недвусмысленное слово заставляет мой пульс биться быстрее. Потому что где-то в моем ебанутом мозгу мысль о том, что Алексей Иванов — блестящий, опасный, совершенно ненормальный Алексей — хочет меня так, как никто другой, делает что-то такое, чего не делал никто другой.

Так я и думал. Приятных снов, Айрис. Приснись мне. Сообщения прекращаются.

Я сижу, застыв, уставившись на свой телефон, тело гудит от незнакомого желания.

— Что за черт, — шепчу я пустой комнате.

Я должна отключиться. Запереть все и лечь спать.

Вместо этого мои пальцы двигаются по клавиатуре со знакомой точностью.

Если он наблюдал за мной, то это честная игра.

Требуется три минуты, чтобы взломать его личную сеть. Еще две, чтобы получить доступ к записям с камер его системы. У него есть защита, многоуровневая, но ничего такого, что я не смогла бы разгадать. Высокомерие, с которым он думает, что я не стану мстить, делает его неряшливым.

Загружается трансляция с его веб-камеры.

У меня перехватывает дыхание.

Алексей откидывается на спинку стула, под расстегнутой рубашкой видны мускулы. Его рука обхватывает член — толстый, твердый, непристойных размеров. Он неторопливо гладит себя, не сводя зеленых глаз с камеры.

Как будто он знает, что я наблюдаю.

— Хорошая девочка. — Его голос доносится из моих динамиков, грубый и мрачный. — Смотри, как я глажу себя для тебя.

Жар заливает мое тело. Я должна закрыть канал. Должна немедленно отключиться.

Но я не могу отвести взгляд.

Его рука движется быстрее, хватка становится крепче, пока он гладит себя. Зрелище производит нечто катастрофическое с моим контролем. Мои бедра сжимаются вместе, ища трения, которого там нет.

— Держу пари, ты прямо сейчас ерзаешь. — Его дыхание становится хриплым. — Думаешь, стоит ли тебе трогать себя, пока ты смотришь.

Моя рука скользит вниз по животу, прежде чем до меня доходит осознанная мысль.

Нет. Абсолютно нет. Я не...

Но я уже лезу в ящик своего стола. Нахожу вибратор, которым почти не пользуюсь. Фаллоимитатор, который я купила импульсивно несколько месяцев назад и никогда к нему не прикасалась.

Это безумие. Я Айрис Митчелл. Я не разваливаюсь на части из-за какого-то хакера-экзгибициониста с комплексом бога.

За исключением того, что я спускаю штаны для йоги. Устраиваюсь в кресле. Интересно, взломал ли он и мою си-

стему. Если он наблюдает за мной так же, как я наблюдаю за ним.

От этой мысли я становлюсь еще влажнее.

Я прижимаю вибратор к своему клитору, задыхаясь от первого всплеска ощущений. На экране рука Алексея движется быстрее, и я, не задумываясь, подстраиваюсь под его ритм. Фаллоимитатор легко скользит внутрь — я уже промокла, тело вытесняет все рациональные мысли, которые у меня когда-либо были.

— Вот и все. — рычит его голос из динамиков. — Покажи мне, как сильно ты этого хочешь, Айрис.

Я поворачиваю экран ноутбука так, чтобы камера фиксировала все.

В эту игру могут играть двое.

Фаллоимитатор скользит глубже, когда я поворачиваюсь, широко раздвигая бедра, чтобы он мог точно видеть, что он со мной делает. Свободной рукой я хватаюсь за край стола, костяшки пальцев белеют, когда удовольствие накатывает резкими, незнакомыми волнами.

— Черт. — Дыхание Алексея становится хриплым в динамиках. — Посмотри на себя. Идеальная маленькая сучка берет игрушку так, словно хочет, чтобы это был я.

Стон вырывается прежде, чем я успеваю его остановить. Высокий и отчаянный, совсем не похожий на ту контролируемую версию себя, которую я представляю миру.

— Вот и все, милая. Дай мне послушать, как ты развали-

ваешься на части. — Его рука на экране движется быстрее, на головке члена блестит предварительная сперма. — Держу пари, ты сейчас такая мокрая. Уверен, что ты вся истекала бы по моему члену, если бы я был там вместо этого жалкого куска силикона.

Я переключаю вибратор на более высокую скорость, сильнее прижимая его к своему клитору. От этого ощущения моя спина выгибается дугой, бедра двигаются навстречу каждому толчку фаллоимитатора.

— Скажи мне, что ты чувствуешь. — Его голос становится ниже, повелительным. — Хочу услышать это от тебя.

— Хорошо. — Слово выходит ломаным. — Чувствую себя так чертовски хорошо.

— Лучше, чем когда ты трогаешь себя в одиночестве. Лучше, чем те холодные, эффективные оргазмы, которые ты испытываешь, просто чтобы снять напряжение?

ДА. Боже, да. Это совсем не похоже на механическое облегчение, к которому я обычно стремлюсь. Это грубо, грязно и всепоглощающе.

— Ответь мне, Айрис.

— Да. — Я уже близко, тело напряжено. — Лучше.

— Потому что ты думаешь обо мне. — Его хватка усиливается, поглаживая быстрее. — Держу пари, ты думаешь о том, как мой член разрывает тебя на части, пока мои руки прижимают твои запястья к матрасу. Мои зубы на твоём горле, пока я трахаю тебя так сильно, что ты забываешь все

свои остроумные комментарии.

Это изображение разрушает что-то во мне. Я засовываю фаллоимитатор глубже, подстраиваясь под жестокий темп его руки на экране. Мой клитор пульсирует под безжалостным давлением вибратора.

— Кончи для меня. — Его слова — команда, а не просьба. — Позволь мне посмотреть, как ты сломаешься.

Оргазм обрушивается как системный сбой — внезапный, разрушительный, с полной потерей контроля. Я вскрикиваю, ноги дрожат, когда волны удовольствия стирают все связанные мысли.

Сквозь дымку я наблюдаю, как рука Алексея движется быстрее, грубее. Его голова откидывается назад, горло обнажено, мышцы напряжены.

— Смотри на меня. — Его голос хриплый. — Смотри, как я кончаю, думая о том, как наполню эту идеальную пизду.

Я должна отвести взгляд. Должна закрыть канал. Должна. Его член пульсирует, толстые струйки спермы окрашивают его живот, руку. Зрелище непристойное. Первобытное. Что-то, что я не должна считать горячим, но что мне абсолютно нравится.

— Посмотри на это. — Он гладит себя сквозь толчки, размазывая сперму по коже. — В следующий раз она будет в тебе. Я собираюсь накачать тебя своей спермой так, что ты будешь чувствовать ее в течение нескольких дней.

Реальность возвращается с жестокой ясностью.

Какого хрена я делаю?

Ужас захлестывает меня, холодный и острый. Я только что мастурбировала для Алексея Иванова. Он смотрел, как я разваливаюсь на части. Он видел, как я теряю контроль.

— Следующего раза не будет, — говорю я дрожащим голосом.

Его глаза устремлены в камеру, темные и довольные. — Мы оба знаем, что это ложь.

— Не ищи меня. — Мои руки тянутся к ноутбуку. — Не связывайся со мной. Не...

— Слишком поздно, милая. Я уже все видел.

Я захлопываю ноутбук с такой силой, что слышу, как трескается экран. Когда я снова открываю его, на меня смотрит мое отражение на затемненном мониторе — раскрасневшиеся щеки, расширенные зрачки, растрепанные волосы.

Не я. Это не я.

Я трясущимися руками натягиваю штаны для йоги и запикиваю игрушки обратно в ящик, как будто они улики преступления. Мои ноги подкашиваются, когда я встаю, тело все еще гудит от толчков удовольствия.

Треснувший ноутбук стоит на моем столе, как обвинение.

Я только что дала Алексею Иванову именно то, что он хотел. Доказательство того, что он может вырваться из-под моего контроля. Что за надежными стенами и совершенными системами я такая же сломленная и отчаявшаяся, как и все остальные.

— Черт. — Я прижимаю ладони к глазам. — Черт, черт, черт.

Майя никогда не должна узнать об этом. Никто никогда не должен узнать об этом.

Я хватаю свой телефон, пальцы летают по экрану, чтобы запустить все имеющиеся у меня протоколы безопасности. Блокирую системы, меняю все пароли, сжигаю все мосты, которые Алексей может использовать, чтобы связаться со мной.

На экране появляются три новых сообщения.

Я их не читаю. Вместо этого я блокирую номер.

Глава 9

Алексей

Сообщение об ошибке высмеивает меня на трех разных экранах.

Доступ запрещен.

Отказано в подключении.

Номер отключен.

Я пытаюсь взломать системы Айрис в течение шести часов. Шесть. Гребанных. Часов.

Ничего не работает.

Она сожгла все точки входа, которые у меня были. Сменила все пароли. Я так тщательно зашифровал ее цифровую подпись, что не могу даже найти ее тень в темной сети.

Фантом снова стал призраком.

Мой кофе остыл. Банки из-под энергетических напитков валяются на полу вокруг моего кресла. Код прокручивается по мониторам бесконечными циклами в поисках несуществующих трещин.

Она хороша. Больше, чем хороша.

И я ненавижу это.

Нет — я одержим этим.

Мои пальцы порхают по клавиатуре, пробуя другой подход. Может быть, если я проведу маршрут через серверы MIT, использую старый бэкдор, который я установил на первом курсе

Доступ запрещен.

— Черт возьми. — Я стучу кулаком по столу. Мониторы дрожат.

Это не так работает. Меня не запирают. Я тот, кто запирает. Охочусь. Контролирую.

Но Айрис полностью отключила меня. Никакой трансляции с веб-камеры. Никакого прослушивания телефона. Никакого проникновения в ее прекрасную, параноидальную систему.

Она в ужасе. Я увидел это в ее глазах прямо перед тем, как она отключилась — тот момент ясности, когда она поняла, что мы сделали. То, что она позволила мне увидеть.

Страх заводит меня больше, чем следовало бы.

Я открываю файл, который я создал на нее. Домашний адрес. Квартира на третьем этаже. Одна соседка по комнате — Майя Чен, графический дизайнер, судимостей нет.

Мои братья решают проблемы лицом к лицу. Ломают кости, стреляют пулями, оставляют тела в гавани.

Мне это никогда не было нужно. Зачем пачкать руки, когда я могу уничтожить кого-то из-за ширмы?

Но Айрис навязала другую игру.

Я хватаю куртку, по привычке проверяя Glock в кобуре на боку. Не то чтобы я планировал им воспользоваться. Это не такой визит.

Это разведка. Наблюдение в стиле старой школы.

Эта мысль заставляет меня улыбнуться, несмотря на мое разочарование.

Она заставила меня адаптироваться. Изменить правила взаимодействия.

Никто раньше этого не делал.

Поездка до Коммонуэлс-авеню занимает двадцать минут. Обычно я бы установил наблюдение, прежде чем предпринимать подобный шаг, но Айрис исключила эту возможность.

И вот я здесь. Припарковался через дорогу от 1247-й Коммонуэлс-авеню в затемненной Tesla, уставился на кирпичное здание, как какой-то сталкер.

Технически, я полагаю, что так оно и есть.

Блок 4 Б. Третий этаж. Угловая квартира с пожарной лестницей — я запомнил схему здания несколько часов назад. Ее окна выходят на улицу, шторы плотно задернуты.

Умная девочка.

Но недостаточно умна, чтобы исчезнуть полностью.

Я барабаню пальцами по рулю, нервничая без клавиатуры под руками. Эта игра в ожидание не в моем стиле. Я предпочитаю мгновенное удовлетворение, мгновенный доступ, мгновенный контроль.

Физическое наблюдение — территория Дмитрия. Или

Эрика. У них хватает терпения устраивать засады и оставлять следы по всему городу.

У меня есть серверы, спутники и код, которые следят за мной.

За исключением того, что Айрис все сожгла.

Мимо проходит бегун трусцой. Затем женщина выгуливает двух собак. Район тихий для субботнего дня — достаточно престижный, чтобы позволить себе камеры слежения, которые я уже подключил. Никто не заметит, что моя машина стоит здесь.

Мой телефон вибрирует. Николай.

Где ты, черт возьми, шляешься?

Я игнорирую его. Он хочет видеть меня на совещании по расширению наших криптовалютных операций. Скучно. Предсказуемо.

Тут намного лучше.

Мое внимание привлекает движение. Открывается входная дверь здания.

Мой пульс учащается.

Но это всего лишь какой-то студент колледжа со скейтбордом. Он направляется на восток, ничего не замечая.

Я откидываюсь назад, наблюдая за окнами Айрис. Занавески не шелохнулись. Ни теней, ни изменений освещения.

Она может спать. Или кодировать. Или планировать свой следующий шаг против наших систем.

Или она может быть такой же взвинченной, как и я, зная,

что я этого так просто не оставлю.

Эта мысль заставляет меня усмехнуться.

Она, вероятно, прямо сейчас прокручивает сценарии — вся эта блестящая паранойя сосредоточена на мне.

Это опьяняет.

Ползут еще двадцать минут. Мимо проходят студенты. Грузовик закрывает мне обзор на три мучительные минуты, прежде чем двигается дальше.

По-прежнему ничего от 4 Б.

Моя нога дергается. Мне нужно двигаться, что-то делать. Сидеть здесь кажется неправильным, пассивным.

Затем входная дверь снова открывается.

И вот она.

Айрис Митчелл выходит на тротуар, сумка с ноутбуком перекинута через плечо.

Мой шанс.

Я выхожу из Tesla. Она направляется на запад, в район кафе. Быстрые шаги, напряженные плечи.

Уже нервничает.

Хорошо.

Я иду шагом в пятидесяти футах позади нее, засунув руки в карманы куртки. Повседневная обувь. Просто еще один парень на улице. Я не сбиваюсь с шага, не смотрю прямо на нее. Позволяю своему взгляду скользнуть мимо, как будто она не стоит того, чтобы ее замечать.

Но ее темп увеличивается.

Она оглядывается через плечо, доказывая, что знает.

Каким-то образом она, блядь, знает.

Паранойя, которую я увидел в ее коде, идеально переключается с реальной жизнью. Она проверяет отражения в окнах автомобилей, витринах магазинов. Ее пальцы впиваются в ремешок сумки для ноутбука.

Я сокращаю дистанцию. Сорок футов. Тридцать.

Когда она оглядывается через плечо подольше, наши взгляды встречаются на долю секунды.

Узнавание вспыхивает на ее лице.

Потом страх.

А затем ее шаги ускоряются, переходя почти на бег, и она сворачивает налево по узкой боковой улочке. Сумка с ноутбуком подпрыгивает у нее на бедре.

Идеально.

Я подстраиваюсь под ее скорость, уводя ее подальше от толпы. Она оглядывается, видит, что я догоняю, и бросается прямо в переулок между двумя особняками.

Тупик. Ее шаги останавливаются, и она просто стоит там мгновение, прежде чем повернуться ко мне лицом и прижаться спиной к кирпичной стене. Ее рука ныряет в сумку.

Я быстрее.

Мои пальцы сжимаются вокруг ее запястья, когда она достает перцовый баллончик. Один резкий поворот, и он со звоном падает на тротуар. Я отбрасываю его ногой, затем прижимаюсь к ней всем телом, прижимая ее к стене.

— Привет, Айрис.

Айрис тяжело дышит, глаза широко раскрыты. Так близко я вижу усовершенствованные контактные линзы, которые она носит, и едва заметную татуировку с кодом, выглядывающую из-под воротника.

— Отстань от меня. — Ее голос дрожит, несмотря на вызов.

— Пока нет. — Я обхватываю ее голову руками, заключая в клетку. — Ты избегала меня.

— Ты сумасшедший.

— Говорит женщина, которая кончила, наблюдая, как я дрочу. — Я наклоняюсь, касаясь губами ее уха. — Ты снова трогала себя после того, как закрылась от меня?

Она толкает меня в грудь. Бесполезно. Я сильнее, чем кажусь.

— Я могу закричать.

— Ты не сделаешь этого. — Моя рука скользит вниз по ее боку, чувствуя, как она дрожит. — Потому что ты хочешь, чтобы я поймал тебя.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Я смеюсь ей в горло. — Я знаю все, детка. Твои системы, твои секреты, твои фантазии. — Мои пальцы находят ее бедро и сжимают. — И теперь я знаю, как ты чувствуешь себя прижатой к стене.

— Алексей.

Мое имя на ее губах звучит сильно.

Я подаюсь вперед, позволяя ей почувствовать именно то, что она делает со мной. Мой член напрягается под джинсами, толстый и твердый, упираясь ей в живот. — Этого не скроешь. Не притворяйся, что это всего лишь игра.

Она стонет. Тихо. Почти неслышно.

Но я это улавливаю.

— Чувствуешь это? — Я прижимаюсь к ней, наблюдая, как расширяются ее зрачки. — Вот что ты со мной сделала. То, что ты продолжаешь делать каждый раз, когда взламываешь мои системы, — оставляешь свою гребаную подпись, как будто метишь территорию.

У нее перехватывает дыхание. Руки прижимаются к моей груди, но она больше не толкает.

— Я никогда не перестану охотиться на тебя. — Я провожу рукой по ее горлу, большим пальцем прижимаюсь к пульсу. Он учащенно бьется под моими прикосновениями. — Нет, пока я не получу то, что хочу.

— Что ты... — Она сглатывает. — Чего ты хочешь?

— Твою идеальную пизду. — Я слегка усиливаю хватку, чувствую, как она задыхается. — Обернутую вокруг моего члена. Всю ночь. Весь гребанный день. — Мои бедра снова качаются вперед, чтобы убедиться, что она понимает. — Каждый раз, когда я словлю тебя на попытке взломать меня, я буду прямо здесь. Прямо, блядь, здесь.

Ее глаза закрываются.

— Посмотри на меня.

Они распахиваются. Лыдисто-голубые, расширенные от страха и чего-то совсем другого.

— Ты можешь бежать. Сменить пароли, сжечь свои системы, исчезнуть в любой цифровой дыре, в которую заползешь. — Я наклоняюсь, пока наши губы почти не соприкасаются. — Но я найду тебя. Каждый. Чертов. Раз. — Каждое слово подчеркивается очередным движением моих бедер. — И когда я это сделаю, я собираюсь взять то, что принадлежит мне.

— Я не... — Ее голос срывается. — Не твоя.

— Нет, моя. — Моя рука скользит от ее горла к подбородку, вынуждая ее выдержать мой взгляд. — Ты стала моей в ту секунду, когда позволила мне наблюдать, как ты кончаешь. В ту секунду, когда ты заглянула в камеру и показала мне все.

Я отстраняюсь ровно настолько, чтобы как следует разглядеть ее лицо. Страх все еще там, но под ним — любопытство. Потребность.

— Сходи со мной на свидание.

Она моргает. — Что?

— Завтра вечером. Я заеду за тобой в восемь. Мы поужинаем, как нормальные гребаные люди, вместо того чтобы преследовать друг друга по оптоволоконным кабелям.

Ее смех звучит резко, недоверчиво. — Ты сумасшедший.

— Плевать. — Я отпускаю ее челюсть, но продолжаю прижиматься к ней всем телом, прижимая ее к кирпичу. — В восемь часов. Надень что-нибудь попрличнее.

— Я никуда с тобой не пойду.

— Нет, пойдешь. — Моя рука скользит вниз к ее бедру, большим пальцем рисуя маленькие круги на ее джинсах. — Потому что ты так же одержима мной, как и я тобой. Потому что ты думала о нашем сексе по видео так же часто, как и я.

У нее перехватывает дыхание.

— И потому что, если ты не появишься, я буду в твоей квартире в 8:01. — Я наклоняюсь, касаясь губами ее уха. — Вместо ужина вдавливая тебя в матрас, забывая о формальностях и сразу приступая к гребаному десерту.

— Это...

— То, что ты делала со мной месяцами. — Я отстраняюсь, встречаюсь с ней взглядом. — Соглашайся, детка.

Она смотрит на меня. Тяжело дыша. Борясь с собой.

— Одно свидание, — говорю я. — Ужин. Беседа. Можешь даже захватить перцовый баллончик, если тебе от этого станет лучше.

— А если я скажу «нет»?

Я ухмыляюсь. — Тогда я продолжу появляться. Продолжу находить тебя. Продолжу прижимать тебя к стенам, пока ты не признаешься в том, что мы оба уже знаем.

Ее челюсть сжимается. — Ты сталкер.

— Ты взломала мои финансовые серверы и наблюдала за мной через веб-камеру. — Я наклоняю голову. — Кто здесь на самом деле сталкер?

Между нами повисает тишина. Ее пульс бьется о мою

грудь — или, может быть, это мой пульс. Трудно сказать, где заканчиваюсь я и начинается она прямо сейчас.

— Прекрасно. — Слово выходит сдавленным. — Одно свидание.

Меня переполняет триумф. — Умная девочка.

— Но если ты попытаешься что-нибудь предпринять...

— Я заеду за тобой в восемь. — Я отступаю, давая ей пространство. Прохладный воздух проносится между нами. — 1247, Коммонуэлс-авеню, блок 4 Б. Я даже принесу цветы.

Она выпрямляется, подтягивая сумку с ноутбуком выше на плечо. — Я тебя ненавижу.

— Нет, не ненавидишь. — Я поднимаю с тротуара ее перцовый баллончик и возвращаю ей. — Тебе просто неприятно, что ты этого не делаешь.

Глава 10

Айрис

Шифрование прерывается в 14:47.

Я откидываюсь назад, расправляя плечи. Стандартная работа корпоративного шпиона: выяснить, ворует ли генеральный директор, получить доказательства, получить деньги. Легкие деньги. Та работа, которая оплачивает мою аренду, пока я планирую свой следующий ход против братьев Ивановых.

Против Алексея.

Мои пальцы колеблются над клавиатурой. Меньше шести часов до того, как он появится у моей двери. Меньше шести часов на то, чтобы понять, какого черта я делаю, соглашаясь поужинать с мужчиной, который загнал меня в угол в перелуке и угрожал...

Сосредоточься.

Я открываю следующий справочник, пальцы порхают по клавишам. Финансовые отчеты. Протоколы заседаний Правления. Ничего интересного.

Затем я перехожу к вспомогательным файлам.

Структура папок меняется. Более жесткое шифрование. Протоколы военного уровня, которые не должны использоваться на серверах фармацевтической компании.

Повсюду красные флажки.

Я должна остановиться. Выйти. Притвориться, что я никогда этого не видела.

Но мои руки продолжают двигаться, мышечная память преобладает над здравым смыслом. Просто беглый взгляд. Как раз достаточно, чтобы убедиться, что это такое, прежде чем я свалю.

Загружается первый документ.

Министерство обороны. Проект "Паслен". Секретно.

Лед наполняет мои вены.

Нет. Нет.

Я захлопываю ноутбук, сердце колотится о ребра. Черт. Черт.

Правительственные системы. Я только что взломала правительственные системы.

Такое же нарушение, из-за которого погибли мои родители.

У меня дрожат руки, когда я снова открываю ноутбук, заставляю себя подумать, несмотря на панику. Вернуться назад. Очистить логи. Стереть все следы того, что я когда-либо была здесь.

Курсор издевательски подмигивает мне.

Потому что я была неаккуратна. Потому что я отвлеклась,

думая о зеленых глазах, острых улыбках и весе тела, прижимающего меня к кирпичной стене. Потому что вместо обычных проверок я была одержима мыслями о том, что надеть сегодня вечером, стоит ли отменять свидание и хочу ли я пойти.

Хочу ли я, чтобы он выполнил свою угрозу по поводу моего матраса.

Я вытираю лицо руками. Возьми себя в руки, Митчелл.

Мои пальцы порхают по клавиатуре, выполняя протоколы очистки, которые я могу выполнять во сне. Вот только мои мысли продолжают уплывать — к большому пальцу Алексея на моем пульсе, к егодвигающимся вперед бедрам, к этому низкому голосу, обещающему, что он никогда не перестанет охотиться на меня.

Появляется уведомление. Начата трассировка системы.

Моя кровь превращается в лед.

Они отслеживают нарушение. Прямо сейчас. Идут по моим цифровым следам через сеть.

Трасса разделяется на три ветви, каждая из которых исследует разные точки выхода.

Дилетанты.

Мой пульс выравнивается. Паника кристаллизуется в четкую сосредоточенность, мышечная память, накопленная за годы тренировок в АНБ, берет верх. Я наблюдаю, как трассировка ползет по сети, определяя алгоритмы, которые они используют. Стандартные протоколы Министерства оборо-

ны. Те же, которые я помогала разрабатывать, когда мне было девятнадцать.

Бедные ублюдки.

Я открываю второй терминал, пальцы движутся быстрее мысли. След следует за оставленными мной хлебными крошками — преднамеренными уязвимостями в моей очистке, которые кажутся ошибками. Ошибки новичков. Такая небрежность, которая кричит о неопытности хакера, выше их понимания.

Они последуют им. Они всегда следуют.

Тем временем я создаю призрачное изображение моего реального вторжения, фрагментировав его на семнадцать серверах, разбросанных по Восточной Европе. Каждый фрагмент выглядит как несвязанный трафик. Случайные пакеты данных, которые сами по себе ничего не значат.

Трассировка фиксируется на моей первой приманке. Одноразовый сервер в Марокко, который я поддерживаю именно для этой цели.

— Давай, — бормочу я, наблюдая, как они направляют ресурсы не на ту цель. — Заглатывай наживку.

Они это делают.

Вторая ветвь следов ведет к тайнику в Сингапуре. Третья продолжает поиск, выискивая мою настоящую подпись.

Это умно. Этот знает, на что обращать внимание.

Я передаю ему поврежденные пакеты данных, фрагменты кода, которые предполагают, что я перехожу через сеть

Тог. Дезориентация накладывается поверх дезориентации, и каждый ложный след требует ровно столько усилий, чтобы они поверили, что у них что-то получается.

Третий след фиксируется. Следует за моим призраком в темную паутину.

Я медленно выдыхаю, ожидая. Наблюдаю. Убеждаюсь, что не появляется четвертый след, никакой скрытый протокол, который я пропустила.

Ничего.

Мои руки не дрожат, когда я выполняю последнюю очистку, стирая свой призрачный образ кусочек за кусочком. Команда Министерства обороны проведет недели, гоняясь за фантомами по мертвым серверам, не найдя ничего, кроме собственного замешательства.

К тому времени, когда они поймут, что их разыграли, первоначальное нарушение будет погребено под таким шумом, что они никогда не восстановят его.

Я закрываю ноутбук. Встаю. Подхожу к окну на ногах, которые едва держат меня.

На меня смотрит мое отражение — бледная кожа, темные круги под глазами. Я выгляжу так, как выглядела моя мать в последние несколько месяцев перед аварией. Перед сокрытием.

До всего.

Мой телефон жужжит. Сообщение с неизвестного номера.
С нетерпением жду сегодняшнего вечера, Айрис. Надень

что-нибудь, что не замедлит тебя, когда ты попытаешься бежать.

Я смотрю на сообщение, стиснув зубы.

Мои большие пальцы шевелятся, прежде чем мой мозг соображает.

Зачем мне убежать? Убежать будешь ты.

Отправить.

Сразу появляются три точки. Исчезают. Появляются снова.

Уверенная в себе. Мне нравится.

Жар поднимается по моей шее. Мне следует швырнуть телефон через всю комнату. Заблокировать номер. Отменить всю эту дурацкую идею, пока она не зашла дальше.

Вместо этого я печатаю:

Уверенность требует веры в неопределенный результат.

Я просто констатирую факты.

Факты?

ДА. К концу сегодняшнего вечера ты поймешь, что тебя превосходят. Тогда ты сбежишь.

На этот раз ответ приходит быстрее.

Превосходят в чем именно?

Я прикусываю губу, тщательно обдумывая свои следующие слова. Каждое сообщение — это переговоры. Каждое слово — потенциальное оружие.

Во всем, что имеет значение.

Все?

Это единственное слово имеет вес, который я чувствую через экран. Жар. Обещание. Угроза.

Мой пульс невольно учащается.

Все.

Я подтверждаю.

Точки появляются и исчезают дважды. Что бы он ни печатал, он продолжает удалять.

Наконец:

Скажи мне, что на тебе сейчас надето.

— Отвали, — бормочу я в экран.

Но моя свободная рука все равно скользит к подолу майки, пальцы скользят по ткани. Старая рубашка Массачусетского технологического института, заляпанная краской. Рваные джинсы, которые были у меня со времен Стэнфорда. Моя броня для взлома систем во вторник днем, к которым я не имею права прикасаться.

Я печатаю:

Ничего такого, что ты увидишь до ужина.

Это не то, о чем я спрашивал.

У меня перехватывает дыхание. Он не флиртует. Не дразнится. Он требует.

И мое тело реагирует так, словно он все еще в том перелуке, прижатый ко мне, забирающий воздух из моих легких.

Я должна закрыть сообщения. Напомнить ему, что он не имеет права командовать мной, не имеет права ожидать ответов только потому, что он хорошо загоняет меня в угол и

знает, как использовать свое тело как оружие.

Вместо этого я обнаруживаю, что печатаю:

Майка. Джинсы. Интересно, почему ты занимаешься сексом, когда должен работать.

Кто сказал, что я не работаю?

Работаешь?

Всегда.

От этого слова у меня по спине пробегает лед. Потому что я верю ему. Поскольку Алексей Иванов не отделяет работу от одержимости, он не знает, где проходит грань между охотой и желанием.

Я тоже.

Глава 11

АЛЕКСЕЙ

Я подъезжаю к ее дому ровно в 8:00 вечера.

Я поправляю пиджак Tom Ford, черное на черном, потому что к черту утонченность — и нажимаю кнопку вызова блока 4 В.

В интеркоме потрескивают помехи. Затем ее голос, холодный и размеренный.

— Ты пунктуален.

— Удивлена?

— Разочарована. Я ставила на то, что ты появишься пораньше, чтобы доказать свою точку зрения.

Я ухмыляюсь в камеру, установленную над дверью. — Кто сказал, что я не был здесь целый час?

Тишина.

Дверь с жужжанием открывается.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, игнорируя лифт. Энергия бурлит в моих венах, тот же маниакальный гул, который я испытываю, когда близок к взлому невозможной системы. Мои пальцы бараба-

нят по бедру, пока я поднимаюсь.

Третий этаж. Блок 4 Б расположен в конце узкого коридора, в котором пахнет, как будто кто-то готовит карри.

Я стучу один раз.

Дверь открывается.

Все останавливается.

Айрис стоит в дверях, одетая в черное облегающее платье, которое скользит по ее телу, как вода, элегантное и смертоносное. Ее платиновые волосы свободно падают на плечи, а не зачесаны назад, смягчая черты лица, которые обычно достаточно резкие, чтобы можно было резать плоть. Темная помада. Минимум украшений — только серебряная цепочка на шее, которая переливается на свету.

Она чертовски сногшибательна.

Я забываю, как говорить. Забываю, как дышать. Мой мозг — тот самый мозг, который обрабатывает терабайты данных, даже не вспотев, — полностью прекращает работу.

— Ты так и будешь стоять, тараща глаза, или мы пойдем?

Ее голос возвращает меня к действительности. Я моргаю, заставляя свое выражение лица принять вид, напоминающий контроль.

— Не тарашусь. — Мой голос звучит грубее, чем предполагалось. — Корректирую свои ожидания.

— Ожидания? Одна бровь приподнимается. — Ты ожидал, что я открою дверь в спортивных штанах?

— Я ожидал, что ты будешь выглядеть красиво. — Я под-

хожу ближе, намеренно вторгаясь в пространство между нами. — Я не ожидал...

— Что?

Ошеломляющей. Обезоруживающей. Опасной, и это не имеет ничего общего с кодом.

—... Это, — неуверенно заканчиваю я.

Ее губы изгибаются в победной улыбке. — Не находишь слов, Иванов? Я должна отметить эту дату в своем календаре.

— Не будь самоуверенной. — Я прихожу в себя достаточно, чтобы прислониться к дверному косяку, позволяя своему пристальному взгляду намеренно пройти вниз по ее телу и обратно. — Я просто решаю, вести тебя на ужин или сразу перейти к десерту.

На ее щеках появляется румянец.

— Ужин, — твердо говорит она. — Таков был уговор.

— Хорошо. — Я выпрямляюсь, предлагая руку, как джентльмен, а не хищник. — Пойдем?

Спускаться на лифте — пытка.

Она держится на противоположной стороне небольшого пространства, скрестив руки на груди, как будто защищает что-то драгоценное. Я прислоняюсь к зеркальной стене и наблюдаю за ее отражением, вместо того чтобы смотреть прямо.

Ее челюсть сжимается, когда она ловит мой взгляд.

— Это ничего не меняет, — говорит она.

— Что не меняет?

— Все. — Она машет рукой между нами. — Одно свидание не означает, что я объявляю перемирие.

— Даже не мечтал об этом. — Я отталкиваюсь от стены, когда двери открываются. — Что интересного в перемирии?

Моя рука ложится ей на поясницу, когда мы пересекаем вестибюль. Она напрягается, но не отстраняется.

Моя Tesla припаркована у обочины, я открываю пассажирскую дверцу, и она проскальзывает внутрь, платье задралось ровно настолько, чтобы обнажить изгиб ее бедра.

Я пользуюсь моментом, чтобы оценить открывшийся вид, прежде чем подойти к водительскому сиденью.

— Куда мы едем? — спрашивает она, когда я завожу двигатель.

— Увидишь.

— Как оригинально.

Я вхожу в пробку, держа одну руку на руле. Другой нащупываю ее колено.

Она подпрыгивает. — Что ты...

— Расслабься. — Мой большой палец медленно рисует круги на ее коже. — Просто устраиваюсь поудобнее.

— Твоя рука на моей ноге.

— Очень наблюдательно. — Я провожу ладонью дальше, чуть выше ее колена. — Это образование в Стэнфорде действительно приносит свои плоды.

Она хлопает меня по запястью. — Держи руки при себе.

— Заставь меня.

Ее пальцы обвиваются вокруг моих, пытаюсь оттолкнуть меня. Но в ее хватке не хватает уверенности, и когда я слегка сдвигаю руку — большим пальцем касаясь внутренней стороны ее бедра, — у нее перехватывает дыхание.

— Алексей.

То, как она произносит мое имя, пронзает меня насквозь.

Я оглядываюсь. Ее зрачки расширены, губы приоткрыты. Она все еще сжимает мое запястье, но теперь это похоже не столько на сопротивление, сколько на то, что она закрепляет себя.

— Скажи мне остановиться. — Я сгибаю пальцы, проверяя. — Скажи слово, и я остановлюсь.

Она открывает рот. Закрывает его. Ее взгляд мечется между моим лицом и дорогой впереди.

— Так я и думал. — Я возвращаю свое внимание к вождению, но держу руку точно там, где она есть. — Сначала поужинаем, детка. Потом посмотрим, насколько сильно ты хочешь, чтобы я остановился.

Во время поездки напряжение нарастает, никто из нас не произносит ни слова. Моя рука остается на ее бедре, ощущая собственническую тяжесть, которую она не сбрасывает. Ее дыхание меняется — неглубокое, контролируемое, как будто она рассчитывает каждый вдох.

Я подъезжаю к Сореллине, и служащий уже направляется к нам.

— Итальянское? — Она окидывает взглядом элегантный фасад ресторана. — Предсказуемо.

— Что предпочитаешь? Фаст-фуд?

— Я предпочитаю, чтобы сталкеры не принуждали меня к свиданиям.

Я обхожу машину и открываю ее дверцу. — И все же ты здесь.

Она берет мою протянутую руку, вставая одним плавным движением, и оказывается в нескольких дюймах от моей груди. — Один ужин. Потом ты оставишь меня в покое.

— Конечно. — Я не отпускаю ее руку. — Именно это и произойдет.

Хозяйка встречает нас с привычной теплотой, подводя к угловому столику с приглушенным освещением и достаточным уединением, чтобы чувствовать себя в опасности. Айрис садится на свое место, скрещивая ноги, чтобы платье задралось повыше.

Я сажусь напротив нее, изучая меню, толком не видя его.

— Перестань пялиться, — говорит она, не отрываясь от своего меню.

— Ничего не могу с собой поделать. Ты нарочно надела это платье.

— Может быть, я одеваюсь так каждый вечер.

— Лгунья. — Я кладу меню. — Ты оделась для меня. Хотела посмотреть, сможешь ли ты вывести меня из равновесия.

Она поднимает глаза, встречаясь с моими. — Это работало?

— Абсолютно.

Это удивляет ее — честность. Ее маска сползает ровно настолько, чтобы показать любопытство под ней.

Появляется официант. Я заказываю вино, не спрашивая ее предпочтений, и она сердится.

— Самонадеянно.

— Ты бы заказала то же самое.

— Ты этого не знаешь наверняка.

— Пино Нуар. Винтаж 09, если он у них есть. Ты упомянула его в электронном письме клиенту три месяца назад.

Краска отливает от ее лица. — Ты читаешь мои...

— Все. — Я небрежно откидываюсь на спинку стула. — Твоя переписка увлекательна. Очень профессиональная. За исключением тех случаев, когда ты раздражена. Тогда ты творчески подходишь к своему синтаксису.

— Это нарушение...

— Это говорит женщина, которая на прошлой неделе выложила в Сеть всю архитектуру нашего сервера?

Ее челюсть сжимается. — Это другое.

— Почему?

— Ты это заслужила.

— А ты не заслуживаешь, чтобы я знал, какое ты пьешь вино? — Я наклоняю голову. — Несправедливо, детка.

— Что это значит?

— Что?

— Детка. — Она произносит это тщательно, русские слоги звучат у нее немного неправильно. — Ты продолжаешь называть меня так.

Я беру стакан с водой, чтобы выиграть время. — Это ласковое обращение.

— Я так и поняла. Какого рода?

— Похожа на малышка.

Выражение ее лица меняется — удивление перетекает во что-то более теплое, прежде чем она берет себя в руки. — Ты называешь меня малышкой?

— Проблема?

— Это... — Она замолкает, теребя пальцами салфетку. — Самонадеянно.

— Все в этом самонадеянно. — Я ставлю стакан. — Но ты не сказала мне остановиться.

— Я говорю тебе сейчас.

— Нет, это не так. — Я наклоняюсь вперед, ставя локти на стол. — Ты спрашиваешь, что оно значит, потому что тебе понравилось его слышать. Хотела знать, имел ли я в виду это в романтическом плане или снисходительно.

— И что же оно значит?

— И то, и другое. — Я наблюдаю, как она обдумывает это. — Ты великолепна и приводишь в бешенство в равной степени. Малышка кажется подходящим.

Официант возвращается с вином, выполняя ритуал дегу-

станции. Я одобрительно киваю, не отрывая взгляд от Айрис.

Она ждет, пока он уйдет, прежде чем заговорить. — У меня есть имя.

— Айрис. — Я называю его, позволяя каждой букве слетать с моего языка. — Богиня радуги. Посланица между богами и смертными. Вполне уместно, учитывая, что ты проводишь свою жизнь между цифровым и физическим мирами.

— Ты изучал греческую мифологию?

— Я изучил все о тебе. — Я наливаю вино в ее бокал, затем в свой. — Твоя диссертация по квантовому шифрованию. Твой школьный чемпионат по шахматам. Та кофейня в Провиденсе, в которой ты работала на старших курсах.

Она замирает. — Почему?

— Потому что ты первый человек, бросивший мне вызов за многие годы. — Признание дается легче, чем ожидалось. — Все остальные предсказуемы. Ты — нет.

— Значит, я кто? Головоломка, которую нужно разгадать?

— Нет. — Я поднимаю свой бокал. — Ты — головоломка, которую я не хочу разгадывать. Просто хочу продолжать играть.

Ее пальцы сжимают бокал с вином, но она не пьет. — Это самая честная вещь, которую ты сказал за весь вечер.

— Я всегда честен с тобой.

— Ты преступник, который зарабатывает на жизнь обманом.

— Не с тобой. — Я делаю глоток, давая вину отстояться.

— С тобой — никогда, детка.

Она вздрагивает от ласкового обращения, но на этот раз не поправляет меня.

Глава 12

Айрис

Вино сглаживает острые углы между нами.

Ко второму бокалу я смеюсь над его историей о взломе системы оценок Массачусетского технологического института в семнадцать лет. К третьему я вообще перестаю обращать внимание на то, что смеюсь.

— Ты поставил себе четверку с минусом? — Я наклоняюсь вперед, забыв соблюдать дистанцию. — Почему не одни пятерки?

— Слишком очевидно. — Его глаза блестят в свете свечей. — Отличные оценки привлекают внимание. Идеально, за исключением одного стратегического недостатка? Такова уж человеческая натура.

— Хитро.

— Говорит женщина, которая на прошлой неделе пыталась подставить русскую группировку. — Он снова наполняет мой бокал, не спрашивая. — Как ты сфабриковала их подпись?

Я не должна говорить ему.

— Проанализировала их синтаксические шаблоны за три года активности в Даркнете. Построила лингвистическую модель, которая имитировала их грамматические особенности.

— Блестяще. — Он говорит это так, как будто так оно и есть, как будто я сделала что-то достойное восхищения. — Сколько времени это заняло?

— Около шести часов. — Я взбалтываю вино. — Но, ты раскусил меня.

— Ты хотела, чтобы я понял.

— Может быть.

Его нога перемещается под столом, колено касается моего. Я не отстраняюсь.

Официант приносит наши первые блюда — утку для него, морского окуня для меня. Я едва пробую блюдо. Слишком сосредоточена на том, как двигаются руки Алексея, когда он говорит, на жестикуляции длинными пальцами, иллюстрирующей его точку зрения о протоколах шифрования.

Слишком сосредоточена на том, как сильно я хочу, чтобы эти руки были на мне.

— Ты пялишься, — говорит он.

— Ты постоянно пялишься на меня.

— Справедливое замечание. — Он разрезает утку. — О чем ты думаешь?

Я хочу уехать с тобой. И это пугает меня. Я не чувствовала себя такой живой с тех пор, как умерли мои родители.

— О том, что предполагалось, это будет всего лишь один ужин, а потом ты оставишь меня в покое.

— И?

— И я размышляю, действительно ли это то, чего я хочу. Признание висит между нами, опасное и грубое.

Алексей медленно кладет вилку. — Чего ты хочешь, Айрис?

Тебя. Я хочу тебя способами, которые не имеют логического смысла.

— Я не знаю.

— Лгунья. — Его голос понижается. — Ты всегда знаешь, чего хочешь. Ты просто не хочешь в этом признаваться.

Мой пульс учащается. — Может, мне нравится заставлять тебя гадать.

— Может быть, ты боишься того, что произойдет, если ты перестанешь убегать.

Жар разливается по мне — вино, желание и что-то более темное, чему я не буду давать названия.

— Должна ли я бояться?

— Абсолютно.

— Почему?

— Потому что я думаю, что тебе на самом деле нравится страх. — Его взгляд останавливается на мне, хищный и знающий. — Это тебя заводит.

У меня перехватывает дыхание. Мне следует отрицать его слова, отшутиться как от типичного мужского высокомерия.

Но он прав.

— Это всего лишь предположение.

— Это наблюдение. — Он откидывается назад, в высшей степени уверенный в себе. — Каждый раз, когда я загоняю тебя в угол, твои зрачки расширяются. Твое дыхание учащается. И это не просто страх, Айрис.

— Тебе это нравится.

— Тебе тоже. — Он подает знак официанту, не отрывая взгляда. — Я бы хотел проверить эту теорию сегодня вечером, когда мы уйдем отсюда.

Тепло разливается внизу моего живота. — Как проверить?

— Я знаю одно место. Старое промышленное здание в Южном Бостоне. Многоэтажное, в основном пустое.

Я не должна спрашивать. Не должна интересоваться.

— И?

— Прятки. — Его улыбка становится озорной. — У тебя есть десятиминутная фора. Я охочусь.

Мой пульс учащается.

— Это безумие.

— Испугалась?

— Конечно, я боюсь. Ты... — Я понижаю голос. — Это полный пиздец.

— Правда? — Он оплачивает счет, не глядя на него. — Или это просто честно? Не притворяйся, что мы обычные люди на обычном свидании. Никаких игр о том, кто мы есть

на самом деле.

— Мы уже играем в игры.

— Нет. — Он встает и протягивает руку. — Мы заканчиваем игру.

Я смотрю на его протянутую ладонь. Это мой выход. Я могу уйти, вернуться домой, восстановить свои стены.

Или я могу взять его за руку и последовать этому опасному влечению к чему-то, что может уничтожить меня.

— А что будет, если ты меня поймаешь?

— Когда, не «если»? — Его улыбка становится еще шире.

— Оптимистично.

— Тогда, я думаю, ты знаешь. — Он ждет, терпеливый, как паук. — Десять минут, Айрис. Это щедро, учитывая все обстоятельства.

— Какие?

— Что я уже точно знаю, как ты двигаешься.

Моя рука скользит в его прежде, чем я успеваю остановиться.

— Одно условие, — говорю я.

— Говори.

— Если я продержусь целый час и меня не поймают, ты оставишь меня в покое на неделю.

— Договорились. — Его пальцы сжимаются вокруг моих.

— А когда я поймаю тебя через пять минут?

— Тогда я твоя на эту ночь.

Его лицо расплывается в ухмылке — злобной, победонос-

ной.

— Ты пожалеешь, что так легко согласилась.

Я не отвечаю. Не могу. Мое сердце уже бешено колотится.

Поездка до Южного Бостона занимает пятнадцать минут.

Он паркуется перед массивным кирпичным строением с разбитыми окнами и ржавыми пожарными лестницами. Выглядит обреченным на гибель. Вероятно, так оно и есть.

— Идеальное место для убийства, — говорю я.

— Или другие действия. — Он заглушает двигатель. —

Десять минут начинаются, когда тыходишь в эту дверь.

Я изучаю здание. Пять этажей, может быть, шесть. Множество точек входа, бесчисленное количество укрытий.

— Откуда мне знать, что ты не будешь жульничать?

Он достает телефон, устанавливает таймер. — Честь скаута.

— Ты никогда не был бойскаутом.

— Нет. — Его улыбка становится хищной. — И не собирался.

Я вылезая из его машины, разглаживая платье. Шелк внезапно кажется непрактичным для бега.

— Ты должен был предупредить меня, чтобы я одела другую одежду, — говорю я.

— И что же в этом забавного?

Я показываю ему средний палец и иду к входу. Не спеши. Не доставляй ему удовольствия.

Дверь криво висит на сломанных петлях. Я проскальзы-

ваю внутрь, остерегаясь острых краев.

Внутри сквозь разбитые окна струится лунный свет. В серебряных лучах танцуют пылинки. Помещение выходит на то, что раньше было полом склада — бетонные колонны, открытые воздухопроводы, разбросанный мусор.

Я продвигаюсь глубже, стуча каблуками по бетону.

И внезапно я улыбаюсь.

Адреналин наполняет мой организм, острый и электрический. Это дико. Безрассудно. Совершенно чертовски глупо.

Мне это нравится.

Мои пальцы скользят по ржавой металлической балке, пока я обдумываю варианты. Лестница справа ведет наверх. Коридор слева исчезает в тени. Прямо по курсу то, что могло быть старой погрузочной площадкой.

Волнение нарастает с каждым ударом сердца. Теперь между нами нет экранов. Нет брандмауэров или шифрования. Просто чистое физическое пространство и обещание быть пойманной.

Я сбрасываю каблуки, хватаю их за ремешки.

Десять минут, чтобы исчезнуть.

Мое тело гудит от предвкушения, когда я выбираю лестницу, перепрыгивая через две ступеньки за раз. На втором этаже есть комнаты поменьше — возможно, офисы. Еще больше мест, где можно спрятаться.

Ему предстоит обыскать еще несколько углов.

Я прикусываю губу, пульс бешено колотится у меня в гор-

ле.

Найди меня, Алексей.

Я нахожу свое место на третьем этаже — подсобное помещение, спрятанное за тем, что раньше было комнатой отдыха. Металлические стеллажи создают узкую щель у задней стены, как раз достаточную для того, чтобы я могла втиснуться внутрь.

Идеально.

Я прижимаюсь спиной к холодному бетону. Мое дыхание звучит слишком громко в замкнутом пространстве, сердце колотится о ребра.

Где-то внизу хлопает дверь.

— Готова ты или нет. — Голос Алексея эхом разносится по пустому зданию, проносясь сквозь разбитые полы и разрушенные стены. — Я иду за тобой, Айрис.

Жар разливается по мне от его слов. Мои бедра непроизвольно сжимаются.

Это нелепо. Ждать в темноте, пока он преследует меня, как добычу. Каждая логическая частичка моего мозга кричит, что я должна была пойти домой, должна была заблокировать его номер, должна была исчезнуть, как я это хорошо умею делать.

Но мое тело не заботится о логике.

Мой пульс бьется между ног, каждый удар напоминает о том, как сильно я хочу, чтобы меня поймали. Как сильно я хочу, чтобы его руки коснулись меня, когда он найдет.

Когда. Не "если".

Шаги на лестнице — ровные, неторопливые. Он не торопится, наслаждаясь этим так же, как и я.

Я прикусываю губу так сильно, что ощущаю вкус меди. Мое платье задирается вверх по бедрам, когда я меняю позу, шелк шуршит по коже. Темнота кажется густой, давящей. Предвкушение закручивается все туже с каждой секундой.

Где-то рядом открывается еще одна дверь. Скрип петель. — Ты хорошо умеешь прятаться, — кричит он. — Но я лучше умею находить.

У меня перехватывает дыхание. Теперь его голос звучит ближе. Наверное, на том же этаже.

Я крепко зажмуриваю глаза, пытаюсь совладать со своим прерывистым дыханием. Пытаюсь не обращать внимания на скользкий жар, собирающийся между моих бедер, на то, как твердеют мои соски под тонкой тканью платья.

Это просто адреналин. Просто реакция страха.

Лгунья.

Снова шаги. Ближе. Методичный звук человека, который точно знает, что он делает, который делал это раньше в разных контекстах — рылся в системах, отслеживал цифровые следы.

Теперь он выслеживает меня.

Возбуждение нарастает с каждым приближающимся шагом, пока я не начинаю дрожать в темноте, отчаявшись, напуганная и возбужденная больше, чем когда-либо в своей

жизни.

Дверь комнаты отдыха со стоном открывается.

Все мое тело замирает, каждый мускул напрягается. Сквозь щель в полке я наблюдаю, как его силуэт пересекает дверной проем. Высокий, худощавый, он методично осматривает пространство.

— Ты слишком громко дышишь, — говорит он. — Я слышу тебя отсюда.

Меня охватывает паника. Я пытаюсь задержать дыхание, но легкие горят, требуя воздуха. Вдох получается резким и рваным, невероятно громким в тишине.

Черт.

Его голова поворачивается к шкафу. Ко мне.

— Вот ты где.

Я сильнее прижимаюсь к стене, но деваться некуда. Стеллаж скрипит по бетону, когда он отодвигает его в сторону, а затем его рука обхватывает мое запястье, дергая меня вперед.

Я, спотыкаясь, выхожу из темноты и натываюсь прямо ему на грудь.

— Поймал тебя. — Его руки обхватывают меня, прижимая к себе.

— Отпусти меня. — Я толкаю его в грудь, но он не двигается с места.

Он разворачивает меня, прижимая спиной к себе, одной рукой обнимая за талию. Его дыхание обжигает мне ухо.

— Нет. — Его голос становится ниже, мрачнее. — Сделка есть сделка.

Его свободная рука поднимается, экран телефона освещает наши лица. Таймер показывает 10:47.

— Десять минут, — говорит он, касаясь губами моего виска. — Совсем не тот час, который тебе был нужен.

Мой пульс колотится о его предплечье. Я чувствую каждый дюйм его тела, прижатого ко мне, — твердые мускулы, контролируемую силу, неопровержимое свидетельство его возбуждения напротив моей поясницы.

— Это нечестно, — выдыхаю я. — Ты сказал, что дашь мне десять минут, прежде чем начнешь...

— Я так и сделал. — Его рука скользит вверх от моей талии, пальцы скользят по ребрам чуть ниже груди. — А потом я нашел тебя еще через десять минут. Признай это, Айрис. У тебя не было ни единого шанса.

Его рука скользит ниже, скользя по моему животу, пальцы широко раздвигают шелк. У меня перехватывает дыхание, когда он останавливается у подола моего платья.

— Скажи мне остановиться. — Его губы касаются моего уха. — Скажи только слово, и я остановлюсь.

Я открываю рот. Ничего не выходит.

— Я так и думал. — Его рука проникает под мое платье, поднимая ткань вверх по бедрам. Прохладный воздух касается моей кожи.

Я должна бороться. Должна вырваться и убежать.

Вместо этого я выгибаюсь навстречу его прикосновениям.

Его пальцы скользят по краю моих трусиков — нежно, исследующее. Проверяя. Затем он прижимается к промокшей ткани и издает низкий горловой стон.

— Черт возьми, Айрис. — Его голос становится грубым.

— Ты промокла.

Жар заливает мое лицо. Стыд и возбуждение борются внутри меня, ни одно из них не побеждает.

— Не надо...

— Что «не надо»? — Он прижимает ко мне ладонь, проводя влажным шелком по моему клитору. — Не указывать, насколько ты чертовски мокрая? Насколько ты завелась, прячась от меня?

Всхлип вырывается прежде, чем я успеваю его остановить.

— Вот и все. — Его другая рука сжимается вокруг моей талии, удерживая меня неподвижно, когда он сильнее сжимает свою ладонь. — Это так чертовски сексуально, когда ты пугаешься. От страха ты становишься такой мокрой.

— Это не... — я задыхаюсь, когда его пальцы скользят под ткань, кожа к коже. — Пиздец.

— Да. — Он обводит мой клитор с отработанной точностью. — Так и есть.

У меня подгибаются колени. Он легко ловит меня, поддерживая мой вес, когда наслаждение пронзает меня, острое и ошеломляющее.

— Тебе нравится, когда на тебя охотятся, — шепчет он мне в затылок. — Нравится знать, что я могу поймать тебя в любое время, когда захочу. Что я быстрее, сильнее, лучше играю в эту игру, чем ты.

— Нет. — Но мои бедра двигаются вперед, преследуя его прикосновения.

— Лгунья. — Он просовывает в меня два пальца, и я вскрикиваю. — Твоя киска говорит мне правду, даже когда твой рот лжет.

Он двигает пальцами медленно, намеренно, большим пальцем выводя круги на моем клиторе. Двойное ощущение нарастает слишком быстро, удовольствие скручивается все туже с каждым ударом.

— Я почувствовал это, когда впервые загнал тебя в угол, — говорит он. — Почувствовал, как сильно ты этого хотела. Как сильно ты нуждалась в ком-то, кто мог бы поймать тебя.

Он убирает пальцы, оставляя меня опустошенной и измученной.

— Что...

Алексей разворачивает меня к себе, сжимая мои бедра так, что на них остаются синяки. В лунном свете его глаза кажутся дикими, зрачки расширены от вожделения.

Затем он подносит пальцы ко рту и облизывает их дочиста.

У меня перехватывает дыхание. Комок застревает в горле, когда я смотрю, как он пробует меня на вкус, как его

язык скользит по каждому пальчику с нарочитой медлительностью.

— Господи. — Его глаза закрываются. — Ты даже вкуснее, чем я себе представлял.

Меня заливает жаром — смущение и необузданное возбуждение переплетаются воедино, пока я не могу их разделить. Не могу забыть об образе его губ, обхватывающих пальцы, о том, как он смакует меня, как будто я то, чего он жаждал.

— Это... — Мой голос срывается. — Ты не можешь просто...

— Я могу делать все, что захочу. — Его глаза распахиваются, пригвозждая меня к месту. — Ты согласилась быть моей на эту ночь. Помнишь?

Мое сердце колотится о ребра. Рациональная часть моего мозга кричит, что это неправильно, что я должна оттолкнуть его и убежать.

Но остальная часть меня?

Остальная часть меня хочет упасть на колени прямо здесь.

— На одну ночь, — выдавливаю я. — Это не значит...

— Что не значит? — Он придвигается ближе, прижимая меня к стене. Бетон врезается мне в позвоночник. — Что я не могу прикоснуться к тебе? Попробовать тебя на вкус? Заставить тебя кончить так сильно, что ты забудешь собственное имя?

Мои колени угрожают подогнуться. — Это безумие.

— Да. — Его рука скользит в мои волосы, сжимая пряди.

— Так и есть.

Он откидывает мою голову назад, обнажая горло. Я задыхаюсь, пульс подскакивает под кожей там, где его глаза отслеживают движение.

— Скажи мне, что ты этого не хочешь. — Его губы загибаются на расстоянии вдоха от моего учащенного пульса. — Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я остановился, и я это сделаю.

Я открываю рот.

Ничего не выходит.

Потому что я не могу лгать ему. Не могу притворяться, что каждый нерв в моем теле не требует большего.

— Я так и думал. — Его зубы касаются моего горла, не совсем прикусывая. — Ты хочешь этого так же сильно, как и я.

Он сажает меня на старый стол, придвинутый к стене. Облака пыли поднимаются вокруг нас, когда моя задница касается поверхности, но я едва замечаю, потому что его руки уже задирают мое платье вверх по бедрам, стягивая шелк вокруг талии.

— Подожди... — Мой протест затихает, когда он опускается на колени между моих ног.

— Больше ждать нельзя. — Его пальцы вцепляются в мои трусики, стаскивая их вниз. — Я думал об этом всю ночь.

Прохладный воздух касается моей обнаженной плоти, и

каждый инстинкт самосохранения кричит мне сжать ноги.

Но затем его руки раздвигают мои бедра шире, и рациональные мысли улечиваются.

— Посмотри на себя. — Его дыхание обдает мое скользкое тепло. — Так, чертовски идеально.

Он не дает мне времени ответить. Его рот накрывает мой клитор, язык скользит по чувствительному пучку нервов с разрушительной точностью.

Я вскрикиваю, отрывая бедра от стола. Его руки сжимаются на моих бедрах, раскрывая меня, удерживая неподвижной, пока он пожирает меня, как будто умирает от жажды.

— Алексей, твою мать... — Мои пальцы шарят в поисках опоры по пыльной поверхности, не находя ничего, что могло бы зацепить меня от натиска ощущений.

Он напевает напротив меня, вибрация пронзает прямо мое сердце. Затем его язык скользит ниже, проникая внутрь меня, и перед моим взором появляются белые пятна.

Моя рука взлетает к его волосам, сжимая темные пряди. Я должна оттолкнуть его. Должна сохранить некоторый контроль над ситуацией.

Вместо этого я притягиваю его ближе.

Он стонет, звук приглушен моей киской, когда он трахает меня своим языком. Каждый толчок посылает электрический ток по моему позвоночнику. Его нос трется о мой клитор с каждым движением, создавая трение, которое нарастает и нарастает, пока я не начинаю дрожать.

— Не останавливайся. — Слова вырываются из моего горла, отчаянные и надломленные. — Пожалуйста, не...

Он меняет тактику, обводя языком мой клитор, в то время как два пальца скользят внутрь меня. Двойное ощущение толкает меня прямо к краю, удовольствие невозможно туго сжимается в моем животе.

— Кончи мне на лицо. — Его голос вибрирует на моей плоти. — Дай мне попробовать тебя.

Его пальцы сгибаются, касаясь того места внутри меня, от которого у меня перед глазами взрываются звезды. Его рот сильно посасывает мой клитор.

Я разбиваюсь вдребезги.

Мой оргазм накатывает на меня волнами, спина выгибается дугой над столом, когда я кончаю на его языке. Он не останавливается, не унимается, растягивая каждый спазм и дрожь, пока я не лишаюсь костей и не начинаю задыхаться.

Глава 13

АЛЕКСЕЙ

Я впитываю каждую каплю ее оргазма, постанывая от вкуса. Сладкая, вызывающая привыкание и чертовски моя.

Мой член напрягается у меня в штанах, требуя освобождения. Я был возбужден с того момента, как загнал ее в угол в той кладовке, и, наблюдая, как она кончает на моем языке, я готов взорваться.

Я встаю, расстегивая ремень одной рукой. Звон металла эхом отдается в заброшенном помещении.

Глаза Айрис отслеживают это движение, все еще затуманенные после оргазма. Затем я спускаю штаны, освобождая свой член, и эти голубые глаза расширяются.

— Ты... — Она с трудом сглатывает. — Он не...

— Я собираюсь разорвать тебя на части. — Я сжимаю член в кулаке, поглаживая раз, другой. На кончике выступают капли предэякулята. — Собираюсь трахнуть тебя так глубоко, что ты будешь чувствовать меня несколько дней.

— Нет. — Она толкает меня в грудь, на ее лице мелькает паника. — Я на это не соглашалась.

Я хватаю ее за горло, недостаточно сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы заставить ее замереть. Ее пульс колотится под моей ладонью.

— Твоя киска взывает об этом. — Я прижимаюсь ближе, головка моего члена касается ее входа. — Чувствуешь, какая ты влажная? Насколько, черт возьми, готова?

— Нам нужна защита...

— Нет, не нужна. — Я слегка сжимаю ее горло. — Ты принимаешь таблетки. Уже три года.

Ее глаза расширяются. — Как ты...

— Твои медицинские записи. — Я выпрямляюсь, чувствуя ее тепло на своей обнаженной коже. — Я знаю о тебе все, детка.

Затем я погружаюсь внутрь.

Она такая чертовски тугая, что я чуть не кончаю прямо там. Ни презерватива, ничего между нами, только ее скользкий жар, сжимающий мой член, как будто она была создана для этого.

— Блядь. — Слово вырывается из моего горла, когда я погружаюсь в нее. — Ты чувствуешься...

Словами «идеально» это не описать. И «потрясающе» тоже.

Это как вернуться домой и сгореть заживо одновременно.

Я начинаю двигаться, медленно и глубоко, чувствуя, как каждый дюйм ее тела обвивается вокруг меня.

— Господи Иисусе. — Мой голос звучит сдавленно. —

Твоя киска душит мой член.

Айрис всхлипывает, ее ногти впиваются в мои плечи. От укола боли я становлюсь только тверже.

Я вытаскиваю до тех пор, пока не останется только кончик, затем вставляю обратно. Ее спина выгибается над столом, прерывистый стон срывается с ее губ.

— Вот и все. — Я задаю ритм глубокими толчками, которые заставляют ее сиськи подпрыгивать при каждом ударе. — Возьми каждый гребаный дюйм.

— Алексей... — Ее ногти царапают мою спину, вероятно, оставляя кровь на рубашке. — О боже...

— Здесь нет бога, детка. — Я наклоняюсь и кусаю ее за шею достаточно сильно, чтобы оставить отметину. — Только я. Только мой член, который разрывает тебя на части.

При этих словах она сжимается вокруг меня, и я почти теряю самообладание.

— Тебе это нравится? — Я увеличиваю темп, сохраняя глубину. — Нравится, когда тебя грубо трахают в этом грязном заброшенном здании?

— Да... — Признание вырывается из ее горла. — Да, черт возьми...

— Произнеси мое имя. — Я поворачиваю бедра, задевая то место внутри нее, от которого у нее мерещатся звезды. — Скажи мне, чей член тебя губит.

— Твой... — Теперь она тяжело дышит, ее тело дрожит. — Алексей... твой член...

Я протягиваю руку между нами, нащупывая большим пальцем ее клитор. В тот момент, когда я прикасаюсь к нему, она вскрикивает.

— Это моя девочка. — Я обвожу набухший бутон, чувствуя, как она сжимается вокруг меня. — Кончай на мой обнаженный член. Дай мне почувствовать, как эта киска доит меня досуха.

— Я не могу... слишком много...

— Ты можешь. — Я вонзаюсь сильнее, быстрее. — Ты кончишь так сильно, что забудешь собственное гребаное имя.

Ее внутренние стенки трепещут вокруг меня, и я знаю, что она близко. Так близко.

— Посмотри на меня. — Я хватаю ее за подбородок, заставляя эти голубые глаза встретиться с моими. — Смотри на меня, пока разваливаешься на части.

Она смотрит на меня, зрачки расширены, губы приоткрыты в беззвучном вздохе.

Затем я врываюсь в нее еще раз, касаясь ее клитора, и она разбивается вдребезги.

Оргазм захлестывает ее, киска сжимается вокруг моего члена волнами, которые угрожают утащить меня за край вместе с ней.

Но я не готов закончить. Даже близко.

Я вырываюсь, игнорируя ее потрясенный вздох от внезапной пустоты.

— Беги.

Айрис моргает, глядя на меня, грудь вздымается, ноги дрожат. — Что?

— Беги от меня. — Я поглаживаю свой член один раз, наблюдая, как ее глаза отслеживают это движение. — Я собираюсь поймать тебя, и когда я это сделаю, я собираюсь трахнуть тебя везде, где найду.

— Ты с ума сошел? — Она приподнимается на столе, бедра все еще скользкие от ее оргазма и моего члена.

Я ухмыляюсь, дикий и неуравновешенный. — Возможно. Особенно для тебя.

Она долго смотрит на меня, переваривая услышанное. Затем понимание наполняет эти голубые глаза — в равной степени ужас и восторг.

— Как долго...

— Преимущество? — Я наклоняю голову, обдумывая. — Тридцать секунд.

— Этого не...

— Двадцать девять.

Она соскальзывает со стола, едва не спотыкаясь на дрожащих ногах.

— Двадцать восемь.

Айрис пятится к двери, ее трусики все еще валяются на полу рядом со столом.

— Двадцать семь.

Затем она убегает.

Звук ее шагов эхом разносится по заброшенному зданию — неистовый, неровный, прекрасный.

Я стою там, член все еще высунут и тверд, как сталь, и веду обратный отсчет в голове. Мой пульс стучит в ушах, адреналин смешивается с возбуждением, пока я едва могу их различить.

Пятнадцать секунд.

Десять.

Пять.

Ее шаги затихают, направляясь по коридору к лестнице.

Ноль.

Я поправляю штаны — не утруждая себя тем, чтобы убрать член, просто убедившись, что могу бежать — и следую за ней.

Азарт охоты разливается по моим венам. Заброшенное здание расстилается передо мной, как игровая площадка, и где-то в нем Айрис бежит со своей обнаженной киской, мокрой от оргазма.

Я бесшумно иду по коридору, прислушиваясь к любому намеку на ее местонахождение. Где-то надо мной скрипит дверь. Второй этаж, может быть, третий.

Умная девочка, поднимается наверх вместо того, чтобы пытаться сбежать из здания целиком.

Но недостаточно умна.

Я направляюсь к лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, мой обнаженный член подпрыгивает при каж-

дом движения.

Я нахожу ее на втором этаже, скорчившейся за перевернутым картотечным шкафом рядом с тем, что раньше было офисами. Ее выдает дыхание — слишком быстрое, слишком громкое.

— Нашел тебя.

Она вскакивает, пытаюсь проскочить мимо меня, но я быстрее. Моя рука сжимается вокруг ее запястья, дергая ее назад.

— Нет... — Она сопротивляется, но за этим нет настоящей силы. Просто притворное сопротивление.

Я разворачиваю ее, замечая зеркальную стену позади нас — вероятно, часть какой-то старой комнаты отдыха или ванной. Идеально.

— Туда. — Я тащу ее к нему, игнорируя ее протесты. — Ты будешь смотреть.

— Смотреть, что...

Я наклоняю ее, прижимая ладони к зеркалу. Прохладная поверхность заставляет ее ахнуть.

— Это. — Я раздвигаю ее ноги шире, затем хватаю ее за бедра, поднося свой член к ее входу. — Смотри, как я заявляю права на то, что принадлежит мне.

В отражении ее глаза встречаются с моими — широко раскрытые, потрясенные, возбужденные.

Затем я вхожу внутрь.

Без предупреждения, без легкого ослабления. Просто

один жестокий толчок, который погружает меня по самую рукоять.

— Блядь. — Слово вырывается из моего горла, когда ее киска сжимается вокруг меня, все еще чувствительная после ее последнего оргазма. — Посмотри на свое лицо, детка.

Ее щеки в зеркале становятся пунцовыми, губы приоткрываются в прерывистом стоне.

— Видишь, как красиво ты выглядишь принимая мой член? — Я медленно выхожу, затем вхожу обратно достаточно сильно, чтобы ее руки скользнули по стеклу. — Ты создана для этого.

— Алексей...

— Смотри на меня. — Я наматываю ее волосы на кулак, поднимая ее голову. — Смотри, как я тебя трахаю. Смотри, как меняется твое лицо, когда я внутри тебя.

В отражении я вижу все. То, как ее зрачки расширяются с каждым толчком. Румянец разливается по ее шее. Как дрожат ее губы, когда она сдерживает стоны.

— Прекрасно. — Я задаю ошеломляющий темп, глубокий и безжалостный. — Посмотри, как идеально твоя киска поглощает мой член.

Она опускает взгляд, наблюдая за нашим соединением в зеркале.

— Вот и все. — Я толкаюсь сильнее, чувствуя, как она сжимается вокруг меня. — Смотри, как я разрушаю тебя.

Зеркало запотеваает от нашего дыхания, но я все еще вижу

ее лицо — все еще вижу точный момент, когда она перестает бороться и полностью сдается.

Ее киска пульсирует вокруг меня, и я знаю, что она близко. Так чертовски близко.

Я отпускаю ее волосы и нащупываю клитор. В тот момент, когда мои пальцы соприкасаются, она вскрикивает.

— Вот и все, детка. — Я совершаю плотные круговые движения, продолжая входить в нее сзади. — Кончай на мой член снова. Покажи мне, как это приятно.

— Я не могу... только не снова...

— Ты можешь. — Я вонзаюсь глубже, прижимаясь к тому месту внутри нее, которое заставляет ее дрожать. — Ты кончишь, когда я буду погружен в тебя, и ты примешь все до последней капли.

Ее глаза в зеркале расширяются от понимания.

— Нет... ты не можешь...

— Я собираюсь наполнить эту киску. — Я вонзаюсь в нее сильнее, чувствуя, как мои яйца напрягаются. — Собираюсь накачать тебя спермой так, что она потечет по твоим бедрам.

— Алексей... — Она дрожит, ее руки скользят по запотевшему стеклу. — Мы не можем...

Но ее киска рассказывает совсем другую историю, сжимаясь вокруг меня, как тиски.

— Твоя пизда хочет этого. — Я щиплю ее за клитор, заставляя ее кричать. — Умоляет о моей сперме и сжимает мой член так чертовски крепко...

Оргазм обрушивается на нее без предупреждения. Я наблюдаю в зеркале, как ее лицо искажается, рот открывается в беззвучном крике, глаза закатываются.

Это зрелище сводит меня с ума.

— Черт... — Я погружаюсь по самую рукоятку, когда мое освобождение разрывает меня на части. — Возьми это... возьми все...

Мой член пульсирует, заливая ее спермой. Волна за волной, опустошая все внутри ее тугого жара.

Она доит меня, ее киска сжимается вокруг меня с каждым толчком. Я никогда в жизни не кончал так сильно — никогда не испытывал ничего близкого к этому грубому, первобытному удовлетворению.

Когда толчки, наконец, проходят, я остаюсь погруженным в нее, наблюдая за нашим отражением. Ее макияж размазан, волосы растрепаны, щеки порозовели. Она выглядит совершенно оттраханной.

Совершенно разрушенной.

Моей.

Я медленно выхожу из нее, наблюдая, как моя сперма вытекает из ее набухшей киски и начинает стекать по внутренней стороне бедра.

— Прекрасно. — Я провожу пальцами по этому месиву, запихивая его обратно в нее. — Ты выглядишь идеально, вся в моей сперме.

Айрис всхлипывает, ноги так сильно дрожат, что мне при-

ходится прижать ее к зеркалу.

— Что ты... — Ее голос срывается. — Что мы только что...

— Я тебя оплодотворил, детка. — Я целую ее в плечо, продолжая держать пальцы внутри нее. — Наполнил твою киску своим семенем.

— Ты сумасшедший. — Ее голос дрожит, хотя я не могу сказать, от страха или возбуждения. — Мне прописали таблетки, но я не принимала их уже несколько недель.

Эти слова поражают меня, как удар под дых. Мой член дергается.

— Хорошо. — Это слово грохочет откуда-то из глубины моей груди, первобытное и собственническое. — Ты будешь чертовски красива, когда округлишься от моего ребёнка.

Что, черт возьми, я несу?

Я не хочу детей. Никогда не хотел. Идея нести ответственность за другую жизнь, привести кого-то невинного в мир Ивановых — это всегда было жесткое "нет".

Но когда я представляю, как Айрис округляется от моего ребёнка, как её живот увеличивается, доказывая, что я с ней сделал, меня накрывает новая волна возбуждения.

— Я собираюсь влить в тебя ещё несколько порций, прежде чем закончится ночь. — Я засовываю пальцы глубже, чувствуя, как вокруг них вытекает моя сперма. — Для верности.

— Алексей... — Она пытается отстраниться, но ее тело предает ее, сжимаясь вокруг моих пальцев. — Это... мы не

можем...

— Мы уже это сделали. — Я разворачиваю ее, прижимая спиной к зеркалу. Ее ноги едва выдерживают ее вес. — И мы собираемся сделать это снова. И еще раз.

Непрощеный образ наводняет мой разум — Айрис на девятом месяце, грудь тяжелая и полная, кожа сияющая, животик круглый от моего ребенка. Моя, в самом глубоком смысле этого слова.

Мой член полностью твердеет при этой мысли.

— Ты на самом деле серьезно. — Она смотрит на меня в зеркало широко раскрытыми от шока глазами. — Ты хочешь...

— Оплодотворить тебя. — Я киваю в ответ. — Хочу видеть, как ты носишь моего ребенка. Хочу, чтобы все знали, кому ты принадлежишь.

— Ты безумен. — Она толкает меня в грудь, но в этом нет настоящей силы. — Полностью и бесповоротно сошел с ума.

— Возможно. — Я прижимаюсь ближе. — Это не меняет того, чего я хочу.

— Ну, я приму таблетку на утро, как только вернусь домой. — Она вызывающе вздергивает подбородок. — Итак, какую бы извращенную фантазию ты ни плел...

— Прекрасно.

Это слово останавливает ее на полуслове.

— Прекрасно? — Она моргает, явно не ожидая согласия.

Я хватаю ее за бедра, прижимая вплотную к себе, чтобы

она почувствовала, как мой твердый член прижимается к ее животу.

— Прими свою таблетку, детка. — Я наклоняюсь, прикусывая мочку ее уха достаточно сильно, чтобы заставить ее ахнуть. — Это не мешает мне заниматься с тобой любовью всю ночь. Наполнять эту тугую киску спермой, которая будет сочиться из тебя несколько дней.

У нее перехватывает дыхание.

— К тому времени, как я закончу с тобой — Я провожу рукой между ее бедер. — Ты будешь переполнена. Мое семя будет так глубоко внутри тебя, что ты будешь чувствовать его с каждым шагом.

— Это... — Ее голос дрожит. — Это безумие.

— Ты продолжаешь это говорить. — Я засовываю в нее два пальца, сгибая их, чтобы коснуться того места, которое заставляет ее дергаться. — Как будто ожидаешь, что это что-то изменит.

Она всхлипывает, ее руки хватают меня за плечи для равновесия.

— Я собираюсь трахать тебя на каждой поверхности в этом здании. — Я добавляю третий палец, чувствуя, как она растягивается вокруг них. — Собираюсь наполнять эту жадную пизду раз за разом, пока ты не начнешь умолять меня остановиться.

— Алексей...

— И когда ты подумаешь, что больше не выдержишь — Я

прижимаю большой палец к ее клитору, заставляя ее вскрикнуть. — — Я собираюсь трахнуть тебя снова. Собираюсь убедиться, что каждый дюйм твоей киски покрыт моей спермой.

Ее ноги дрожат, угрожая совсем отказать.

— Ты будешь хромать неделю. — Я кусаю ее за шею, по-сасывая достаточно сильно, чтобы оставить след. — Будешь чувствовать меня внутри себя каждый раз, когда садишься. Каждый раз, когда ты идешь. Каждый гребаный раз, когда ты дышишь.

— О боже...

— А эта таблетка? — Я сильнее сжимаю пальцы, чувствуя, как начинают трепетать ее внутренние стенки. — Она не изменит того факта, что сегодня ты принадлежала мне. Что я пометил тебя изнутри.

Глава 14

Айрис

Послеполуденная таблетка свинцом ложится у меня в желудке.

Я смотрю на экран своего ноутбука, курсор мигает на шестой строке кода, который я переписывала шесть раз. Цифры сливаются воедино, превращаясь в бессмысленные символы, которые с таким же успехом могли быть иероглифами.

Мое тело болит в местах, о которых я и не подозревала.

Каждый раз, когда я ерзаю на стуле, я чувствую это — призрачное ощущение Алексея внутри меня, призрак его спермы, стекающей по моим бедрам. Сегодня утром я принимала сорокаминутный душ, мылась до тех пор, пока моя кожа не покраснела, но, клянусь, я все еще чувствую его запах на себе.

— Кофе? — В дверях появляется Майя с кружкой в руке.

Я качаю головой. Мысль о том, чтобы положить в желудок что-нибудь еще, вызывает у меня тошноту.

— Айрис...

— Я в порядке. — Ложь горькая на вкус. — Просто устала.

Она не двигается, изучая меня взглядом психотерапевта, который она довела до совершенства в аспирантуре. Тот, который говорит, что она знает, что я лгу сквозь зубы.

— Ты приняла ее?

Мне не нужно спрашивать, что она имеет в виду. Майя — единственный человек, который знает, куда я ходила прошлой ночью, с кем я была. Я рассказала ей о безумной фантазии Алексея о размножении.

— Первым делом этим утром. — Я указываю на пустой пакет в мусорном ведре. — Запила апельсиновым соком в шесть утра.

Облегчение на ее лице ощутимо. — Хорошо. Потому что этот мужчина...

— Ненормальный? — Заканчиваю я за нее. — Опасный? Совершенно ебанутый психопат?

— Все вышеперечисленное.

Но это не то, что заставляет мои руки дрожать, когда я пытаюсь печатать. Это не тот страх, который продолжает прокручивать прошлую ночь в моей голове.

Вот насколько я была возбуждена.

Боже, помоги мне, когда Алексей заговорил о том, что оплодотворит меня, наполнит своим ребенком, о том, как измениться мое тело в доказательство того, что он сделал, — я кончила так сильно, что чуть не потеряла сознание.

Что, черт возьми, со мной не так?

— Тебе нужно прервать контакт, — продолжает Майя, все еще маяча в дверях. — Заблокируй его. Игнорируй его. Чего бы это ни стоило.

— Я не могу. — Признание обжигает. — Он и так залез слишком глубоко. Мои системы, моя жизнь...

— Твоя голова.

Я закрываю ноутбук, не в силах больше притворяться, что работаю.

— Он опасен, Айрис. Ивановы не просто разрушают жизни — они обрывают их.

Майя скрещивает руки на груди, прислоняясь к дверному косяку. — Так почему ты не хочешь избавиться от него?

Вопрос повисает между нами, как дым.

Я могу солгать. Сказать ей, что это стратегически важно, что мне нужно сохранить доступ к системам Ивановых. Разрыв контакта сейчас предупредит его о том, насколько я взволнована.

Все это совершенно логичные причины.

Все это полная чушь.

— Айрис?

Мои ногти впиваются в ладони. Слова застревают в горле, отказываясь формироваться. Потому что произнесение их вслух делает все реальным. Делает все чем-то таким, что я не смогу вернуть назад или рационализировать.

— Я не знаю, — выдавливаю я.

— Лгунья.

Жар ползет вверх по моей шее. — Он... — я замолкаю, подыскивая слова, которые не заставят меня показаться сумасшедшей. — Прошлая ночь была...

— Какой?

Лучший секс в моей жизни. Самое сильное наслаждение, которое я когда-либо испытывала. Единственный раз, когда я полностью потеряла контроль и не возненавидела себя за это.

Я с трудом сглатываю. — Сложной.

— Насколько сложной? Он причинил тебе боль? Заставил тебя?

— Нет. — Признание приходит слишком быстро, слишком оборонительно. — Я имею в виду, это было напряженно, но я... хотела этого.

Тишина затягивается.

— Все? — Майя осторожно понижает голос. — Даже то, что он говорил о размножении?

Мое лицо горит. Я не могу смотреть на нее. Не могу признать, что когда Алексей прижал меня к зеркалу, когда он сказал мне, что хочет посмотреть, как набухает мой живот от его ребенка, когда он грубо трахал меня и кончал в меня, как будто я принадлежала ему...

Мне это понравилось.

Каждый. Гребанный. Момент.

Стыд на вкус как кислота. Что за женщина получает удовольствие от того, что ею управляет преступник? Мужчи-

на, который, вероятно, ответственен за смерть ее родителей? Кто говорит о том, что заманил ее в ловушку беременностью, как о прелюдии?

— Айрис. — Майя придвигается ближе. — Поговори со мной.

Но как мне объяснить, что Алексей затронул во мне нечто такое, о существовании чего я и не подозревала? Что в те часы, проведенные в том заброшенном здании, я не думала ни о своих родителях, ни о своей миссии, ни о своих тщательных планах мести.

Я просто *чувствовала*.

— Мне это понравилось. — Слова вырываются наружу прежде, чем я успеваю их остановить. — Он.

Мое лицо горит от унижения, но если я не могу рассказать Майе — моей лучшей подруге во всем мире, — то кому, черт возьми, я могу рассказать?

Глаза Майи расширяются. Затем она свистит, долго и низко. — Ладно. Итак, ты официально сошла с ума.

— Может быть. — Я прижимаю ладони к глазам, желая, чтобы унижение прекратилось. — Возможно.

— Айрис. — Она садится на край моего стола, заставляя меня посмотреть на нее. — Его братья каким-то образом причастны к смерти твоих родителей. Ты сама мне это говорила. Ты расследуешь их в течение месяцев.

Чувство вины поражает, как физический удар.

У меня сжимается в груди. Я вижу их — маму и папу —

в тех искореженных обломках, которые мне показала полиция. Несчастный случай был совсем не таким. Расследование ни к чему не привело, потому что кто-то, наделенный властью, заставил их исчезнуть.

Семья Ивановых.

Семья Алексея.

— Я знаю. — Мой голос срывается. — Я знаю, Майя.

— Тогда что ты делаешь? — В ее тоне нет осуждения, только искреннее замешательство. — Предполагается, что ты должна их уничтожить. Добиться справедливости. Не...

— Трахаешься с младшим братом? — Заканчиваю я с горечью.

Она не вздрагивает. — Да. Это.

Я запускаю руки в волосы, дергая так сильно, что становится больно. Боль поддерживает меня, не дает окончательно скатиться по спирали.

Что я делаю?

Прошлой ночью я должна была собирать информацию. Использовать одержимость Алексея мной, чтобы подобраться ближе к семейным секретам. Найти доказательства того, что они сделали.

Вместо этого я позволила ему грубо оттрахать меня в заброшенном здании. Позволила ему нашептывать грязные вещи о том, что он воспитывает меня, владеет мной, оплодотворяет меня. И я распалась на части в его руках, как будто ждала этого всю свою жизнь.

— Они убили их, — шепчу я. Слова на вкус как пепел. — Его семья убила моих родителей, и я... Я позволила ему...

К горлу подкатывает тошнота. Не такая, как раньше. Хуже.

Потому что это не страх перед беременностью или побочные эффекты на утро после приема таблеток.

Это чувство вины.

Чистый, неподдельный стыд, который ранит глубже, чем все, что Алексей сделал с моим телом прошлой ночью.

Глава 15

АЛЕКСЕЙ

Виски обжигает по пути вниз. Хорошо. Мне это нужно после суматохи последних сорока восьми часов.

— Я все еще не могу поверить, что у нас все получилось. — Дмитрий откидывается на спинку стула, выглядя слишком довольным собой. — Во Франкфурте думают, что это была внутренняя работа из их собственного ИТ-отдела.

— Потому что ты подбросил улики, как гребаный художник, — говорит Эрик, поднимая свой бокал. — Неплохо, брат.

Николай бросает на него взгляд. — Нам не нужно было бы ничего делать, если бы кто-то поймал Фантом до того, как они сбросили всю нашу серверную архитектуру.

Все взгляды обращаются ко мне.

Я делаю еще глоток виски, отказываясь ерзать под их пристальный взглядом. — Я работаю над этим.

— Восемь месяцев.

— Восемь месяцев и четыре дня, — услужливо поправляет Дмитрий.

Я отмахиваюсь от него.

— Фантом хорош, — говорю я ровным голосом. Не оправдываюсь. Просто констатирую факт. — Лучше, чем кто-либо, с кем мы имели дело раньше.

— Лучше тебя? — Тон Николая предполагает, что ему трудно в это поверить.

Если бы ты только знал.

Образы проносятся в моем сознании — Айрис, прижатая к зеркалу, ее глаза сияют от удовольствия, мое имя слетает с ее губ, как молитва. То, как она обнимала меня, крепкая, совершенная и моя.

— Другой, — выдавливаю я. — Другой набор навыков.

— Чушь собачья. — Эрик ухмыляется, жестом предлагая еще по одной. — Ты одержим. Признай это.

— Я все тщательно продумал.

— Ты дрочишь на код. — Дмитрий ухмыляется. — Есть разница.

Я должен защищаться. Сказать им, чтобы отвалили. Но мои мысли продолжают возвращаться к прошлой ночи — к Айрис, бегущей по тому зданию, к острым ощущениям от охоты на нее, к тому, как она сдалась, даже сражаясь.

К тому факту, что я кончил в нее. Несколько раз. Без защиты.

От этой мысли жар разливается прямо у меня в паху.

— Алексей?

Я моргаю, понимая, что Николай что-то говорит. — Что?

— Я спросил, продвинулся ли ты в их идентификации.

Она. Не они. Она.

Айрис Митчелл, консультант по кибербезопасности с вендеттой и самой тугой киской, которую я когда-либо имел честь уничтожить.

— Есть кое-какие зацепки, — спокойно вру я. — Пока ничего конкретного.

Николай изучает меня, и я заставляю себя встретиться с ним взглядом. Мой старший брат всегда чуял дерьмо за милю. Именно это делает его опасным.

Но он не может читать мои мысли. Не может знать, что я провел прошлую ночь, трахаясь с самой большой угрозой нашей безопасности, вместо того, чтобы нейтрализовать ее.

Что я планирую сделать это снова.

И еще раз.

Пока она не станет настолько полностью моей, что сама мысль о том, что она снова взламывает наши системы, станет смехотворной.

— Ты их поймаешь, — наконец говорит Николай.

— Да. — Я осушаю свой бокал. — Обязательно.

Я достаю свой телефон из-под стола, открываю ветку сообщений с Айрис.

Сообщения начали приходить этим утром, после того, как я высадил ее у ее квартиры на рассвете. Она выглядела совершенно оттраханной: волосы в беспорядке, губы распухли, на шее расцвели отметины. Совершенство.

Я: Думаю о тебе.

Айрис: Не надо.

Я: Слишком поздно.

Айрис: Прошлая ночь была ошибкой.

Я: Лгунья.

С этого момента разговор перешел в другое русло. Или развивался, в зависимости от точки зрения.

Айрис: Я серьезно, Алексей. Мы не можем повторить это снова.

Я: Твое тело не согласно. У меня на спине следы когтей, подтверждающие это.

Айрис: Пошел ты.

Я: Уже. Неоднократно. Хочешь пойти на четвертый раунд сегодня вечером?

Айрис: Нет.

Я: Твоя киска истекала для меня, детка. Не притворяйся, что тебе не нравилась каждая секунда.

До ее следующего ответа был десятиминутный перерыв.

Айрис: Я ненавижу тебя.

Я: Нет, не ненавидишь.

Я прокручиваю утренние сообщения до самых последних. Теперь она отвечает быстрее, а это значит, что она так же отвлечена, как и я.

Айрис: Перестань писать мне сообщения.

Я: Заставь меня.

Айрис: Я заблокирую твой номер.

Я: Я найду другой способ. Ты знаешь, что найду.

Айрис: Сталкер.

Я: Говорит женщина, которая месяцами находилась в наших системах.

Айрис: Это другое.

Я: Каким образом?

Айрис: Я не одержима.

Я ухмыляюсь, глядя на экран, печатая одной рукой, а другой тянусь за своим вновь наполненным виски.

Я: Тогда почему ты продолжаешь отвечать?

Три точки появляются немедленно. Исчезают. Появляются снова.

Айрис: Потому что ты раздражаешь.

Я: Потому что ты тоже не можешь перестать думать о прошлой ночи.

Айрис: Самодовольный засранец.

Я: Ты кончила три раза, детка. Четыре, если считать машину.

Айрис: Я сейчас заблокирую тебя.

Я: Нет, это не так.

Появляются точки. Потом исчезают. Я наблюдаю за ними, предвкушение нарастает.

Айрис: Чего ты от меня хочешь?

Простой вопрос. Сложный ответ.

Я хочу все. Ее подчинение. Ее секреты. Ее блестящий гребаный ум и тело, которое к нему прилагается.

Я: Ужин. Завтра вечером.

Айрис: Мы уже ходили на ужин.

Я: А потом я трахал тебя на каждой доступной поверхности в заброшенном здании. Завтра мы попробуем что-нибудь другое.

Айрис: Например?

Я: В моей кровати.

Точки появляются и исчезают три раза, прежде чем, наконец, приходит ее ответ.

Айрис: Ты невозможен.

Я: Это означает "да"?

— Кто заставил тебя так улыбаться? — спрашивает Николай.

Я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что все трое моих братьев уставились на меня.

Я закрываю экран телефона, стирая ухмылку с лица. — Никто.

— Чушь собачья. — Дмитрий наклоняется вперед, глаза блестят. — Ты выглядишь так, словно только что выиграл в лотерею.

— Или переспал, — услужливо добавляет Эрик.

Я делаю медленный глоток виски, позволяя жжению поглотить меня. — Это называется "хорошо провести день". Тебе стоит как-нибудь попробовать.

— Хороший день. — Тон Николая предполагает, что он на это не купился. — Пока мы расхлебываем франкфуртский

бардак, который обходится нам в миллионы?

— Я сказал, что работаю над этим.

— Написав кому-то, кто заставляет тебя улыбаться, как влюбленного подростка? — Дмитрий этого так просто не оставит. Ублюдок.

Я меняю тактику, откидываясь назад с рассчитанным безразличием. — Это контакт. Кое-кто, у кого может быть информация о Фантоме.

Эрик фыркает. — Верно. Потому что все твои информаторы заставляют тебя выглядеть так.

— Как, например?

— Как будто ты в двух секундах от того, чтобы подрочить под столом.

Я снова даю ему отмашку. — Ревность тебе не к лицу, брат.

— Я не ревную. Любопытно. — Дмитрий останавливает нашего официанта и заказывает еще по порции. — Ты был странным несколько недель. С тех самых пор, как состоялся тот гала-концерт.

Мой пульс учащается, но я сохраняю нейтральное выражение лица. — Определи степень странного.

— Рассеянный. Скрытный. Принимаешь душ до полудня. — Он усмехается. — Классические признаки.

— Чтобы работать над делом.

— Чтобы получить пизду, — поправляет Эрик.

Николай изучает меня тем расчетливым взглядом, кото-

рый означает, что он откладывает все на потом. Мне нужно прекратить это, прежде чем он начнет расследование.

— Прекрасно. Хочешь правду? — Я ставлю свой бокал, встречая взгляды каждого из них. — У меня есть зацепка. Реальная. Но ситуация деликатная, и я не упущу ее, потому что вы, придурки, не можете смириться с тем, что я улыбаюсь.

Частичная правда. Лучший вид лжи.

Дмитрий открывает рот, вероятно, чтобы надавить сильнее, но Николай поднимает руку.

— Насколько деликатная?

— Очень. У этого человека есть доступ к кругам, в которых действует Фантом. Но они пугливы. Я нажимаю слишком сильно, и они исчезают.

— Итак, ты ухаживаешь за информатором. — Эрика, похоже, это забавляет. — С помощью ночных сообщений.

— Все, что работает.

Николай обдумывает это, затем медленно кивает. — Хорошо. Но я хочу новостей. Настоящих.

— Когда будет, о чем сообщить.

У меня в кармане жужжит телефон. Я борюсь с желанием проверить его. Айрис мешает мне вести дела с братьями. Как, черт возьми, я позволил своей одержимости так быстро выйти из-под контроля?

Глава 16

Айрис

Я смотрю на экран входа в систему секретных архивов АНБ, курсор мигает в поле имени пользователя.

Три года. Именно столько я избегала этого нарушения.

Мои пальцы слегка дрожат над клавиатурой. Зашифрованный раздел, содержащий расследование несчастного случая моих родителей, защищен семью уровнями безопасности военного уровня. Я сама построила половину этих слоев за время работы в агентстве.

Они никогда не ожидали, что я вернусь.

Мой телефон жужжит от очередного сообщения от Алексея. Я игнорирую его, сосредоточившись на коде, прокручиваемом на моем дополнительном мониторе. Черный ход, который я создаю, должен быть идеальным — его невозможно отследить. Одно неверное движение, и федеральные агенты будут у моей двери в течение нескольких часов.

— Ты действительно это делаешь. — раздается голос Майи у меня за спиной.

Я не оборачиваюсь. — Мне нужно знать.

— Тебе нужно было знать много лет. Почему сейчас?

Потому что я сплю с женщиной, семья которого, возможно, убила их. Потому что мне нужны доказательства, прежде чем все пойдет дальше.

Я не говорю этого вслух.

— Потому что я готова.

Бэкдор завершен. Я направляю его через семнадцать прокси-серверов в девяти странах, каждое соединение проходит через системы, которые я уже скомпрометировала за эти годы. АНБ обнаружит брешь — в конце концов. Но они не найдут меня.

Я надеюсь.

Моя рука дрожит, когда я нажимаю enter.

Система принимает мои учетные данные. Старую регистрационную информацию я запомнила до того, как они удалили мой доступ. За исключением того, что я позаботилась о том, чтобы определенные аккаунты никогда не подвергались очистке, будучи похороненными так глубоко в их инфраструктуре, что никто не знал об их существовании.

Загружается файл об аварии.

14 Июня 2019 года. Провиденс, Род-Айленд. Неисправность автомобиля, приведшая к столкновению со смертельным исходом.

Я читала публичный отчет сто раз. Но это... это засекреченная версия.

Я открываю первый документ. Заметки о первоначальном

расследовании. У меня перехватывает дыхание, когда я просматриваю детали.

Осмотр транспортного средства выявляет несоответствия заявленной механической неисправности. На тормозных магистралях имеются признаки вмешательства. Требуется дальнейшее расследование.

Мой пульс учащается. Свидетельство вмешательства. Не механическая неисправность.

Я открываю следующий файл. Последующее расследование.

Дело передано специальному агенту Моррисону. Первоначальный следователь переведен.

Это неправильно. Расследования не переносятся, если только...

Я копаю глубже, выясняя прошлое Моррисона. Бывший сотрудник ЦРУ. Связи с...

Мой экран мерцает.

— Черт. — Я наблюдаю, как моя связь начинает дестабилизироваться. Кто-то заметил нарушение.

Я загружаю все, что могу захватить, позволяя моим автоматическим очистителям заметать мои следы, пока файлы передаются в зашифрованное хранилище. Контрмеры АНБ охотятся за мной, но я быстрее.

Пока.

Связь прерывается за тридцать секунд до того, как они могли бы отследить мое местоположение.

Я откидываюсь назад, сердце колотится, глядя на загруженные файлы.

Двенадцать документов. Заметки о расследовании. Показания свидетелей. И одно имя, которое появляется в трех отдельных файлах, всегда на полях, всегда отредактированное в общедоступной версии.

Не Ивановы.

Волковы.

Я просматриваю загруженные файлы, руки дрожат, когда кусочки встают на свои места.

Проект "Паслен" фигурирует в третьем документе. Затем в пятом. И снова в приказах Моррисона о переводе.

Тот самый секретный проект, который я взломала четыре дня назад.

У меня сводит желудок.

Я достаю свидетельские показания. Миссис Кими из магазина на углу. Офицер Рамирес, который первым прибыл на место происшествия. Оба упоминают черный седан, выехавший из района за несколько минут до аварии.

Позже оба заявления были «пересмотрены», чтобы убрать эту деталь.

Я сверяю график с оперативным календарем Nightshade — данными, которые я захватила во время моего случайного проникновения. Июнь 2019 года показывает повышенную активность в Северо-Восточном коридоре. Развертывание активов. Протоколы нейтрализации угроз.

Моих родителей убила не русская мафия.

Они были убиты нашим собственным правительством.

Мой телефон жужжит. Снова Алексей.

Устал ждать, детка. Скажи, что придешь.

Я убираю уведомление, открывая журналы связи Моррисона. Шифрование военного уровня, но я взламывала и похуже.

От первого расшифрованного сообщения у меня кровь стынет в жилах.

Подтверждено, что Митчеллы представляет угрозу безопасности. Рекомендуем принять немедленные меры, прежде чем информация попадет в иностранную разведку.

Мой отец работал по оборонным контрактам. Низкий уровень допуска. Ничего такого, что могло сделать его мишенью, если только...

Я копаю глубже в его личном деле.

Он кое-что обнаружил. Отметил аномалию в поставках оружия, которая не соответствовала официальным данным. Начал задавать вопросы.

Вопросы о проекте Nightshade.

Мой телефон звонит три раза подряд.

Ты игнорируешь меня.

Плохая идея.

Я вижу, ты в Сети. Что бы ты ни делала, остановись.

Я полностью отключаю свой телефон.

В последнем документе в досье Моррисона перечислены

имена. Оперативники проекта "Паслен". Агенты, участвующие в "операциях по сдерживанию".

Я просматриваю список в поисках чего-нибудь, что могло бы...

Кирилл Волков. Статус: Активен. Текущее назначение. Защита активов, район Бостона.

Не Иванов. Волков.

Совершенно другая организация.

Я потратила годы, взламывая "не ту семью", убежденная, что братья Ивановы убили моих родителей, хотя они не имели к этому никакого отношения.

Годы взлома и преследования семьи Ивановых, в то время как настоящие убийцы действовали под совершенно другим флагом.

Экран моего ноутбука расплывается, слезы обжигают глаза.

Мой экран становится черным.

Затем экран монитора заполняет лицо Алексея.

— Черт. — Я тянусь к клавиатуре, чтобы прервать соединение, но он заблокировал доступ к моей собственной системе.

— Куда-то собираешься, детка? — Он без рубашки, камера повернута так, чтобы показать его обнаженную грудь, а рука обхватывает его член. Уже твердый. — Я ждал два часа.

У меня пересыхает в горле, несмотря на все, что я только что обнаружила. Несмотря на доказательства убийства пра-

вительством, все еще открытые в моих фоновых окнах.

Мои бедра непроизвольно сжимаются вместе.

— Я занята. — Мой голос звучит громче, чем предполагалось.

— Ты должна быть занята тем, чтобы насаживаться на мой член. — Он медленно, обдуманно гладит себя. — Или то, что ты, блядь, делаешь, важнее меня.

Я наблюдаю, как его рука движется по всей длине, вспоминая, как он чувствовался внутри меня.

— Алексей...

— Не надо. — Его глаза на экране темнеют. — Не ищи оправданий. Садись в свою машину и приезжай ко мне. Или я приду туда и трахну тебя на глазах у твоей соседки по комнате.

Тепло разливается внизу моего живота. Неправильно. Это так неправильно на многих уровнях.

— Мне нужно закончить...

— Единственное, что тебе нужно закончить, — это я. — Он встает, открывая мне полный обзор своего обнаженного тела. — Тридцать минут, Айрис. Или я приду за тобой.

Мои пальцы впиваются в край стола.

— Ты не можешь просто...

— Осталось двадцать девять минут. — Его свободная рука сжимает основание члена. — И за каждую минуту твоего опоздания я продержу тебя в своей постели еще час.

Я должна отказаться и объяснить, что я нашла в файлах.

Но мое тело помнит его руки, его рот, то, как он заставлял меня кончать.

— Это не...

— Двадцать восемь минут.

— К черту.

Я выдергиваю вилку из розетки своего компьютера, наблюдая, как гаснут экраны. Все эти улики. Все эти файлы, которые доказывают, что я потратила годы впустую, преследуя не того врага.

Я не могу думать об этом прямо сейчас.

Я хватаю свою толстовку со спинки стула, засовываю телефон в карман и направляюсь к двери.

— Куда ты идешь? — Майя зовет из гостиной.

— Вон.

Я не жду ее ответа.

Поездка до Бикон-Хилл занимает восемнадцать минут. Я провожу каждую секунду, пытаюсь не думать о файлах Моррисона, о проекте "Паслен", о том, как грандиозно я провалила всю свою вендетту.

Впереди маячит здание Алексея.

Я паркуюсь в подземном гараже, используя код доступа, который он прислал мне на прошлой неделе. Поездка на лифте кажется бесконечной.

Прошло двадцать семь минут с момента его ультиматума.

Дверь пентхауса открывается прежде, чем я успеваю постучать.

Алексей стоит в холле, полностью обнаженный, член все еще твердый и торчит. Никакого стыда. Никаких колебаний.

— Хорошая девочка. — Его голос понижается на октаву.
— Осталась одна минута.

Я открываю рот, чтобы ответить, но он отходит в сторону, жестом приглашая меня войти.

Дверь со щелчком закрывается за мной.

— На колени.

У меня перехватывает дыхание. Я должна протестовать. Должна сохранять достоинство.

Вместо этого я падаю на деревянный пол, все еще в толстовке, телефон впивается в бедро.

Я просто хочу чувствовать. Хочу перестать думать о том, какой глупой я была, как ошибалась, как совершенно напрасно потратила годы своей жизни.

— Посмотри на меня. — Алексей сжимает свой член в кулаке, поглаживая один раз. — Подними глаза, детка.

Я поднимаю взгляд, чтобы встретиться с ним. Эти пронизательные зеленые глаза сверлят меня, видя слишком много.

— Открой.

Мои губы автоматически приоткрываются.

Он подходит ближе, головка его члена касается моего рта. Предварительная сперма размазывается по моей нижней губе.

— Ты избегала меня весь день. — Его свободная рука запутывается в моих волосах. — Теперь ты собираешься это

исправить.

Я обхватываю его губами, ощущая вкус соли и кожи, когда он скользит глубже. Моя рука проникает в штаны, пальцы проскальзывают под нижнее белье и обнаруживают, что я уже мокрая.

— Вот и все. — Его хватка в моих волосах усиливается. — Трогай себя, пока сосешь мой член, как отчаянный маленький хакер, которым ты и являешься.

Я стону рядом с ним, вибрация заставляет его бедра дергаться вперед. Мои пальцы обводят клитор, когда я беру его глубже, расслабляя горло так, как я научилась у ...

Я не хочу думать. Просто хочу чувствовать.

— Черт, посмотри на себя. — Он вонзается в мой рот контролируемыми толчками, от которых у меня слезятся глаза. — Ты так легко ломаешься из-за меня.

Мои пальцы проникают внутрь меня, подстраиваясь под ритм его движений. Растяжка кажется пустой по сравнению с тем, чего я действительно хочу.

— Ты весь день игнорировала мои сообщения. — Его голос становится грубым. — Заставила меня ждать, пока ты делаешь то, что, черт возьми, делала.

Я втягиваю щеки, посасывая сильнее, когда мой большой палец находит клитор. Двойное ощущение посылает жар по моему телу.

— Думала, ты могла просто Господи Иисусе — Его член набухает под моим языком. — Думала, что могла избежать

меня?

Я двигаюсь быстрее, двигая пальцами внутрь и наружу, в то время как другой рукой сжимаю его бедро для равновесия. Его дыхание становится прерывистым надо мной.

— Айрис...

Я чувствую, как он приближается, напряжение сковывает его мышцы. Мой собственный оргазм нарастает, когда я прикасаюсь к себе, теряясь в унижительном стоянии перед ним на коленях.

— Блядь. — Он дергает меня за волосы, отрывая от своего члена с влажным хлопком. — Вставай.

Прежде чем я успеваю возразить, он поднимает меня на ноги и прижимает к стене. Моя толстовка задирается, когда он срывает с меня брюки и нижнее белье до колен.

— Алексей...

Он поднимает меня, мои ноги автоматически обвиваются вокруг его талии. Головка его члена прижимается к моему входу.

— Ты хочешь игнорировать меня? — Он врывается внутрь одним жестоким толчком. — Я дам тебе то, что ты, блядь, не сможешь игнорировать.

Я вскрикиваю, когда он заполняет меня полностью, угол настолько глубокий, что граничит с болью. Он не ждет, не дает мне привыкнуть. Просто жестко прижимает меня к стене, каждый толчок выбивает воздух из моих легких.

Мои ногти впиваются в его плечи, когда он вонзается в

меня, каждый толчок вырывает прерывистые вздохи из моего горла. Стена у меня за спиной холодная, что резко контрастирует с жаром его кожи.

— Ты чувствуешь это? — Его дыхание обжигает мою шею. — Чувствуешь, каким твердым ты меня делаешь?

Я не могу произнести ни слова. Мое тело в ответ сжимается вокруг него, заставляя его стонать.

— Я провел весь день, думая об этой пизде. — Он меняет угол наклона, ударяя куда-то внутри меня, от чего за моими веками взрываются звезды. — О том, чтобы снова наполнить тебя.

— Алексей... — Его имя звучит отчаянно, нуждающе.

— Скажи это. — Его зубы впиваются в мое горло. — Скажи, что ты скучала по этому.

Я должна солгать. Должна сохранить хоть каплю достоинства.

— Я скучала. — Признание вырывается у меня, когда он входит глубже. — Скучала по тебе внутри себя.

— Черт возьми, да. — Его пальцы впиваются в мою задницу, раздвигая меня шире, когда он набирает темп. — Мой хороший маленький хакер. Весь день взламываешь системы, но я тот, кто ломает тебя.

Грязь, льющаяся из его рта, не должна так сильно заводить меня. Но мое тело сжимается вокруг него, словно на краю обрыва.

— Потрогай себя. — Это не просьба. — Я хочу почув-

ствовать, как ты кончаешь на мой член, прежде чем я наполню тебя.

Моя рука скользит между нами, нащупывая клитор. Дополнительная стимуляция заставляет меня хныкать.

— Вот и все, детка. — Он наблюдает за моим лицом своими пронизательными зелеными глазами. — Покажи мне, в каком ты отчаянии.

Мои пальцы описывают безумные круги, пока он продолжает свой неумолимый ритм. Двойное ощущение нарастает слишком быстро, слишком интенсивно.

— Я чувствую, как ты приближаешься. — Его голос становится ниже. — Твоя киска становится такой тугой, когда ты вот-вот кончишь.

— Не останавливайся. — Сейчас я умоляю, не обращая на это внимания. — Пожалуйста, не останавливайся.

— Никогда. — Он ослабляет хватку, каким-то образом входя еще глубже. — Я собираюсь трахать тебя до тех пор, пока ты не забудешь все системы, которые когда-либо взламывала. Пока единственный код, который ты запомнишь, — это как кончить для меня.

Мой оргазм обрушивается на меня без предупреждения. Я вскрикиваю, тело сотрясается в конвульсиях вокруг него, когда удовольствие затмевает все остальное — файлы Моррисона, проект "Паслен", годы напрасной мести.

Только это. Только он. Только мы.

Глава 17

АЛЕКСЕЙ

Я просыпаюсь от лунного света, падающего на белые простыни, платиновые волосы Айрис рассыпались по моей подушке, как жидкое серебро. Она прижимается ко мне, одна рука подложена под щеку, другая покоится на моей груди.

«Красивая» — это ещё мягко сказано.

Мои пальцы касаются фрагмента кода, вытатуированного у нее за ухом — какой-то алгоритм шифрования, который я еще не определил. Ее лицо расслабляется во сне, вся эта острая, как бритва, сосредоточенность смягчается, превращаясь во что-то уязвимое.

Затем она всхлипывает.

Ее тело дергается, мышцы напрягаются. Из ее горла вырывается сдавленный звук.

— Нет... — Слово выходит прерывистым. — Папа, тормоза...

Ее руки цепляются за пустоту, борясь с невидимыми ограничителями.

— Айрис. — Я осторожно трясую ее за плечо. — Просы-

пайся.

— Мама! — Она кричит, дергаясь так сильно, что чуть не сваливается с кровати.

Я хватаю ее, прижимая к груди. — Детка, ты спишь. Просьпайся.

Ее глаза распахиваются, дикие и расфокусированные. Секунду она не узнает меня, каждый мускул напряжен в борьбе.

— Это я. — Я говорю тихо, твердо. — Ты в безопасности.

Решимость покидает ее в мгновение ока. Она прижимается ко мне, дыша так, словно только что пробежала марафон.

— Черт. — Все ее тело дрожит. — Прости, я...

— Что тебе снилось?

Она совершенно замирает в моих объятиях. Я точно чувствую момент, когда она собирается солгать.

— Мои родители. — Слова выходят плоскими, пустыми.

— Несчастный случай.

Я глажу ее по волосам, ожидая. Скажет она мне или нет, но я не буду настаивать.

— Это был не ты. — Ее голос срывается. — Я узнала вчера. Несколько месяцев думала, что ты в этом замешан, что твоя семья — Она прерывается горьким смехом. — Это было правительством. Проект "Паслен". Мои родители были угрозой, которую нужно было нейтрализовать.

Что-то холодное поселяется у меня в груди. — Ты была свидетелем этого.

Это не вопрос. Я чувствую правду по тому, как жестко она

себя держит.

— Мне было шестнадцать. — Она не смотрит на меня, просто смотрит куда-то за мое плечо. — На заднем сиденье. Они спорили о чем-то секретном, о чем моя мама хотела рассказать. Потом на шоссе 95 отказали тормоза. Мы выехали на разделительную полосу на скорости семьдесят миль в час.

Ее дыхание становится поверхностным, учащенным.

— Машина перевернулась. Три раза. Я помню, как считала. — Дрожь пробегает по ее телу. — Я была зажата среди обломков в течение двух часов, слушая, как моя мать захлебывается в собственной крови.

Я крепче сжимаю ее в объятиях, переваривая ужас того, что она описывает. — Как ты выжила?

Она пожимает плечами, движение отрывистое и неправильное. — Глупая удача. Заднее сиденье смялось по-другому. Я отделалась сломанной рукой и ребром.

— В то время как твои родители...

— Папа умер при ударе. Руль пробил ему грудь. — Ее голос остается устрашающе отстраненным, клиническим. — Мама продержалась дольше. Внутреннее кровотечение, пробито легкое. Она все это время была в сознании, захлебываясь кровью, пока мы ждали помощи, которая заняла слишком много времени.

Теперь я слышу ярость под этой плоскостью, похороненную глубоко, но все еще пылающую.

— Она сказала мне. — Пальцы Айрис впиваются мне в

грудь, ногти впиваются. — Использовала свой последний вздох, чтобы предупредить меня, что все подстроено. Что мне нужно быть осторожной, не копаться в том, что произошло.

У нее вырывается горький смешок.

— Что, естественно, вызвало у меня желание покопаться. Я провела годы в правительственных базах данных, пытаюсь собрать воедино, почему они убили двух аналитиков разведки с двадцатилетним стажем. — Она наконец смотрит на меня, в ее льдисто-голубых глазах горит что-то темное и дикое. — И ничего не нашла. Все файлы очищены, все свидетельские показания говорят о механических повреждениях. Мне было шестнадцать, и я была травмирована — кто бы мне все равно поверил?

— Значит, вместо этого ты ушла в кодирование.

— Построила стены. — Она слегка отстраняется, увеличивая расстояние между нами, даже находясь в моих объятиях. — Стала достаточно хороша, чтобы никто не мог прикоснуться ко мне, чтобы я могла прикоснуться к кому угодно. Стала Фантомом, потому что призраков нельзя убить.

Все складывается воедино — ее одержимость контролем, ее потребность быть неприкасаемой, то, как она действует, словно борется за свою жизнь.

Потому что когда-то давным-давно она боролась.

— Ты думала, что это сделали мы. — Я стараюсь говорить нейтральным тоном, без обвинений. — Вот почему ты вы-

брала нас своей мишенью.

— У твоей семьи повсюду связи. Правительственные контракты, связи в разведке. — Она твердо встречает мой взгляд. — И имя Ивановых продолжало появляться на полях файлов, к которым я не должна была прикасаться. Я предположила...

— Что мы были соучастниками.

— Да. — Без колебаний, без извинений. — Я хотела, чтобы это был ты. Мне нужен был кто-то, кого я могла бы обвинить, до кого я действительно могла бы дотянуться.

Правительство — аморфный враг — безликие бюрократы, прячущиеся за правдоподобным отрицанием. Но Ивановы? Мы из плоти и крови, прямо здесь, в Бостоне.

— И теперь ты знаешь, что это были не мы.

— Теперь я знаю, что Кирилл Волков как-то с этим связан. Что проект "Паслен" все еще активен. Что Моррисон, агент, взявший на себя расследование, имеет опыт тайных операций ЦРУ. — Ее челюсть сжимается. — И что я годами преследовала не ту гребаную цель.

Я обхватываю ладонями ее лицо, заставляя посмотреть на меня. — Итак, мы меняем тактику. Найдем Моррисона, отследим его связи, покопаемся в Паслене, пока мы точно не узнаем, кто отдал приказ.

Она моргает. — Мы?

— Ты думаешь, я позволю тебе охотиться на правительственных убийц в одиночку? — Я провожу большим паль-

цем по ее скуле. — Я помогу тебе докопаться до сути. Заставить их заплатить за то, что они сделали.

Что-то ломается в выражении ее лица — надежда и отчаяние борются за господство.

— Алексей. — Она накрывает мою руку своей, и грустная улыбка кривит ее губы. — Никто не может противостоять правительству. У них неограниченные ресурсы, засекреченные технологии, юридическая неприкосновенность для операций, которые считаются необходимыми для национальной безопасности. Моррисон, вероятно, защищен дюжиной слов бюрократической изоляции. Паслен похоронен под уровнями классификации, которых официально не существует.

— Ты недооцениваешь меня, детка.

Ее глаза слегка расширяются.

— Семья Ивановых построила империю не на соблюдении границ. — Я наклоняюсь ближе, понижая голос. — У нас есть свои ресурсы. Наши собственные технологии. Наши собственные способы заставлять людей исчезать, когда это необходимо.

— Это не какая-то конкурирующая организация или коррумпированный политик...

— Мне плевать, даже если это сам гребаный президент. — Слова звучат резко, окончательно. — Они убили твоих родителей. Оставили тебя запертой в машине, слушать, как умирает твоя мать. Они превратили тебя в Фантома, потому что ты была слишком напугана, чтобы существовать самой

собой.

У нее перехватывает дыхание.

— Так что да, мы идем за ними. Каждый вовлеченный агент, каждый чиновник, который подписал контракт, каждый, кто это скрывал. — Я прижимаюсь своим лбом к ее лбу. — И когда мы закончим, они пожалеют, что механическая неисправность — это все, о чем им нужно было беспокоиться.

Слезы текут по ее щекам, тихие и опустошающие.

— Почему? — Ее голос срывается на этом слове. — Почему ты делаешь это для меня? Рискуешь своей семьей, своей империей, всем, что ты построил — ради чего? Месть, которая даже не твоя?

Я целую ее.

Достаточно жестко, чтобы остановить вопросы, достаточно мягко, чтобы ответить на них.

Когда я отстраняюсь, то держу ее лицо в своих ладонях, большими пальцами стирая влагу с ее щек.

— Ты знаешь почему, — шепчу я ей в губы.

— Алексей...

— Потому что ты единственный человек, которого я когда-либо хотел. — Признание разрывает меня на части, такое грубое и честное, каким я никогда ни с кем не был. — Не только физически, хотя, черт возьми, детка, я хочу тебя так сильно, что это причиняет боль. Но интеллектуально. Эмоционально. Каждая частичка тебя бросает мне вызов, воз-

буждает меня, заставляет меня чувствовать себя живым так, как я и не подозревал, что был мертв.

Слезы текут все сильнее, теперь быстрее.

— Я потратил двадцать девять лет на поиски чего-то, что помогло бы мне чувствовать себя менее опустошенным. Создавал системы, завоевывал сети, доказывал себя тысячу раз. — Я снова прижимаюсь своим лбом к ее, нуждаясь в контакте. — Ничто из этого не имело значения. Ничто из этого не заполнило пустоту.

Ее руки поднимаются, чтобы схватить меня за запястья, держась так, словно я единственная надежная вещь в ее мире.

— Затем ты взломала мои брандмауэры с помощью такого элегантного кода, что мне захотелось плакать. Оставила свою подпись как насмешку, как будто знала, что я буду одержим. — У меня вырывается грубый смешок. — И я был. Являюсь. Совершенно одержимым тобой.

— Это безумие, — шепчет она, но не отстраняется.

— Ты — то, что нужно мне, Айрис. — Я произношу каждое слово четко, обдуманно. — Конец игры. Переменная, которую я не могу контролировать и не хочу. Ты — единственное уравнение, на решение которого я хочу потратить остаток своей жизни.

Тут она окончательно ломается, прижимаясь к моей груди с рыданиями, которые сотрясают все ее тело. Я обнимаю ее все это время, глажу по волосам и бормочу слова по-русски,

которых не говорил с тех пор, как умерла моя мать.

Слова о любви, преданности и вечности.

Слова, которые я подразумеваю каждой испорченной частичкой своей души.

Глава 18

Айрис

Три часа спустя я сижу, скрестив ноги, на диване Алексея, мой ноутбук балансирует у меня на коленях, в то время как он растянулся рядом со мной с двумя мониторами, установленными на кофейном столике. Энергетические напитки заполняют пространство между нами — мои, его, наши на данный момент.

— Покажи мне, как ты попал в архив АНБ. — Он не отрывает взгляда от экрана, пальцы порхают по клавиатуре. — На каждом шагу.

Я повторяю для него взлом, проходя через каждый уровень проникновения. Он наблюдает за выполнением моего кода с интенсивностью, которую большинство людей прибегают для порно.

— Вот. — Он приостанавливает воспроизведение, указывая на строку команд. — Ты оставила микросекундную задержку между аутентификацией и доступом. Почти невидимую, но не для того, кто ее ищет.

У меня сводит желудок. — Насколько невидимую?

— Достаточно, чтобы девяносто девять процентов команд безопасности пропустили ее. — Его зеленые глаза скользят по моим. — Но если кто-то специально отслеживает вторжения, связанные с Пасленом, отслеживает сигнатуру Фантама...

— Они знают, что я получила доступ к файлам.

— Они знают с того момента, как ты прорвалась прошлой ночью.

Черт.

— Познакомь меня с твоей методологией. — Он достает чистый терминал. — Я покажу тебе, как перемещаться по системам, как будто тебя там вообще никогда не было. Никаких задержек, никаких следов, ничего такого, что даже я мог бы обнаружить.

В течение следующего часа Алексей разбирает мои техники с хирургической точностью. Показывает мне, где я уязвима, как маскировать подписи пакетов, способы манипулирования журналами аудита, которые я никогда не рассматривала. Его методы элегантны и устрашающи — цифровой эквивалент прохождения сквозь стены.

— Господи, — выдыхаю я, наблюдая, как он демонстрирует руткит, который переписывает собственную историю установки. — Как долго тебе удавалось это делать?

— С тех пор, как мне исполнилось семнадцать. — Он усмехается. — Семейный бизнес требовал определенных действий... адаптация к традиционному наблюдению.

Мы работаем в сосредоточенном молчании, создавая новые инструменты для расследования Моррисона и Паслена так, чтобы их никто не обнаружил. Алексей создает распределенную сеть взломанных систем, через которую мы можем проходить, — цифровой камуфляж, который постоянно меняется.

Я сверяюсь с известными партнерами Моррисона, когда кое-что привлекает мое внимание.

— Алексей. — Мой голос звучит странно. Безжизненно. — Посмотри на это.

Он наклоняется, просматривая данные, которые я обнаружила. Финансовые отчеты, показывающие регулярные депозиты в зарегистрированную в Делавэре подставную корпорацию. Скрытая структура собственности корпорации прослеживается через три уровня дочерних компаний, существовавших до...

— Операции Сентинел. — Его челюсть сжимается. — Частная разведывательная фирма. В основном бывшие подрядчики ЦРУ. Они занимаются вещами, на которых правительству не нужны официальные отпечатки пальцев.

У меня начинают дрожать руки. — Они платили Моррисону три года.

— Когда ты начала расследование смерти твоих родителей?

Временная шкала встает на свои места с тошнотворной четкостью.

— Они наблюдали за мной. — Слова отдают пеплом. — Все это время они точно знали, что я делаю.

— Эй. — Рука Алексея накрывает мою, останавливая дрожь. — Посмотри на меня.

Я заставляю себя перевести взгляд с экрана на его лицо.

— Мы собираемся отгородиться от них. — В его голосе звучит абсолютная уверенность. — Вместе мы сможем это сделать. Ты и я — мы лучше любой разведывательной операции, которую они проводят.

— Алексей...

— Нет. — Он сжимает мои пальцы. — Я провел всю свою жизнь на три шага впереди людей, пытающихся выследить меня. Ты делала то же самое. Может, они и наблюдали, но пока не поймали тебя. И теперь ты больше не одна.

Тяжесть в моей груди немного ослабевает.

— Итак, мы наводим порядок, — продолжает он. — Каждый след, каждая крошка хлеба, каждый призрачный след, который ты когда-либо оставляла. Затем мы перестраиваем все с нуля, используя методы, которых они никогда раньше не видели.

Я киваю, с трудом сглатывая. — С чего мы начнем?

— Сначала твои персональные системы. Покажи мне твою текущую архитектуру безопасности.

Мы попадаем в синхронизированный ритм, передавая код взад и вперед, как музыканты, обменивающиеся риффами. Алексей демонтирует мои брандмауэры и перестраивает их

заново с помощью квантово-зашифрованных слоев, которые меняют свои параметры каждые семнадцать секунд. Я внедряю его протоколы распределенной маршрутизации, одновременно разрабатывая новые методы обфускации, которые смешивают наши сигнатуры с фоновым шумом.

Спустя три энергетических напитка он учит меня подделывать мой собственный цифровой отпечаток пальца. Я наблюдаю за его работой, за гипнотизированная эффективностью нажатий клавиш, тем, как он предугадывает реакции системы до того, как они произойдут.

— В журналах связи Моррисона есть закономерность, — говорю я, просматривая данные. — Зашифрованный трафик каждый вторник в 2 часа ночи по восточному времени.

— Запланированные отчеты. — Алексей не отрывает взгляда от перезаписи подписей моих пакетов. — Вероятно, автоматизировано. Мы можем это использовать.

Я начинаю создавать парсер для перехвата и декодирования трафика без запуска оповещений. Алексей оглядывается и вносит небольшую корректировку в мой код, которая повышает эффективность на сорок процентов.

— Выпендрейник, — бормочу я.

Его губы кривятся. — Ты та, кто только что оптимизировала мой алгоритм маршрутизации.

— Это было едва ли...

— На двадцать два процента быстрее. — Он сохраняет мои обновленные протоколы безопасности. — Прими ком-

плимент, детка.

Возвращается комфортная тишина. Снаружи гудит бостонское движение. Внутри мы строим цифровые крепости, в которые не могут проникнуть даже призраки.

Мой ноутбук пингует — еще один защищенный слой, невидимый для всех, кроме нас.

— Еда. — Алексей решительно закрывает свой ноутбук.
— Когда ты ела в последний раз?

Я проверяю время — почти шесть вечера. — Вчера вечером. Возможно.

— Неприемлемо. — Он достает телефон и просматривает приложения для доставки. — Тайское, индийское или итальянское?

— Тайская. Очень острая.

Он отдает приказы, не посоветовавшись со мной.

— Тридцать минут, — говорит он, разминая сухие мышцы. Его рубашка задирается, обнажая полоску кожи, отчего у меня пересыхает во рту, несмотря ни на что.

Я возвращаю свое внимание к экрану, делая вид, что просматриваю код, который уже дважды усовершенствовала.

— Прекрати. — Он вырывает ноутбук у меня из рук, откладывая его в сторону. — Твоему мозгу нужен отдых, иначе ты пропустишь что-то важное.

— Я в порядке.

— Ты смотришь на одну и ту же функцию уже четыре минуты ничего не меняя. — Он притягивает меня к себе, под-

пирая мою голову своим подбородком. — Отдохни, Айрис.

Ровный ритм его сердцебиения успокаивает меня. Мои глаза закрываются, несмотря на мое намерение оставаться бдительной.

— Это опасно, — шепчу я ему в грудь.

— Что?

— Это. Мы. — Я вдыхаю его аромат — кофе, дорогой одеколон и еще чего-то, присущего только ему. — Устраиваюсь поудобнее.

Его пальцы вырисовывают узоры на моем позвоночнике. — Это то, что ты делаешь?

— Возможно. — Это признание дорого мне обходится. — Я могла бы привыкнуть к этому. Иметь кого-то, кто понимает работу, кто ориентируется в системах, как я. Кто-то, кто не думает, что я сломлена из-за того, что живу в коде.

— Ты не сломлена.

— Большинство людей не согласились бы.

— Большинство людей идиоты. — Он приподнимает мой подбородок, его зеленые глаза серьезны. — Ты великолепна, смертоносна и совершенна именно такая, какая ты есть.

Звонок в дверь прерывает любой мой ответ — вероятно, какой-нибудь саркастический, чтобы отвлечь внимание от того, как сильно его слова влияют на меня.

Алексей отрывается, чтобы ответить, затем возвращается с пакетами еды, которые пахнут невероятно, расставляя контейнеры по кофейному столику, с которого он только что

убрал мониторы.

Алексей тянет меня обратно к дивану, устраивая на подушках. Он смешивает пад тайский, карри и спринг-роллы в одной миске, с удивительной тщательностью распределяя порции.

Затем он расстегивает молнию на брюках.

— Что ты...

— Сними трусики. — В его голосе слышатся командные нотки, от которых у меня учащается пульс. — Иди сюда.

Я должна отказаться. Должна сказать ему, что нам нужно сосредоточиться на Моррисоне, на Паслене, на всем, что имеет значение.

Вместо этого я спускаю нижнее белье по ногам и сажусь ему на колени, лицом к нему.

Его член прижимается к моему входу, твердый и настойчивый. Он сжимает мои бедра, медленно направляя меня вниз, пока не заполнит меня полностью. Я задыхаюсь от напряжения, от того, что я такая наполненная, в то время как он остается совершенно неподвижным.

— Оставайся вот так. — Он берет миску одной рукой, а палочки для еды другой. — Открой.

В моем мозгу происходит короткое замыкание. — Алексей...

— Открой, детка.

Я приоткрываю губы. Он угощает меня кусочком тайской лапши, и острая, сладкая лапша скользит по моему языку.

Домашность этого жеста соседствует с непристойностью сидения на его члене, создавая когнитивный диссонанс, от которого у меня кружится голова.

Он откусывает сам, медленно пережевывая, в то время как его свободная рука собственнически лежит на моем бедре.

Еще кусочек для меня — на этот раз с карри, сочным и острым. Я сглатываю, борясь с желанием двигаться, тереться о него. Он полностью тверд внутри меня, и в этой тишине каждое небольшое перемещение веса ощущается как электрический разряд.

— Хорошая девочка. — Он кладет себе спринг-ролл, не сводя с меня глаз. — Ты уже становишься все более влажной.

Жар заливает мое лицо. Мое тело предает меня, скользкое возбуждение покрывает его, пока я изо всех сил стараюсь оставаться неподвижной.

Он предлагает мне еще кусочек. Я наклоняюсь вперед, чтобы взять его, и это движение толкает его глубже. Тихий стон вырывается прежде, чем я успеваю его остановить.

— Вот так. — Его зрачки расширяются. — Почувствуй, как идеально ты подходишь мне.

Я непроизвольно сжимаюсь. Его челюсть сжимается — единственный признак того, что мое тело вообще воздействует на него.

Еще еда. Его очередь, потом моя. Каждый укус подчеркивал растущее напряжение, влажный жар, нарастающий между моих ног, отчаянную потребность пошевелиться, которую

он не разрешает.

— Алексей. — Мой голос срывается. Надломленный. —
Пожалуйста...

— Сначала доешь свой ужин. — Он скармливает мне еще кусочек карри, невыносимо спокойный, в то время как я разваливаюсь на части.

Я откусываю еще кусочек, но мои бедра непроизвольно двигаются. Полнота, давление, намеренная неподвижность — сводит меня с ума.

— Прекрати двигаться. — В его голосе слышится предупреждение.

Я пытаюсь. Набираю еще немного тайского пада, проглатываю. Но мое тело не подчиняется, слегка напрягаясь, несмотря на мои намерения.

— Айрис. — Его хватка на моем бедре усиливается. — Я сказал, прекрати.

— Не могу. — Это слово вырывается с придыханием, в отчаянии. Я снова качаюсь вперед, пытаюсь получить трение, которого он мне не дает.

Его самоконтроль ослабевает.

Миска с резким треском ударяется о кофейный столик. Обе руки хватают меня за бедра, пальцы впиваются в плоть с такой силой, что остаются синяки.

— Хочешь двигаться? — Его глаза стали темными, хищными. — Тогда оседлай мой член, как маленькая грязная шлюха.

При этих словах меня охватывает жар. Я приподнимаюсь и падаю обратно, задыхаясь от глубины.

— Вот и все. — Его руки направляют мои движения, грубые и требовательные. — Покажи мне, какая ты нуждающаяся маленькая шлюха.

Я опираюсь на его плечи, нащупывая ритм, который затуманивает мое зрение. Каждый удар вниз поражает что-то разрушительное внутри меня.

— Сильнее. — Он дергает меня вниз, заставляя принять его глубже. — Ты моя грязная шлюха, не так ли?

— Да. — Признание вырывается из моего горла. — Твоя.

— Скажи как следует. — Его бедра приподнимаются навстречу моим, столкновение заставляет меня вскрикнуть. — Кто ты?

— Твоя грязная шлюха. — Стыд и возбуждение переплетаются, неразличимые. — Только твоя.

— Хорошая девочка. — Он отпускает одно бедро, чтобы схватить меня за волосы, оттягивая мою голову назад, обнажая горло. — Посмотри, в каком ты отчаянии. Не смогла даже закончить ужин, не нуждаясь в моем члене.

Я за пределами слов, за пределами мыслей. Просто ощущение — как он растягивает меня, грязная похвала, срывающаяся с его губ, нарастающее давление, которое угрожает полностью разрушить меня.

— Потрогай себя. — Его голос скрипит у моего уха. — Заставь себя кончить на моем члене.

Моя рука опускается между нами, пальцы находят мой клитор. Дополнительная стимуляция заставляет меня сжиматься вокруг него.

— Черт. —Его самоконтроль ослабеваает еще больше. — Ты такая влажная для меня. Такая идеальная, грязная и моя.

Я подпрыгиваю сильнее, гоняясь за оргазмом, который туго сжимает мое естество. Мои бедра горят от напряжения, но я не останавливаюсь, не могу остановиться, оседлав его с отчаянной самоотдачей.

— Вот и все. — Его пальцы впиваются в мои бедра, оставляя синяки, когда он берет контроль в свои руки. Он поднимает меня и опускает обратно, используя мое тело для своего удовольствия. — Возьми каждый дюйм, как хорошая маленькая шлюшка.

Давление нарастает, раскаленное добела и ошеломляющее. Мои пальцы лихорадочно работают над клитором, пока он входит в меня снизу.

— Я собираюсь наполнить эту тугую киску. — Его голос становится гортанным, напряженным. — Оплодотворить тебя должным образом. Зачать в тебе ребенка.

— Алексей... — Его имя срывается на выдохе.

— Скажи, что ты этого хочешь. — Он сильно дергает меня вниз, входя глубоко. — Скажи, что хочешь, чтобы я кончил в тебя.

— Я хочу этого. — Слова вырываются из меня сквозь отчаянные вздохи. — Хочу, чтобы ты наполнил меня.

— Я собираюсь накачать тебя по полной. — Теперь он неумолим, контролируя каждый толчок. — Снова и снова.

Оргазм поражает подобно молнии. Я извиваюсь вокруг него, ритмично сжимаясь, когда удовольствие разрывает каждый нерв. Мое зрение затуманивается, тело сотрясается в конвульсиях.

— Черт, да. — Он стонет, чувствуя, как я кончаю. — Дои мой член.

Его бедра беспорядочно подрагивают. Тепло разливается внутри меня, когда он следует за мной через край, наполняя меня своим освобождением, в то время как грязная похвала срывается с его губ.

— Идеально. — Он прижимает меня к себе, погружая себя глубже. — Такая чертовски идеальная, принимая всю мою сперму.

Я падаю ему на грудь, дрожащая и измученная. Его сердце колотится у меня под ухом.

— Я сейчас принимаю таблетки, — выдавливаю я между вздохами. — Снова начала принимать.

— Не имеет значения. — Его пальцы рисуют собственные узоры на моем позвоночнике. — Я все равно собираюсь наполнить тебя. Неоднократно, пока ты не пропитаешься мной насквозь.

Жар пульсирует в моем измученном теле от этого обещания.

— Я не могу насытиться. — Он все еще тверд внутри ме-

ня, но уже приходит в себя. — Кончать в тебя — это все, о чем я думаю.

Его губы находят мои, мягкие и требовательные одновременно. Я целую его в ответ с силой, которая пугает меня, ощущая вкус остатков тайской еды и чего-то более темного, первобытного.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, я тяжело дышу. Его зеленые глаза изучают мои, зрачки все еще расширены после секса.

— Останься на ночь, — шепчет он мне в губы.

Я должна сказать "нет". Должна увеличить дистанцию между нами, восстановить стены, на возведение которых я потратила годы. Вместо этого я киваю.

Он снова целует меня, на этот раз медленнее. Тщательно. Как будто он запоминает форму моего рта, то, как я реагирую на движение его языка.

Я запускаю пальцы в его волосы, притягивая его ближе, хотя мы уже прижаты друг к другу, все еще соединены. Нежность в этом жесте противоречит всему, что я знаю о себе, о том, на что я способна.

Три месяца назад я хотела уничтожить его. Разорвать империю его семьи по кусочкам, заставить их заплатить за преступления, которых они даже не совершали. Я часами планировала свою месть, разрабатывая сценарии, в которых Алексей Иванов страдал бы так же, как я.

Теперь я разваливаюсь на части в его объятиях, позволяя

ему наполнить меня своей спермой, шепча при этом фантазии о размножении, которые должны ужасать меня, но не ужасают.

— О чем ты думаешь? — Его большой палец проводит по моей нижней губе.

— Что я схожу с ума. — Честный ответ вылетает у меня изо рта прежде, чем я успеваю его отфильтровать. — Что это безумие.

— Хорошее безумие или плохое безумие?

Я целую его вместо ответа, потому что больше ничего не знаю. Черты стерлись до неузнаваемости. Моя миссия, мое предназначение, движущая сила, которая поддерживала мою работоспособность в течение трех лет, — все это рухнет под тяжестью искренних чувств.

Он целует меня в ответ, как будто понимает, как будто влюбляется так же сильно и быстро, несмотря на то, что точно знает, кто и что я.

— Айрис. — В его устах мое имя звучит по-другому. Не мишень, не добыча. Нечто драгоценное.

Моя грудь сжимается от эмоций, которые я не позволяла себе испытывать с тех пор, как умерли мои родители. Что-то теплое и пугающее, от чего мне в равной степени хочется убежать и остаться.

Я влюбляюсь в него. Влюбляюсь в человека, которого планировала погубить.

Глава 19

АЛЕКСЕЙ

Айрис спит, свернувшись калачиком у меня на груди, она наконец-то расслабилась, даже после кошмаров, которые мучили ее ранее. Мне тоже следовало бы поспать, но мой разум перебирает возможности, стратегии и цифровые пути.

Моррисон. Операция "Sentinel". Проект "Паслен".

Кусочки не совсем подходят друг к другу, а это значит, что мы упускаем что-то важное. Я осторожно вытаскиваю руку из-под Айрис и беру свой телефон с прикроватной тумбочки.

3:47 утра. Николай будет бодрствовать — он редко спит больше четырех часов.

Я выскальзываю из кровати, натягиваю спортивные штаны, прежде чем направиться в свой кабинет. Внизу раскинулся город, уличные фонари создают геометрические узоры на фоне темноты.

Мой брат отвечает после второго гудка.

— Надеюсь, у тебя хорошие новости.

— Мне нужна твоя помощь. — Я говорю тихо, чтобы не

разбудить Айрис. — Но тебе это не понравится.

Между нами повисает молчание. Затем: — Где ты?

— У себя дома.

— Я буду там через двадцать минут.

Он вешает трубку прежде, чем я успеваю ответить.

Я трачу время на то, чтобы собрать воедино все, что нашла Айрис — платежи Моррисона, связи Sentinel, сфабрикованные отчеты о несчастных случаях. К тому времени, как код безопасности Николая подает звуковой сигнал у моей двери, у меня есть три монитора, отображающих различные аспекты заговора.

Входит мой брат, все еще одетый в костюм с какой-то ночной встречи, на которой он присутствовал. Его серо-стальные глаза скользят по экранам, затем прищуриваются на мне.

— Начинай говорить.

— Фантом — это Айрис Митчелл. — Я позволил признанию повиснуть в воздухе. — И она была в моей постели последние три ночи.

Выражение лица Николая не меняется, но его пальцы слегка сжимаются — единственный признак, говорящий, что я его удивил.

— Тот самый Фантом, который морочил нам голову восемь месяцев?

— Да.

— И ты трахаешься с ней, потому что...?

— Потому что я одержим ею. — Правда дается легче,

чем я ожидал. — Потому что она блестящая, испорченная и единственный человек, который когда-либо соответствовал мне. Потому что ее родители были убиты в результате правительственной программы секретных операций, и она думала, что это сделали мы.

— Мы этого не делали.

— Я знаю. Теперь и она это знает. — Я указываю на экраны. — Но кто-то хотел, чтобы она думала, что это мы. Кто-то с достаточно глубокими связями, чтобы организовать нападение и обставить его как механическую неисправность.

Николай придвигается ближе к мониторам, просматривая информацию с аналитической точностью, которая делает его опасным. Он считывает все за считанные секунды; его фотографическая память обрабатывает детали быстрее, чем большинство людей могут себе представить.

— Операция Sentinel. — Он нажимает на один экран. — Подставная компания ЦРУ. Выполняет «грязную работу», к которой агентство официально не имеет права прикасаться.

— Можем ли мы проникнуть в их системы?

— Мы? — Николай переводит взгляд на меня. — Ты имеешь в виду себя и женщину, которая взламывала нас?

— Она хороша, Ник. Лучше, чем хороша. Она нужна нам.

— Нужна — это сильно сказано.

— Она потеряла своих родителей из-за этих людей. Они годами наблюдали за ней, ожидая, не подойдет ли она слишком близко к правде. — Я просматриваю финансовые отчеты.

ты Моррисона. — Этот агент требовал от Sentinel выплат с тех пор, как Айрис начала копать. Вчера она случайно взломала проект "Паслен".

Челюсть Николая сжимается. — Какого рода взлом?

— Полный доступ к секретным архивам. Она заметала следы, но они знают, что кто-то проник.

— Значит, она уже мертва. — Он произносит это с клинической отстраненностью человека, который видел слишком много тел. — Они нападут на нее в течение сорока восьми часов.

— Нет, если мы начнем первыми.

— Мы? — Он поворачивается ко мне лицом. — Алексей, это не какая-то проблема кибербезопасности, которую мы можем исправить. Ты говоришь о преследовании правительственной программы секретных операций, которая уже убила ее родителей и без колебаний убьет ее саму — и любого, кто ей помогает.

— Я знаю, о чем прошу.

— Правда? — Николай подходит ближе, и я вижу расчет в его глазах — он взвешивает риски. — Потому что, как только мы возьмем на себя обязательство, отступить будет некуда. Семья окажется вовлеченной. Дмитрий, Эрик и их женщины. Все.

У меня сжимается в груди. Я провел годы, будучи джокером, братом, который решает цифровые проблемы, оставаясь в безопасности за экранами. Теперь я прошу свою семью

сразиться с врагами, которые специализируются на исчезновении людей.

— Я люблю ее.

Эти слова удивляют меня не меньше, чем Николая. Его брови слегка приподнимаются.

— Ты спал с ней три дня.

— И я был одержим ею каждую секунду с тех пор, как она впервые взломала наши системы. — Я выдерживаю его взгляд. — Она моя, Ник. Моя, которую нужно защищать, которую нужно хранить. Я не позволю им забрать ее.

Николай долго изучает меня. Затем подходит к моему столу и берет трубку телефона.

— Что ты делаешь?

— Вызываю Дмитрия и Эрика. Если мы это делаем, каждый должен знать, на что он подписывается. — Он делает паузу, водя большим пальцем по экрану. — И Алексей? С этого момента она остается здесь. Твой пентхаус — самое безопасное место, которое у нас есть за пределами поместья.

— Ей это не понравится.

— У нее нет выбора. Больше нет.

Николай делает звонки, пока я возвращаюсь к мониторингу систем безопасности Айрис. Она хорошо их перестроила — лучше, чем мои первоначальные исправления, — но нет ничего непроницаемого. Особенно для организации, располагающей государственными ресурсами.

Дмитрий прибывает первым, выходя раздраженным из-

за того, что его вызвали в четыре утра. Эрик следует за ним десять минут спустя, его военная подготовка очевидна по тому, как он автоматически занимает позицию возле двери, включив режим оценки угрозы.

— Надеюсь, это чертовски важно, — бормочет Дмитрий, наливая себе водки из моего бара.

— Алексей влюблен в хакера, который нас взламывал, — категорично заявляет Николай.

Взгляд Эрика устремляется на меня. Дмитрий чуть не поперхнулся своим напитком.

— Фантом? — Дмитрий ставит бокал. — Ты шутишь.

— Ее зовут Айрис. — Я вывожу ее фотографию на главный монитор. — И она нацелилась на нас, потому что думала, что мы убили ее родителей.

— Это правда? — Голос Эрика тихий, опасный.

— Нет. Но подставная компания ЦРУ сделала это, и с тех пор они следили за ней. — Я рассказываю им обо всем — о Моррисоне, операциях "Sentinel", проекте "Паслен".

Дмитрий прислоняется к моему столу, обдумывая услышанное. — Итак, ты хочешь, чтобы мы начали войну с правительственной программой тайных операций, потому что ты трахаешься с их целью?

— Потому что она моя, — огрызаюсь я. — И они убьют ее, если мы не начнем действовать первыми.

— Когда ты стал таким безрассудным? — Дмитрий выглядит искренне озадаченным. — Ты всегда был умным, Алек-

сей. Тот, кто думает, прежде чем действовать.

— Я думаю. Я думаю, что если мы позволим им забрать ее, я проведу остаток своей жизни, охотясь за всеми, кто в этом замешан. — Мои руки сжимаются в кулаки. — И это не будет чисто или стратегически. Это будет кроваво.

Эрик покидает свое место у двери. — Покажите мне агента.

Я открываю файл Моррисона. Эрик изучает его с сосредоточенной интенсивностью человека, который запомнил бесчисленные профили врагов.

— Бывший оперативник ЦРУ, переведен во внутреннюю разведку три года назад. — Палец Эрика прослеживает хронологию событий. — В то же время Айрис начала свое расследование. Это не совпадение.

— Нет, — соглашается Николай. — Это сдерживание. Они приставили Моррисона следить за ней.

— А если она подойдет слишком близко? — Спрашивает Дмитрий.

— Тогда Моррисон активирует любой актив, который у них есть наготове. — Челюсть Эрика сжимается. — Стандартный протокол секретного воздействия.

Дверь офиса открывается, и на пороге стоит Айрис, одетая в одну из моих футболок и больше ни в чем. Ее платиновые волосы растрепаны со сна, льдисто-голубые глаза пронзительны, несмотря на поздний час.

— Что происходит?

Четыре пары глаз поворачиваются к ней. Она не дрогнула под пристальным взглядом, чем заслужила невольное уважение моих братьев.

— Семейное собрание, — говорю я, подходя к ней.

— Очевидно, обо мне. — Она смотрит мимо меня на мониторы, на которых отображаются файлы ее родителей. — Ты им позвонил.

— Им нужно знать, с чем мы имеем дело.

Смех Дмитрия прорывается сквозь напряжение. — Это Фантом? Она выглядит так, словно ей следует заниматься моделированием нижнего белья, а не взламывать наши серверы.

— Внешность бывает обманчива, — холодно говорит Айрис.

— Очевидно. — Оценивающий взгляд Эрика перемещается между нами. — Как долго она была в твоей постели?

— Три дня, — говорю я, прежде чем Айрис успеет ответить.

— Три дня, и ты созываешь экстренное семейное собрание? — Дмитрий усмехается. — Это, должно быть, рекорд даже для тебя.

— Отвали.

— Нет, серьезно. — Дмитрий поудобнее устраивается на моем столе. — Ты знаешь ее сколько, всего неделю? И ты уже втягиваешь нас в войну с правительственными секретными операциями?

— Я знаю ее восемь месяцев с тех пор, как начал за ней ухаживать. — Поправка выходит резче, чем предполагалось.

— Знать, как кто-то взламывает, — это не то же самое, что знать его самого, — указывает Эрик.

Айрис проходит дальше в комнату. — Он прав. Он меня не знает.

— Я знаю, что ты потеряла родителей, когда тебе было шестнадцать. Я знаю, что ты принимаешь снотворное от ночных кошмаров, пьешь слишком много кофе и называешь все свои системы именами созвездий. — Я выдерживаю ее взгляд. — Я знаю, что ты сейчас напугана, но слишком упряма, чтобы показать это.

Она судорожно сглатывает.

— Это все еще просто данные, — говорит Дмитрий. — Не объясняет, почему она в твоей постели.

— Потому что я ее туда затащил, — огрызаюсь я.

— И она осталась, потому что...?

— Потому что альтернативой было возвращение домой, в квартиру, за которой Моррисон, вероятно, уже установил наблюдение. — Айрис скрещивает руки на груди. — Хотя я начинаю думать, что так было бы безопаснее.

Ее слова проникают глубже, чем любой код. После всего, что мы разделили — ночных кошмаров, признаний, грубой уязвимости — она сводит это к расчету удобства и безопасности.

— Верно. — Я поворачиваюсь обратно к мониторам. —

Безопаснее. Вот в чем дело.

— Алексей...

— Нет, я понимаю. Тебе нужно было безопасное место. Миссия выполнена.

Позади меня воцаряется тишина. Я чувствую на себе взгляды моих братьев, которые видят то, чего я никому не позволяю видеть, — трещину в моей броне.

— Я иду домой. — Голос Айрис прорывается сквозь напряжение. — Мне все равно нужно поговорить с Майей.

Я оборачиваюсь. — Это делает ее соучастницей. В тот момент, когда ты расскажешь ей о том, что нашла, она становится мишенью.

— Она уже все знает о моих поисках. — Айрис не отступает, несмотря на то, что на нее пялятся четверо мужчин Ивановых. — Она помогает мне уже два года. Каждая брешь, каждое досье, которое я собирала на тебя и твою семью, — Майя знала.

— Тогда она уже мертва, — категорично говорит Николай.

— Нет. — Руки Айрис сжимаются в кулаки. — Она осторожна. Она не оставляет следов.

— Предположительно, ты тоже. — Дмитрий указывает на экраны, показывающие записи наблюдения Моррисона. — И все же мы здесь.

— Майя — моя лучшая подруга. Единственная семья, которая у меня осталась. — Голос Айрис слегка дрожит. — Я

не брошу ее потому, что ты считаешь это слишком опасным.

— Дело не в том, что мы думаем, — тихо говорит Эрик.

— Речь идет о том, что они сделают, когда поймут, что ты взломала Паслен.

— Тогда я предупрежу ее. Скажу ей, чтобы она на время исчезла.

— А если Моррисон уже следит за квартирой? — Я подхожу ближе. — Если они ждут, чтобы увидеть, с кем ты свяжешься после взлома?

Айрис встречается со мной взглядом. — Я не могу просто оставить ее в неведении, Алексей. Она заслуживает знать, что ее ждет.

— Если ты приведешь их прямо к ней, то получишь пулю.

— Так что, я просто должна остаться здесь? Позволить тебе и твоим братьям управлять всем, пока я прикрываюсь твоим именем?

— Да.

— К черту. — Она поворачивается к спальне. — Я одеваюсь и иду домой.

Я хватаю ее за запястье, оттаскивая назад. — Если ты выйдешь за эту дверь, ты рискуешь обеими жизнями.

— Я напишу тебе позже.

Она высвобождается и исчезает в моей спальне. Тишину нарушают звуки собираемой одежды — шуршание ткани, шелканье молнии, мягкий стук обуви об пол.

Мои братья наблюдают за мной, ожидая, что я сделаю.

Мои инстинкты требуют, чтобы я последовал за ней и прижал к стене, связал ей запястья и держал ее здесь, где я могу ее защитить. Она моя. Мое, чтобы охранять, мое, чтобы контролировать, мое, чтобы...

— Ты собираешься отпустить ее? — Спрашивает Дмитрий.

Я смотрю на закрытую дверь спальни. Физическая боль от сдерживания ощущается как натянутые струны, готовые лопнуть.

Айрис появляется через пять минут, полностью одетая в черные джинсы и облегающий топ, которые были на ней вчера. Ее платиновые волосы зачесаны назад, льдисто-голубые глаза старательно пусты.

Она не смотрит на меня, направляясь к двери.

— Айрис.

Она останавливается, держась за ручку двери.

— Твой телефон. Дай его мне.

Теперь она поворачивается, приподняв бровь. — Что, прости?

— Если Моррисон отслеживает твои сообщения, ты транслируешь свое местоположение каждую секунду, не выключая его. — Я протягиваю руку. — Если только ты не хочешь привести их прямо к Майе.

Ее челюсть сжимается, но она достает телефон из кармана и бросает его мне. — Доволен?

— Нет.

Что-то мелькает в выражении ее лица — возможно, обида или гнев. Трудно сказать сквозь стены, которые она возводит между нами.

— Я возьму одноразовый телефон. Свяжусь с тобой через несколько часов.

— Не надо. — Николай делает шаг вперед. — Если тебе нужно связаться, используй зашифрованный канал, который установил Алексей. Все остальное скомпрометировано.

Айрис кивает один раз, затем выходит.

Дверь захлопывается за ней с сокрушительной окончательностью.

— Ты просто собираешься отпустить ее? — В тоне Эрика нет осуждения, только любопытство.

Я подхожу к окну, наблюдая за улицей внизу. Айрис выходит из здания, ее маленькая фигурка быстро движется к гаражу.

— Я не знаю, насколько высока угроза прямо сейчас. — Признание дорого мне обходится. — Моррисон, возможно, сидит на пороге, ожидая, что она предпримет дальше. Или "Sentinel", возможно, уже перебрасывает активы на позиции.

— Тогда ты позволяешь ей попасть под прицел, — говорит Дмитрий.

— Нет. — Я отслеживаю передвижение Айрис, пока она не исчезает. — Я дал ей достаточно веревки, чтобы либо повеситься, либо доказать, что она справится с этим.

У меня в груди пустота. Все неправильно.

Глава 20

Айрис

Майя склонилась над своим ноутбуком, когда я вхожу.

Она поднимает взгляд, разглядывая мою мятую одежду и, вероятно, сексуальную прическу, которую я не потрудилась привести в порядок. — Где, черт возьми, ты была?

Я падаю на диван, усталость наваливается с новой силой, теперь, когда адреналин спадает. — У Алексея.

— Конечно. — Она закрывает ноутбук. — Пока твой смертельный враг трахал тебя, я отслеживала трафик в наших сетях. Кто-то дважды за последний час проверял резервный сервер в Сингапуре.

— Вероятно, обычная рутина.

— В 4 утра? В субботу? — Майя встает и расхаживает по комнате. — Что случилось?

Я рассказываю ей все. О взломе Nightshade, выплатах Моррисону от Sentinel Operations и связи правительства с убийством моих родителей. Обещание Алексея помочь. Встреча с его братьями.

К тому времени, как я заканчиваю, Майя уже вся поблед-

нела.

— Собирай сумку.

— Что?

— Собирай. Сумку. — Она уже на ходу хватается свой рюкзак из шкафа. — Нам нужно уходить. Сейчас.

— Майя, остановись. — Я встаю, преграждая ей путь в спальню. — Мы замели следы. Приманки сработали.

— Ты взломала секретную государственную систему. — Она протискивается мимо меня, открывая ящики комода. — Ты действительно думаешь, что твое маленькое цифровое дымовое шоу обмануло Министерство обороны?

— Раньше это их обманывало.

— Раньше ты не занималась активным расследованием программы тайных операций, в результате которых погибли твои родители, и не раскапывала долбаный тупик, в который они тебя загнали. — Она бросает одежду в сумку, не складывая ее. — Раньше Моррисону платили не за то, чтобы он специально наблюдал за тобой.

— След исчез в Джакарте. У них ничего нет.

Майя поворачивается ко мне. — Им не нужны доказательства, Айрис. Им нужен предлог. И ты только что вручила им один из них, сунув нос в Паслен.

— Мы были осторожны...

— Осторожность не означает невидимость. — Она застегивает сумку. — Сколько времени пройдет, прежде чем они соединят точки? Пока они не поймут, что девушка, родите-

лей которой они убили, теперь хакер, взломавший их работу?

— Они не могут доказать...

— Им не нужно ничего доказывать. Они — чертово правительство. — Майя достает свой паспорт из ящика стола. — Они могут уничтожить нас обоих и назвать это национальной безопасностью.

Дверь с грохотом распахивается внутрь.

По полу разлетаются деревянные щепки, когда шестеро оперативников в черном тактическом снаряжении врываются внутрь с поднятым оружием. Красные лазерные прицелы рисуют точки на наших стенах.

— Федеральные агенты! Ложитесь на землю!

Майя хватает меня за руку, дергая в сторону спальни. Мы бежим по коридору, за нами стучат сапоги.

— Комната страха, — выдыхает она.

Мы подходим к шкафу. Пальцы Майи летают по потайной панели, пока я захопываю дверь спальни, выигрывая для нас секунды. Замок щелкает.

Она откидывает одежду в сторону, обнажая усиленную дверь, которую мы установили в прошлом году — паранойя приносит свои плоды. На панели виден отпечаток ее большого пальца, и металлический засов отодвигается с тяжелым стуком.

— Шевелись!

Я ныряю внутрь. Майя следует за мной, хлопая дверью,

когда в спальне раздаются громкие шаги. Засовы защелкиваются автоматически. Между нами и ними три дюйма стали.

Площадь помещения составляет шесть квадратных футов. Окон нет. Вдоль одной стены стоят принадлежности для экстренных случаев — вода, протеиновые батончики, одноразовые телефоны. Майя тяжело дышит, прижавшись к противоположной стене.

Что-то ударяет в дверь. Один раз. Два. Проверка.

— Как долго? — Шепчу я.

— Час. Может, два, прежде чем они прорвутся. — Она уже тянется за одноразовым телефоном. — Нам нужно...

— Нет. — Я хватаю ее за запястье. — Они триангулируют сигнал.

— Что тогда?

Я достаю свой собственный телефон — один из пяти, которые я храню здесь. Мои пальцы дрожат, набирая номер, который я запомнила этим утром.

Он отвечает после первого гудка.

— Айрис?

— Они здесь. — Мой голос срывается. — Вооруженные оперативники. Федералы, возможно, ЦРУ. Мы добрались до комнаты страха, но...

Скрип металла о металл. Они используют электроинструменты для откручивания петель.

— Где именно ты находишься? — Голос Алексея становится холодным, сдержанным.

— В моей квартире.

— Как долго ты сможешь продержаться?

— Час. Самое большее — два. — Вой инструментов усиливается. — Алексей, они собираются схватить нас.

— Нет...

— Послушай меня. — Сквозь увеличивающуюся щель в двери сыплются искры. Конечно, у федералов должны быть передовые технологии. Эта дверь должна противостоять большинству попыток взлома, но они разрезают ее, как масло. — Моррисон знает. О Паслене, о моих родителях, обо всем. Это зачистка.

— Я иду...

— Ты не можешь. — Факел врезается глубже. — Не успеешь. Их слишком много.

Между нами воцаряется тишина, нарушаемая только скрежетом рвущегося металла.

— Айрис. — Его голос понижается. — Не позволяй им разлучить тебя и Майю. Что бы ни случилось, оставайтесь вместе. Я найду тебя.

Факел прорывается наружу. Свет заливает наше святилище.

— Время вышло, — шепчет Майя.

Дверь с грохотом падает внутрь, снося с собой половину стены.

Я немедленно падаю на колени, поднимая руки. Майя повторяет мои движения, двигаясь с отработанной точностью,

которую мы отработывали именно для этого сценария.

— Не двигаться!

Шесть красных точек танцуют на моей груди. Ведущий оперативник — короткая стрижка, мертвые глаза — продвигается вперед, в то время как его команда выстраивается.

— Руки за голову. Переплетите пальцы.

Я подчиняюсь. Пластик впивается в мои запястья, когда застежки-молнии туго затягиваются. Они дергают Майю вверх первой, ее плечо врезается в дверной косяк.

— Полегче! — Я начинаю вставать, но грубые руки толкают меня обратно.

— Заткнись.

Они тащат Майю через разрушенный дверной проем. Ее глаза встречаются с моими — испуганные, но пронизательные. Расчетливые. Все еще борются.

Моя очередь. Сильные захваты под мышками, подъем. Я, спотыкаясь, иду вперед; ноги у меня нетвердые. Квартира разнесена вдребезги. Мебель перевернута, электроника разбита, мои серверы сорваны со своих креплений, провода болтаются, как перерезанные артерии.

Одноразовый телефон все еще зажат в моих связанных руках. Я сжимаю его раз. Дважды. Сигнал аварийного маяка активируется по каналам с тройным шифрованием.

— Брось его.

Ботинок врезается мне в ребра. Воздух вырывается из моих легких, и телефон с грохотом улетает под диван.

— Алексей... — выдыхаю я его имя, прежде чем успеваю остановиться.

Выражение лица ведущего оперативника меняется. Узнавание. Нечто худшее, чем ярость — удовлетворение.

— Значит, это правда. — Он хватает меня за челюсть, заставляя посмотреть ему в глаза. — Фантом трахается с Ивановым.

Майя борется со своими похитителями. — Оставьте ее в покое!

Движение сзади. Через мое плечо перекидывается ткань — белая, медицинская. Первым ощущается резкий химический запах.

Хлороформ.

— Нет... — Я извиваюсь, сопротивляясь, но руки смыкаются вокруг моего черепа. Ткань сильно давит на нос и рот, перекрывая доступ воздуха. Отрезая все.

В глазах двоится. Утраивается. Квартира наклоняется вбок.

— Айрис! — Из брошенного телефона доносится голос Алексея, металлический и далекий. — АЙРИС!

Его крик дробится на эхо. Мои колени подгибаются. Кто-то подхватывает меня — или, может быть, я падаю, но я больше не могу сказать.

Мир сужается до точки света.

Потом ничего.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.